

И.Л. МАНЬКОВА

ХРАМ

*в сердце
и памяти*

По благословению
Высокопреосвященнейшего Викентия,
Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского

Икона Св. Екатерина

ПОДГОТОВКА И ИЗДАНИЕ КНИГИ
ОСУЩЕСТВЛЕНЫ
ПРИ СОДЕЙСТВИИ И ПОДДЕРЖКЕ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
«ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ»

Екатеринбургский
общественный
благотворительный
фонд

ИСТОРИИ И
АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

И.Л. МАНЬКОВА

Храм в сердце и памяти

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО
ЕКАТЕРИНИНСКОГО
СОБОРА

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2000

ББК 86.372

М 23

УДК 293.1

Ответственный редактор:

д-р ист. наук *С.П.Постников*

Рецензенты:

Н.С.Корепанов,

протоиерей *Петр Мангилев,*

канд. ист. наук *М.Ю.Нечаева*

Автор выражает глубокую признательность за помощь
в подготовке книги:

С.А.Белобородову,

А.В.Берковичу,

В.Г.Железкину,

Л.И.Зориной,

Е.М.Ивановой,

С.А.Кабановой,

А.П.Килину,

Ю.Клюкиной,

В.В.Маслакову,

В.П.Микитюку,

А.В.Полетаеву,

О.Ю.Сарафанову,

О.Н. Череватову,

а также:

сотрудникам Государственного архива Свердловской области,

Лаборатории археографических исследований

Уральского государственного университета,

Уральского Музея Молодежи

ISBN 5-93472 013-9

© И.Л.Манькова, 2000

© Издательство «Академкнига», 2000

© И.Зиганшин, слайды, 2000

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга рассказывает о судьбе екатеринбургского Екатерининского собора, а также о тех, кто его строил, в нем служил, крестился и венчался, исповедовался и давал присягу, одним словом, о тех, кто жил в нашем городе в разные периоды его истории.

Сто лет назад в Екатеринбурге было около 20 церквей, но особое место среди них занимал «Градо-Екатеринбургский Екатерининский собор», располагавшийся на перекрестке Главного проспекта и Пушкинской улицы. Екатеринбургцы всегда считали Екатерининскую церковь главной. Она была возведена первыми строителями завода-крепости и более 20 лет оставалась единственным храмом нового города. Время и огонь не пощадили Екатерининскую церковь, но во второй половине XVIII века на ее месте по проекту талантливого екатеринбургского чертежника А.Кичигина был построен великолепный каменный собор во имя Святой Екатерины.

История Екатерининского храма неразрывно связана с историей города — столицы горнозаводского Урала. Недаром вплоть до начала XX века его называли соборной горной церковью: в нем давали присягу первые горные офицеры, сюда по воскресным и праздничным дням приходили многие заводчане, здесь хранилось знамя Уральского горнозаводского батальона. Екатеринбургские купцы, золотопромышленники, видные общественные деятели и рядовые обыватели активно участвовали в приходской жизни храма. Заметный след в истории культуры и просвещения города оставило духовенство Екатерининского собора. Трагичной оказалась судьба храма в советское время: из собора изымались ценности, осквернялись святыни, в его стенах разгорались конфликты обновленцев и тихоновцев, а в 1930 году, как и многие другие, он был взорван. Память о Екатерининском соборе — это память о светлых и мрачных страницах нашей истории.

В.Ю. Пленкин,

Президент Екатеринбургского общественного
благотворительного фонда «Истории и археологии»

Страшно и прекрасно одновременно.
Страшно потому, что церковь разрушена.
Прекрасно потому, что она на самом деле
не разрушена: ее русский человек переселил
в свои сердце и память.

Вук Драшкович

Завод-крепость

И ЕГО ПЕРВАЯ ЦЕРКОВЬ

Уже в XVII веке российские власти, тратя огромные средства на покупку металлов за границей, были озабочены обретением собственных рудных месторождений. Государственные экспедиции и частные лица искали серебряную, золотую, медную, оловянную и железную руду в Поморье и Центральной России, на Урале и в Сибири. Но, в основном, «везло» на железо. Строились небольшие казенные и частные железоделательные заводы. Как правило, они работали недолго, поскольку несовершенная техника и технология позволяли плавить металл только из руды с высоким содержанием железа. Московское правительство поддерживало в этом деле инициативных и предприимчивых людей, но таких находилось крайне мало.

В первой четверти XVIII века длительная Северная война со Швецией — главным поставщиком металлов, необходимость обеспечения армии оружием и боеприпасами заставили Петра I всерьез задуматься о развитии отечественной промышленности. Нужны были кардинальные меры по стимулированию частной инициативы и новая эффективная система управления горным делом, высококвалифицированные кадры инженеров, мастеров и управленцев. В декабре 1719 года был издан важный указ о развитии горнорудного дела в России, получивший название Берг-привилегия. Отныне разрешалось искать руды на любых землях и «заводить заводы» всем желающим независимо от их сословного положения. Заводчикам гарантировались льготы, ссуда и наследственное владение. Для управления горнозаводской промышленностью был создан центральный орган — Берг-коллегия, а на местах учреждался институт ее представителей — берг-офицеров. Одновременно стояла задача развития государственной горной промышленности.

С начала XVIII века важнейшей горнопромышленной базой страны становится Урал. В марте 1720 года сюда были направлены уполномоченные от Берг-коллегии Главный командир капитан В.Н. Татищев, И.Ф. Блюэр и И.Ф. Патрушев. Эта команда и стала первым Сибирс-

ким горным начальством. В январе 1721 года В.Н.Татищев с товарищами приняли решение строить крупный казенный завод-крепость на реке Исети, который должен был стать горной столицей края. Вскоре было найдено подходящее место и начались подготовительные работы. Но в конце мая из Берг-коллегии пришло распоряжение строительства не начинать. Однако В.Н.Татищев в надежде, что в скором времени на Исети появится завод-крепость, готовил чертежи, подыскивал мастеров. Но конфликт с заводовладельцами Демидовыми и отзыв в Москву в 1722 году не позволили Главному командиру осуществить свою мечту.

В том же 1722 году на Урал прибыл новый руководитель Сибирского горного начальства генерал-майор Вилим Иванович Геннин. У него не было сомнений в необходимости строительства Исетского завода. В конце 1722 года он писал в Берг-коллегию: «Весною буду строить железные заводы на Исети». Центральная власть согласилась с этим решением¹.

В начале 1723 года на берегу Исети началось строительство завода-крепости. Предполагалось, что основной рабочей силой на этом строительстве будут приписные крестьяне. Это были личновободные крестьяне, проживавшие в государственных селах и слободах. Как и все мужское население страны, кроме дворян и священнослужителей, они должны были платить в государственную казну обязательный налог — подушную подать. Но эта повинность для них была заменена отработкой при заводах. Для крестьян это было крайне обременительно, но зато государство получало большое количество бесплатных работников. В 1723 году на строительство Исетского завода были направлены крестьяне из деревень 20 приписных и неприписных слобод Верхотурского уезда и Каменского дистрикта (района) Сибирской губернии. Также В.Геннин надеялся нанять за плату вольных людей и даже распорядился принимать на поселение пришедших без паспортов, что являлось не совсем законным. Но рабочей силы не хватало, и генерал обратился в Тобольск и через Берг-коллегию к Военной коллегии с просьбой прислать хотя бы полтысячи солдат. В феврале-марте 1723 года на строительство прибыли два батальона Тобольского полка. Первое время они возводили крепость и жилье, потом присоединились к крестьянам и заводским работникам на строительстве плотины. Еще предстояло возвести домну, цеха и другие заводские постройки. Весна 1723 года выдалась голодной, не хватало продовольствия, в ближних селениях начался падеж скота. Люди стали болеть. Крестьяне самовольно уходили в родные деревни за хлебом. Ударились в бегу солдаты. Беглецов ловили и сурово наказывали.

Тем временем, кроме всех прочих забот, В.Геннин думал и об имени для нового завода-крепости. Обычно завод называли по реке, на которой возводилась плотина. Но этот должен был стать главным на Урале, противовесом «демидовскому царству», поэтому и имя у него должно было быть особым, гордым и величественным. Тут нужно отдать должное смекалке генерал-майора В.Геннина. Дело в том, что строительство завода-крепости шло в тяжелейших условиях и без личного участия Петра I грозило растянуться на долгие годы, а то и совсем заглохнуть. Вспомнился опыт

организации заводов на Олонце, названных в честь императора Петровскими и пользовавшихся особой царской поддержкой. К июню 1723 года В.Геннин отправил лично Петру I три послания о ходе дел на берегах Исети, но ответа так и не получил. Тогда он написал императрице Екатерине о строительстве нового завода и крепости, которые «осмелился именовать до указу Катериненбурх, а заводы — Катериненбургские, в память высокочеславного имени Вашего величества ... однако ж о том ожидаю указу»².

Императорская чета благосклонно отнеслась к этому известию. А дальше все было предопределено: небесной покровительницей завода-крепости стала святая великомученица Екатерина, а день ее памяти (24 ноября по старому стилю или 7 декабря — по новому), одновременно и день именин императрицы, — главным праздником будущего города, к которому приурочивались все важнейшие события. Конечно, и первую заводскую церковь должны были освятить во имя св. Екатерины...

Святая Екатерина родилась в Александрии «во времена нечестиваго царя Максимиана». В Четых Минях Дмитрия Ростовского о ней сказано так: «Дщерь Консты прежняго царя, зело красна, возрастом высока, осмьнадесять лет имущая, зело же премудра: научися бо всякому еллинскому писанию, навиче мудрости всех древних книготворцев ... не токмо же философов, но и врачей книги добре уведа... всему риторскому и силлогистическому мудрованию и всякому речению и языку изучися, яко всем дивится премудрости ея». Мученическую кончину Екатерины за христианскую веру относят к 308 году.

В VIII веке ее мощи были открыты египетскими христианами и перенесены в монастырь на Синайской горе. В эту обитель приходи-

ло много паломников, и почитание св.Екатерины распространилось сначала в Восточной церкви, а потом перешло и на Запад, где ей посвящено множество гимнов и рифмованных легенд. В европейских странах она является покровительницей учащегося юношества. В русской народной традиции считается, что молитва св.Екатерине защищает от ереси и клеветы. Есть известие, что Петр I подарил монастырю св. Екатерины на Синае драгоценную раку для ее мощей³.

Итак, строительство нового завода-крепости шло полным ходом. В сентябре 1723 года в основном была готова плотина. Одновременно нужно было думать о налаживании быта, организации религиозной жизни. С

Рис. 1
«Великомученица Екатерина».
Икона конца XIX-начала XX вв.

одной стороны, это отвечало традиционным духовным потребностям русских поселенцев. С другой стороны, церковь была важным средством воспитания и контроля за нравственностью и поведением жителей крепости. С ее помощью население приучалось жить по законам «регулярства» Петровской эпохи. Как писал историк церкви П.В.Верховский, «вера, которая прежде ценилась сама по себе, как путь ко спасению ... теперь стала цениться как нечто полезное для государства, как воспитывающее и сдерживающее начало ... удобное в целях достижения «общего блага»⁴.

Представления Петра I о порядке, по которому должна жить обновленная Россия, основывались на теории «общего блага» как великой цели человечества, зародившейся в Западной Европе в XVII веке. Мыслители эпохи Просвещения считали, что самым совершенным инструментом для достижения этой цели является государство. Оно строго и подробно должно регламентировать все сферы жизни человека и общества, воспитывать подданных в нужном для достижения великой цели духе. Именно такое государство и стремился построить Петр I, называя его «регулярным»⁵.

Посещение церкви и соблюдение православных обрядов Петр считал обязанностью подданного, ибо тот, кто не ходит в церковь, живет «праздно», в безделье. Особое значение придавалось строгому соблюдению обряда исповедания. Именной указ от 8 февраля 1716 года предписывал духовным отцам и приходским священникам подавать архиереям, судьям духовных дел или церковным старостам списки тех, кто не был у исповеди. А те, в свою очередь, обязаны были передавать эти поименные росписи местным светским властям для наказания нарушителей. В качестве наказания законом был предусмотрен штраф в размере «против дохода втрое»⁶.

Спустя два года этот указ был дополнен. Новый именной указ от 17 февраля 1718 года был реакцией Петра I на многочисленные сообщения о непосещении церквей. Всем подданным предписывалось быть в церкви в Господские праздники (т.е. праздники православной церкви) и в воскресные дни к вечерней и заутренней службам, а также к литургии. За тем, чтобы все прихожане исповедовались, должны были следить священники, либо приказчики, либо старосты. Теперь уже в специальные церковные книги заносились все — и кто был у исповеди, и кто не был. Эти книги отсылались епархиальным властям. Устанавливалась новая система штрафов для неисповедовавшихся: если проступок был совершен впервые, то с разночинцев и посадских брали по рублю, с поселян — по 10 денег (5 копеек), с тех же, кто «в таких противностях явится» во второй и в третий раз, штрафы соответственно увеличивались в два и в три раза. Согласно этому указу, подлежали наказанию и те священники, которые не сообщали о неисповедовавшихся: в первый раз их штрафовали в размере 5 рублей, во второй — 10, в третий — 15 рублей, на четвертый раз уже снимали священство. Также предписывалось избирать на должности в органы местного самоуправления только тех, кто исправно бывает на исповеди⁷.

Почему же государственная власть уделяла столь пристальное внимание обряду исповедания? Дело в том, что для светской власти исповедь стала средством контроля за умонастроениями подданных. Указом от 28 апреля 1722 года Петром I был совершен кощунственный шаг с точки зрения веры. На основе этого документа Синод обязывал священников открывать тайну исповеди, если прихожанин признавался в намерении совершить воровство, измену или бунт против государя или государства, «злое умышление» на честь или здоровье государя и его семьи⁸.

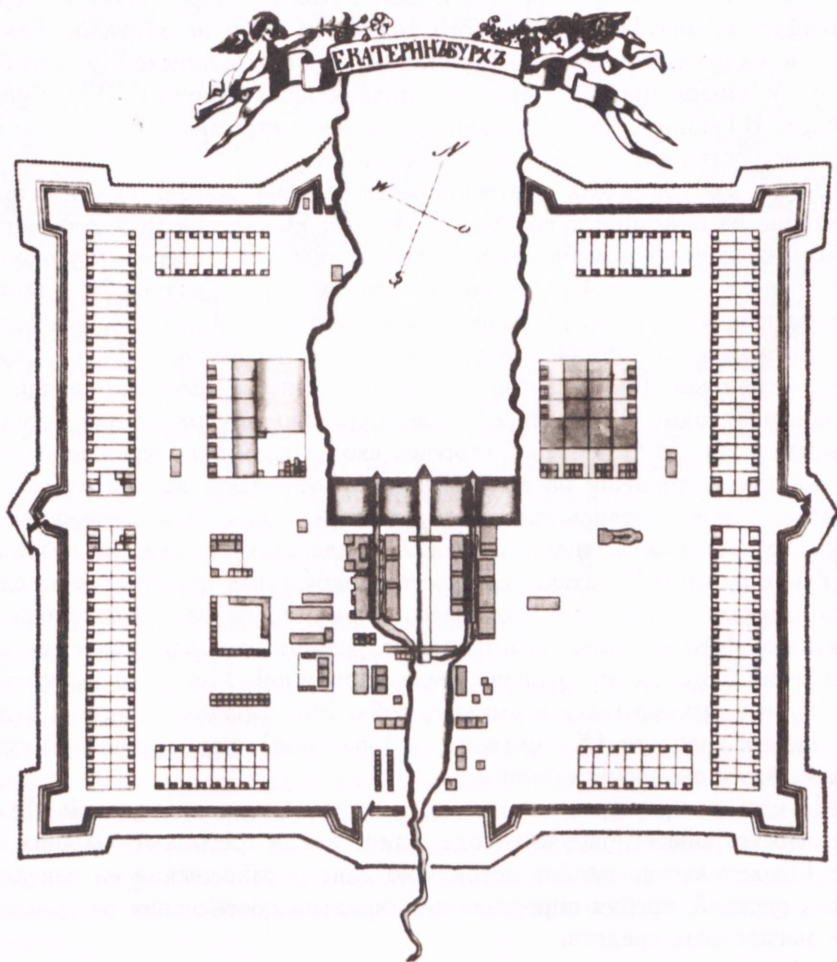
Издавна повелось так, что где бы русские люди не строили поселения, обязательно вслед за жильем они возводили церкви. По распоряжению заводского начальства 1 октября 1723 года на левом берегу реки Исети, недалеко от плотины, священник Тобольского полка Иван Ефимов освятил закладку Екатерининской церкви. Пока шло ее строительство, жители крепости были приписаны к приходу церкви Уктусского завода, находившегося в 7 верстах от Екатеринбурга. Строили первый Екатерининский храм как умели, без проекта, «на глазок». Квалифицированных мастеров-каменщиков, знатоков церковного зодчества явно не хватало. Тем не менее в конце лета 1724 года строительство Екатерининской церкви близилось к завершению. 30 августа управляющий заводом Ф. Неклюдов сообщил В. Геннину, что «у церкви колоколна построена совсем, толко еще крест не поставлен, понеже ево делают в Уктусе»⁹.

О том, как выглядела Екатерининская церковь, можно получить представление из описания крепости 1734 года: «Складена меж деревянныя столбы из кирпича и выбелена известью. Столбы и у дверей, и у окончин (т.е. у окон. — *Авт.*) рамы высмолены смолою. Церковь, и алтарь, и трапеза покрыты тесом. На церкви глава обита белой жостью, над папертью колоколя, на которой шпиг покрыт белой же жостью». Пол в церкви был деревянным. Имелись три кирпичные печи (видимо, две находились в трапезной, одна — в алтаре). Свет проникал внутрь здания через 24 слюдяных окна¹⁰. С западной стороны вход в храм был через трапезную. Он запирался снаружи на висячий замок после того, как из церкви все уходили. Также имелись южный и северный входы. А поскольку на колокольне постоянно находился часовой, следовательно, вход на колокольню был с паперти¹¹. Итак, первая екатеринбургская церковь была одноглавой, имела планировку «кораблем» (храм, трапезная, колокольня над папертью). Чтобы стены были прямыми, разметку сделали просмоленными столбами. В целом же церковь была кирпичной. Иногда в документах XVIII века она называлась «мазанковой». Это означало, что, как и другие здания крепости (Канцелярия, лаборатория), перед побелкой стены церкви были обмазаны глиной.

Церковь построили, но почти год она простояла неосвященной. Дело в том, что устройство церкви и содержание клира требовали больших затрат. Правительство крайне осторожно давало разрешение на заведение новых церквей, требуя определенных гарантий обеспечения расходов за счет неказенных средств.

В 1700 году митрополит Тобольский и Сибирский Филофей в ответ на просьбу верхотурского воеводы А.И.Калитина открыть новую церковь в одном из заводских поселков Верхотурского уезда писал: «В Великороссийском государстве ведется, что первой чин устроят — чин служителям церковным сытым быти, и тогда церковь строят». И только после того как «священники с причетники сыты будут», Филофей соглашался дать благословение на строительство церкви, потому что «довольно священники в нашей епархии нищету терпят, великого государя руги (т.е. жалованья. — Авт.) давать им не велено: а земель в даче к церквам нет, а народ годового [содержания] в пропитание священником с причетники за скудостью давать не хотят»¹².

Рис. 2. План Екатеринбурга 1734 г.

Конечно, в только что построенной крепости рассчитывать на дальнейшее благоустройство храма и содержание клира за счет неказенных средств не приходилось. Почти все горожане жили на весьма скромное государственное жалованье. По мнению историка Н.С.Корепанова, к 1725 году население Екатеринбурга, включая управителей и подьячих, заводских работников и новопоселенцев, записавшихся в бобыли (бездворные жители), не многим превышало пять сотен. Бобылей и пришлых, живущих в черте крепости, насчитывалось 68, живущих по берегам пруда за крепостью — 41, внизу за городом — 48; мастеровых и работных людей с учениками и вообще всех лиц «заводской команды», кроме подьячих и горных офицеров, — от 200 до 300. Горные офицеры находились на высшей ступени социальной лестницы в казенных заводах. Большинство из них составляли дворяне, которые находились на государевой службе. Основным источником их существования являлось окладное жалованье, а не доходы с родовых имений. Каждые два-три года по приказу они меняли место службы, переезжая с завода на завод, с рудника на рудник ¹³.

С казенными деньгами было также крайне туго. С осени 1724 года Екатеринбург, как и все государственные заводы, начал страдать от безденежья: подошли к концу отпущенные В.Геннину в Сенате средства. Даже деньги на полугодовой оклад самому генералу пришлось просить у Демидовых ¹⁴. Необходимо было принимать срочные меры, чтобы справиться со сложившейся ситуацией. В 1725 году было решено начать чеканку «чрезвычайных денег» — плат. Это были медные квадратные пластины с четырьмя орлами по углам. Их номинал равнялся реальной стоимости куска меди, из которого они чеканились. Они имели местное обращение, подделывать или долго хранить их не имело смысла. В срочном порядке собственными силами построили Платный двор, изготовили необходимое оборудование, и в 1726 году была отчеканена пробная партия 1- и 5-копеечных плат.

Но и в крутоверти этих жизненно важных дел В.Геннин не забывал об Екатерининской церкви. Вновь пришлось обратиться к земной покровительнице. 2 января 1726 года он послал доношение в Кабинет Ее Императорского Величества, сообщив, что церковь во имя святой Великомученицы Екатерины построена, а «поныне не освящена, тако ж потребной утвари и служителей при ней новости ради (т.е. из-за нового. — Авт.) места не имеется». Далее он писал: «Прошу всепокорно Вашего императорского величества, дабы повелено было оную здесь построенную церковь указать тобольскому митрополиту освятить и потребными церковными служителями удовлетворить. Тако ж и церковною утварью всемилостивейше наградить, дабы оная церковь не стояла без службы» ¹⁵.

Одновременно В.Геннин обратился с такой же просьбой непосредственно к митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию. 22 февраля 1726 года преосвященный поручил архимандриту Тобольского Знаменского монастыря Геннадию выехать в Екатеринбург для освящения новопостроенных Екатерининской церкви и Покровского храма в Горном Ците ¹⁶.

Освящение Екатерининской церкви было назначено на 27 февраля 1726 года. Этот день был отмечен традиционным набором праздничных атрибутов того времени. Накануне В.Геннин написал кабинет-секретарю А.Макарову: «... для многолетнего здравия Ея величества всем мастеровым людям и салдатом екатеринбургским осмелюся дать ис погребя Ея величества каждому по чарочке, и чаю, что того в расходе будет ведр с десять»¹⁷. Во время освящения было произведено три залпа из одиннадцати пушек. Архимандрита и его свиту отблагодарили новыми платами на сумму в 30 рублей.

По просьбе В.Геннина митрополит Антоний организовал в Тобольске закупку для Екатерининской церкви самой необходимой недорогой утвари, вина, воска и ладана на присланную из Екатеринбурга весьма скромную казенную сумму. Кое-что преосвященный послал лично от себя в дар¹⁸.

В том же письме А.Макарову В. Геннин писал: «... покорно прошу, пожалуй, изволь предложить и вспомнить Ея императорскому величеству, чтоб оную (т.е. Екатерининскую. — *Авт.*) церковь для строения алтаря и покупки церковной утвари и для содержания при церкви оной служителей для того, что здесь мастеровые люди скудны и приход мал»¹⁹.

Кабинет-секретарь А.Макаров выполнил просьбу В.Геннина — сообщил императрице о нуждах Екатерининского храма. Екатерина I не оставила без внимания эту просьбу и отдала распоряжение сделать все необходимое облачение для духовенства в Санкт-Петербурге, а утварь и книги купить в Москве. В конце июля 1726 года с фурьером Тобольского полка в Екатеринбург был отослан дорогой царский подарок.

Священные одежды, а также воздухи, пелена и покрова были сделаны из дорогих шелковых (штофных и тафтяных) тканей ярко-красного цвета, вышитых белыми и желтыми травами и цветами, и богато украшены золотым позументом. В московской части царского дара был полный комплект книг, необходимых для отправления богослужения (Евангелия, Псалтырь, Триоди, Минеи, Устав церковный и др.).

Среди присланной утвари были серебряные сосуды, напрестольный крест, ковчег, копие, а также медные водосвятная чаша и укропник, оловянный ковчег для мира, кадило, местами посеребренное и позолоченное, кропило. Согласно реестру, книги и утварь стоили 198 рублей 33 копейки²⁰.

Еще одной заботой В.Геннина было оборудование алтарной части храма. По его требованию приказчик баронов Строгановых Воронов прислал в Екатеринбург резчика Федора Охлыпина «для резных работ построения в церкви алтаря». 23 марта 1726 года заводской конторе было предписано дать мастеру квартиру, жалованье по 2 рубля в месяц и по его требованию «отправлять к тому делу лес, снасти и прочее, что будет требовать без удержания, тако ж для помощи придать ему столярей и плотников сколько пристойно и смотреть, чтоб как поискоря строили». При устройстве алтаря Ф.Охлыпин должен был руководствоваться «регулами и препорциями архитектура Цевилиса» под контролем самого В.Геннина. Вряд ли здесь речь идет о проекте, специально разработанном для Екатерининской церкви: в Петровское время в России появилось большое ко-

личество иностранных специалистов, которым поручалось составление разнообразных пособий, регламентировавших практически все сферы человеческой деятельности. Очевидно, у В.Геннина было одно из таких пособий по устройству православных храмов. «А как надлежит быть иконостасу для поставления икон», то отдавалось на усмотрение прихожан ²¹.

Но, конечно, сами прихожане вряд ли бы смогли найти в близлежащей малоосвоенной округе иконописцев и оплатить их работу. И эту заботу взял на себя Вилим Иванович. Зная, что иконописцев в первую очередь нужно искать в монастырях, он списался с настоятелями Пыскорского Преображенского и Тюменского Троицкого монастырей.

Уже в марте 1726 года пыскорский архимандрит послал в Екатеринбург мастера Степана Леонтьева, известного своими картинами для Пермского бергамта (заводоуправления). При этом старец прямо писал, что их обитель рассчитывает «в приключаящихся делах» на поддержку могущественного В.Геннина. А с 1 июня в Екатеринбурге начал «писать образа» для иконостаса тюменский монах Антоний. Пока в качестве аванса иконописцам было назначено жалованье по рублю в месяц, а по завершении, «рассмотря их работу», Сибирский обер-бергамт мог выдать им «награжденное» ²².

Иконостас был сделан «небогатою рукою». Как можно определить по описи церковного имущества 1748 года, он был двухъярусным: нижний ярус — местный чин, верхний — праздничный чин, а завершал его образ Распятия Господня. Часть икон местного чина была выполнена даже не на досках, а на холсте. В описи церкви 1734 года об иконостасе скромно было сказано: «Крашеной разными красками» ²³. Местными столярами был сделан восьмигранный амвон и обит красным сукном.

По замыслу В.Геннина, в шатре колокольни должны были быть устроены часы, чтобы город жил не по барабанному, а по точному часовому бою. (Дело в том, что с начала строительства завода-крепости был заведен такой порядок: в 5 часов утра (зимой — в 6) по перекресткам и в начале улиц били барабаны, будя поселян и созывая их на работу.) Торопились установить часы к освящению храма. 16 февраля 1726 года из Сибирского обер-бергамта на Каменский завод, где делали часы, ушло распоряжение «часы перевезть в Екатеринбург со всем надлежаществом в самой скорости ... а для собрания оных привести часового мастера с Каменских заводов». Однако эти часы довольно быстро вышли из строя и оказались в казенном амбаре. Уже в 1728 году на Екатеринбургском заводе были сделаны новые «боевые» часы. В документе обер-бергамта о заводских припасах от 26 октября 1728 года было записано, что часы отданы Екатерининской церкви, но еще не попали в приходо-расходные книги, а на их смазку требуется топленое говяжье сало и конопляное масло. Но и у этого механизма что-то не ладилось: «ходят неправильно и безпрестанно мешаются, и оттого времени и указных часов работы отпускать и на работу позывать невозможно».

В мае 1729 года Сибирский обер-бергамт поручил кузнецам Тимофею Никонову и Андрею Лешукову привести часы «в добрый ход», сде-

лать к ним «круг с надписанием указательных литер часовых и с указательною стрелою или те литеры, вырезав из жести, зделать» и содержать часы «в добром порядке». Заодно кузнецы должны были осмотреть и сломанные каменные часы, и если будут «не годны к ходу, то потребить их в роскошку на заводские всякие поделки»²⁴.

Екатерининская церковь постепенно обустроивалась. Практически все церковное имущество было приобретено на казенные средства в разных местах. Кое-что сделали на Екатеринбургском заводе: паникадило из красной меди с 36 подсвечниками, подвешивавшееся к потолку на железной цепи, а также 11 медных лампад и 5 жестяных подсвечников. Как казенное, имущество Екатерининской церкви было включено в опись заводов, сделанную при их передаче В. Генниным в 1734 году. Сразу видно, что ее составляли канцелярские чиновники: отдельно приводилось описание того, что было прислано по указу императрицы в 1726 году, в остальной же части все было перемешано — книги, утварь, скобы, облачения; совсем отсутствуют записи об иконах, зато дотошно подсчитаны крюки, засовы, дверные петли, замки... Как бы то ни было, это самая ранняя из сохранившихся описей церкви. Она позволяет выяснить, насколько богата была первая екатеринбургская церковь.

В первой половине XVIII века, кроме царского дара, Екатерининская церковь имела очень немного дорогих вещей: два напрестольных Евангелия в серебряных окладах, серебряные напрестольный крест и священные сосуды с резьбой под чернью. Остальная утварь была или оловянной, или медной. Почти все облачение было сшито из камки — узорчатой шелковой ткани²⁵.

Возведенная наспех, Екатерининская церковь быстро приходила в ветхость. В 1732 году В. Геннин добился разрешения построить в городе новый каменный храм во имя святой пророчицы Анны (Надо заметить, что в России шел второй год правления императрицы Анны Иоанновны. Да, и в церковных делах Вилим Иванович оставался политиком!) Сенатским указом от 5 июля 1732 года ему было предписано на строительство каменной церкви «держатъ ис прибылых за продажное при заводах железо денег до дву тысяч рублей и иметь от партикулярных людей (т.е. владельцев заводов. — *Авт.*) дачи по их обещанию по возможности».

Новую церковь начали строить осенью 1733 года, но достроить не успели. Приехавшего в 1734 году на смену В. Геннину Василия Никитича Татищева не устроили ни размеры начатой каменной церкви, ни выбор места. И он распорядился ее разобрать. Из стройматериалов планировалось возвести каменное двухэтажное Главное правление, загородный дом Главного командира (на горе за северо-восточным крепостным бастионом) и гостиный двор²⁶.

Такое решение отнюдь не свидетельствовало о пренебрежительном отношении В. Н. Татищева к церкви в целом. Василий Никитич был истинным сыном Петровской эпохи и века Просвещения. И в первый, и во второй приезд на Урал он отдал много сил разработке документов по организации производства (это, прежде всего, Наказы 1721, 1723,

1734—35 годов). В.Н.Татищев прекрасно понимал, что создание производства нового типа требовало и иного работника. Поэтому в документах, казалось бы, сугубо производственных В.Н.Татищев уделял большое внимание воспитанию и образованию заводчан. Это должны были быть законопослушные, с чувством собственного достоинства, добросовестные, знающие свое дело работники. Важное место в системе воспитания Василий Никитич отводил церкви, ставя ее в один ряд со школой и тем самым подчеркивая ее просветительское начало. Он был убежден, что благополучие каждого человека зависит от соблюдения божественных и гражданских законов, к знанию и осмыслению которых люди приобщаются через церковь и школу. Он настаивал на том, чтобы в каждом казенном или частном заводе была построена церковь, если ближе чем на 5 верст нет храма. В церковных библиотеках, по его мнению, должны были быть наряду с богослужебными и книги для чтения (поучения отцов церкви), для знания «воли монаршей и закона гражданского уложение и все уставы и указы печатные, которые в книгах собраны или впредь выдаваться будут». Назначая на частные заводы своих представителей — шихтмейстеров, В.Н.Татищев предписывал им указанные выше уставы и указы, «нужные всенародному знанию, читать в год не меньше трех раз при собрании народном в церквях и младенцам в школах».

В Наказе 1735 года он вменял в обязанность шихтмейстерам и контроль за соблюдением указа от 17 февраля 1718 года об обязательном посещении церкви во время службы и для исповеди. За его нарушение заводчики и их приказчики наказывались штрафом от 1 до 3 рублей, а мастеровые и работные — от 5 до 15 копеек. Из собранных штрафных денег одна треть отдавалась тем, кто таких нарушителей приводил к шихтмейстеру, а остальные средства должны были идти на школу и церковь. Но В.Н.Татищев считал слишком мягким такое наказание за уклонение от исповеди. В 1735 году он писал в Кабинет Ее Императорского Величества: «Раскольникам и шалунам не тяжело за неисповедывание 5 копеек заплатить, которой думает, что и попу не меньше дать надлежит, а противники и в штраф оного не поставят. И для того ныне штрафа за прогул обедни положить не смел, доколе о том указом Е.В. (т.е. Ее Величества. — *Авт.*) объявлено будет».

Еще одна проблема беспокоила Василия Никитича. В 1735 году он требовал от Кабинета разъяснений о том, в какие праздники не работать. По его подсчетам выходило до 150 нерабочих дней в году, из-за чего заводам было «великое помешательство». Если праздники приходились на вторник и пятницу, то в молотовых пропадало по два дня, «ибо на один день горны разогревать болея угля сожгут, нежели прибыли есть, а на завтрея с похмелья таже работа не весьма исправна». «Да и праздники некоторые, — писал В.Н.Татищев, — суть токмо от обычая за велики почитаются». Он предлагал объявить указом, чтобы на заводах не работали только в дни великих церковных праздников, а «статские» праздники (дни рождения и именины членов царской фамилии, ее императорского величества восшествие на престол, коронацию, кавалерские и день

Полтавской битвы) «торжествовать в ближайшей неделе» (т.е. в ближайшее воскресенье). Но чтобы люди не думали, что эти праздники отменены, В.Н.Татищев считал необходимым всем мастеровым и работным людям выдавать по чарке вина, «которое народу приятнее, а Е.В. прибыльные, ибо выпьет на одну, а зделает по малой мере на 10 копеек». Предложенная В.Н.Татищевым роспись включала 119 праздников. (Как известно, разработанные В.Н.Татищевым проекты Заводского устава, Наказа шихтмейстеру, Горного устава не были утверждены Анной Иоанновной, однако ими руководствовались на практике органы управления горнорудной промышленности России в течение всего XVIII века ²⁷).

В Екатерининской же церкви тем временем совсем прохудилась деревянная крыша (жестью были покрыты только купол и шпиль колокольни), текло даже в алтаре над престолом. В июне 1737 года горное начальство наконец-то дало указание починить крышу, «а если исправить нельзя, то сделать новую» ²⁸. Но это почти не спасало дела. Как было написано в одном из доношений 1738 года, «церковь Св. Екатерины и при ней колокольня весьма обветшали, так что во время службы и быть в ней опасно». А 27 марта того же года церковный староста Андрей Мингалев сообщил в екатеринбургскую полицию, что на колокольне разбит большой благовестный колокол. Вскоре выяснилось, что треснул и малый колокол. Виновных найти не удалось, а Канцелярия распорядилась: «Оба разбитых колокола перелить от здешней заводской конторы за церковные деньги» ²⁹.

Согласно описанию Екатерининской церкви 1734 года, на ее колокольне было «колоколов медных девять, весом от одного до сорока пуд, а во всех колико весу значит на тех колоколах подпись. В тех колоколах по справке 130 пудов 9 фунтов» ³⁰. Видимо, большой благовестный колокол появился на церковной колокольне позже — между 1734 и 1738 годами, так как он весил 69 пудов 25 фунтов.

Подумав, горное начальство уточнило свое решение о починке колоколов. К этому времени город существенно вырос, и благовестный колокол оказался «не способен к удовольствию внятного слышания за малостию веса». Было решено расколотые и малые колокола перелить в один большой, добавив еще меди. Новый колокол получился весом в 125 пудов 31 фунт и обошелся в 344 рубля 30 копеек ³¹.

Но и этого колокола хватило ненадолго: в конце июня 1744 года он треснул. Три года колокольнику Мирону Афанасьеву и слесарному мастеру Лаврентию Ипполитову не удавалось отлить новый благовест. Когда-то Л.Ипполитов работал ткачом на московской Адмиралтейской фабрике, но был сослан на Урал за раскол. Видимо, неудачу с колоколом он воспринял как наказание за прежние грехи и в январе 1747 года дал обет заказать в Москве образа Богоматери и св. Екатерины для Екатерининской церкви. После очередной их неудачной попытки отлить колокол в июне 1747 года из Невьянского завода пригласили мастера Якова Гаряева, который и вылил 130-пудовый благовест. В середине сентября он был установлен на столбах перед церковью ³².

Строительство новой каменной церкви все откладывалось. В 1735 — 1736 годах в связи с угрозой башкирского восстания срочно пришлось перестраивать крепость. К 1739 году было завершено строительство каменного здания Главного правления. Наконец-то достроили гостиный двор. И только в 1742 году вспомнили о сенатском указе от 5 июля 1732 года, разрешавшем строительство каменной церкви в городе. В июне Канцелярия послала запрос в Берг-коллегию, чтобы выяснить, имеет ли силу прежний указ и «до сколько тысяч повелено будет держать на то строение». В августе последовало распоряжение составить ведомость, во сколько обойдется строительство каменной церкви и «каким манером построить надлежит, сочиня рисунок, прислать в Берг-коллегию»³³.

В ответном донесении от 28 февраля 1743 года Канцелярия просила разрешить «держатъ» на строительство до 3 тысяч рублей. А вот каким должен быть будущий собор — у местной администрации было весьма туманное представление: хотелось бы построить его длиной (вместе с колокольней) в 22 сажени, а что касается ширины и толщины стен, то «быть за способнее Берг-коллегии разсудить и через знающих в том силу сочинить и прислать рисунок» в Екатеринбург, так как «здесь за неимением знающих того искусства сочинить не с чего».

Берг-коллегия заказала чертеж архитектору Иогану Вернеру Мюллеру (Миллеру, нем. Müller). «Рисунок» церкви в Екатеринбурге был составлен в 1743 году. Чуть позже Канцелярия заплатила архитектору за эту работу 30 рублей. Спроектированная И. Мюллером церковь имела трехчастную композицию (храм, трапезная, колокольня), вытянутую по оси с запада на восток. Она отражала стилевые черты западноевропейского барокко и напоминала церкви раннего Санкт-Петербурга, которые почти все были в плане прямоугольными, с высокими колокольнями и шпилями. Западные базилики, приспособленные к православным храмам, привлекали тогда своими протяженными фасадами, способностью формировать архитектурный фон города, вписываться в линейный фронт застройки и в конфигурацию прямоугольных кварталов³⁴.

Согласно проекту, храмовая часть представляла собой композицию «шестерик на четверике». Фасад четверика завершался треугольным фронтоном с лепниной (что было характерным для более поздней эпохи — эпохи классицизма). Довольно крупный нижний шестерик опоясывала ажурная решетка, повторявшаяся в оформлении нижнего яруса звона на колокольне. Венчал купол маленький шестеричок — световой барабан с полуглавкой. Колокольня была трехъярусной и представляла собой композицию «четверик на четверике».

13 февраля 1744 года чертеж И. Мюллера был прислан из Москвы в Екатеринбург. Берг-коллегия дала указание составить смету о расходах на строительство церкви согласно чертежу. В Канцелярии «механикусом» Бахоревым и шихтмейстером Степановым были сделаны расчеты. Предполагалось, что потребуется 800 648 кирпичей, а в целом выходило, «что оная церковь строением стать может с припаса-

ми и материалами по истинной цене, во что в казну становятца, без мала в пять тысяч кроме внутреннего украшения». Важно было решение центральных властей, по каким ценам засчитывать поставляемые на стройку материалы — по «истинным» (т.е. по себестоимости) или

Рис. 3. Проект каменной церкви И.Мюллера 1743 г.

по «продажным», потому что из расчета по продажной цене строительство обошлось бы уже в 6 676 рублей.

Пока шла переписка о строительстве каменной церкви, в 1743 году Канцелярия приняла решение построить небольшой теплый деревянный храм на Канцелярской стороне. К июню 1747 года Богоявленская церковь была почти готова.

15 января 1746 года смета расходов на строительство каменного храма была отослана в Берг-коллегию. В Санкт-Петербурге вопрос рассматривался больше года. 24 июля 1747 года президент Берг-коллегии генерал-майор А.Томилов послал императрице Елизавете пространный доклад. В нем, в частности, сообщалось, что первая церковь Екатеринбурга была сделана в 1723 году и освящена во имя «оное ж славное тезоименитство святых великомученицы Екатерины», и хотя она стоит доньше и многократно починялась, но весьма ветха. (В этом А.Томилов убедился лично, побывав в Екатеринбурге.) Поскольку Екатеринбургский завод работал с немалой прибылью, Берг-коллегия просила на строительство каменной Екатерининской церкви к двум тысячам рублей, определенным Сенатом, пожаловать еще три тысячи «из прибыльной при тамошней Канцелярии заводской суммы», а строительные материалы «употребить по настоящим заводским казенным ценам»³⁵.

Указом из Берг-коллегии от 24 августа 1747 года было велено «обождать, пока на посланной доклад всемиловейшая резолюция воспоследует», т.е. вопрос о строительстве новой каменной церкви опять откладывался на неопределенный срок.

Со своей стороны на горное начальство оказывал сильное давление митрополит Тобольский и Сибирский Антоний. Он требовал, чтобы Канцелярия «благоволила понуждать здешних обывателей» к строительству церквей. Еще в июне 1746 года в своем послании духовному заказчику протопопу Ф.Кочневу Антоний велел публично объявить екатеринбургским жителям его немалую обиду за их нерачительность в заведении церквей, а тем самым за нерадение о спасении души. Дело в том, что по указу Петра I 1722 года на одну церковь должно было приходиться по 100 — 150 дворов. Из этих расчетов получалось, что в Екатеринбурге должно было быть как минимум 7 приходских церквей!

* * *

26 сентября 1747 года был праздник — день апостола и евангелиста Иоанна Богослова³⁶. Как положено, день был нерабочим, с утра в Екатерининской церкви отслужили литургию, после чего народ разошелся по домам праздновать. Протоиерея Иосифа Афанасьева в городе не было: он выполнял обязанности духовного заказчика в селе Воскресенском. В этот день вместе со священником Федором Сальниковым служили диакон Михаил Псаломщиков, дьячок Тимофей Резанов и пономарь Гаврило Патрушев. После литургии по просьбе ученика заводского лесного надзирателя Ивана Жилина еще отслужили молебен Иоанну Богослову, затем

покрестили младенца и, как было принято, отправились по домам горных офицеров совершать праздничные молебны.

Сначала были у коллежского асессора Игнатия Юдина, затем пошли к унтер-шихтмейстеру Ивану Левзину. По дороге дьячок Т.Резанов, взяв ключ от трапезной у пономаря, зашел в церковь положить лишнюю книгу. В храме никого не было, сторож-трапезник Федот Щукин вышел из церкви почти следом за священником с причетниками, отпросившись «в мир для собрания себе на пропитание хлеба». Дьячок положил книгу на аналой около правого клироса, запер церковь и догнал процессию.

После молебна диакон и пономарь отправились в церковь положить книги, утварь и облачения. Оставив все в алтаре, они пошли по домам. Ф.Сальников же остался у И.Левзина. Там уже собрались горные офицеры во главе с заводским комиссаром Егором Арцыбашевым и готовились отметить праздник. Но обед был прерван набатом — горела церковь!

Позже М.Псаломщиков и Г.Патрушев будут свидетельствовать, что в церкви огня не видели, и в кадиле угли уже погасли. Правда пономарь вспомнит, что в «олтаре в горну, складеном ис кирпича с трубою, во время святой литургии было уголья горячего токмо для одного кадила малое число». Когда они вернулись от И.Левзина, он повесил кадило к горну, «в котором (т.е. кадиле. — *Авт.*) уже горячего уголья ничево не было ... в горну уголья с огнем уже ничего не было и все утухло, также и свечи с огнем нигде ж не было».

О том, что в горне после литургии оставалось небольшое количество горячего угля, свидетельствовал и трапезник Ф.Щукин. Он не придавал этому значения, так как это было обычным делом. Перед уходом из церкви Федот потушил свечу, горевшую около иконы Воскресения Господня, и ушел по своим делам. Печь он не топил.

В тот день на колокольне «стоял на часах» солдат Екатеринбургской роты Семен Деев. Он заметил, что «дым пошел от церкви из самой середины, где имеются вверх окна, и чаял, что оную топят». Но тут прибежал парнишка и закричал, что горит церковь. Караульный ударил в набат. Случилось это в четвертом часу пополудни.

Одними из первых у церкви оказались пономарь Г.Патрушев и диакон М.Псаломщиков. Церковь была заперта. Кто-то вышиб окно с северной стороны и открыл южные двери. Народ ринулся внутрь здания. Церковь уже наполнилась дымом, но Г.Патрушев успел заметить, что горитверху «против левого крылосу (клироса. — *Авт.*) над местными образами» (т.е. горел верхний ярус иконостаса), внутри алтаря огня еще не было, «токмо весьма великой был дым».

Люди бросились спасать церковное имущество, и в первую очередь утварь, книги, облачение из алтаря. Позже диакон М.Псаломщиков вспоминал, что он, «взяв во-первых з жертвенника святые сосуды, поставил на святей престол и с престола взял святые крест и Евангелия и со святыми тайнами дароносицу и при том на вновь построенную церковь (речь идет о Богоявленской церкви. — *Авт.*) святей антиминс (которой лежал на

святом престоле), также и святые сосуды и вынес все из церкви вон». С антиминсом же Екатерининской церкви случилась загадочная история.

Нужно сказать, что антиминс для церкви значит то же, что и знамя для полка: нет знамени — нет полка, нет антиминса — нет церкви. Это льняной или шелковый плат с изображением Иисуса Христа во гробе и четырех евангелистов по углам, в которых зашиты частицы святых мощей. Возложение антиминса на престол является обязательным ритуалом, предшествующим освящению новой церкви и таинству причащения.

Итак, пока Михаил Псаломщиков выносил из церкви вещи, остальные спасали «одеяния» с престола, на котором как раз и лежал антиминс. Когда диакон вернулся в алтарь, найти святыню ему не удалось, «в таком ускорном незапном случае не ведомо как ими (людьми. — Авт.) куды зямят». Очень быстро огонь охватил всю церковь, и искать антиминс было уже невозможно. Позже в официальных отчетах было указано, что он сгорел.

Прошло пять лет. Каково же было изумление, когда 26 августа 1753 года в Екатеринбургское духовное правление пришел отставной токарный мастер Маркел Денисов и предъявил ... антиминс из Екатерининской церкви, но святых мощей в нем уже не было. (Возможно, их забрали старообрядцы для своих тайных часовен). Оказалось, что его жена нашла эту святыню в лесу у дороги между Екатеринбургом и Уктусским селом. Духовные власти так и не смогли разгадать эту загадку³⁷.

Но вернемся к трагическим событиям сентября 1747 года. По зову набата на пожар сбежалось большое количество народа. Люди «старались прилежно» погасить огонь. Но, как запишет в приказе спустя два дня Канцелярия Главного заводов правления, «...при тушении того пожара приказных служителей и мастеровых людей видны были многие и так можно сказать почти на половину пьяные и без надлежащих по росписанию инструментов», за которыми пришлось отправлять их «по принуждению»³⁸.

Город оказался неготовым к тушению пожара. Водоливные машины, на которые так надеялись, были «в худом действии», веревки на баграх часто рвались, поскольку из-за небрежного хранения сгнили. Отметившие праздник екатеринбуржцы плохо слушались офицеров и урядников, назначенных руководить тушением пожара, а «иные и в бои вступали». Позже офицеры жаловались надворному советнику Н.Г.Клеопину, что кого-то зашибли по голове ведром, а другому ведром же до крови поранили руку.

Итог был печален. Церковь с колокольной сгорела «не более как в три часа, а остался только один розвалившейся кирпичь, которым меж деревянных стоек выкладывавано было».

Причины случившегося и размеры материального ущерба хотели знать и в Берг-коллегии, и в Тобольской духовной консистории. Поэтому следствие велось одновременно екатеринбургской полицией (поскольку церковь строилась и имущество приобреталось в основном на казенные деньги) и комиссией, присланной митрополитом Тобольским и Сибирским.

Разбирательство тянулось больше года. Явной причины пожара в разпросных речах участников событий не просматривалось. В конце концов решили, что виною всему оставленный в алтарном горне непотухший уголь, хотя все, кто мог сказать хоть что-то вразумительное о начале пожара, говорили, что горело вверх. Это подтверждается и повреждениями иконостаса: полностью сгорели верхний ярус и Распятие, а из нижнего ряда огонь уничтожил только пять икон на холсте. Главным виновным был признан пономарь Г.Патрушев, которому по должности было положено следить за пожарной безопасностью в церкви. В октябре 1748 года по представлению Канцелярии и распоряжению митрополита Антония Г.Патрушев был сурово наказан духовным заказчиком протоиереем В.Калиновским «на страх другим, чтоб всяк церковник всегда имел крепкую от таких опасных случаев предосторожность, а особливо пономари и сторожа».

Было решено усилить охрану церквей. Но поскольку в епархии была с причетниками «скудость», то Канцелярия и митрополит договорились о назначении к церкви двух пономарей и двух сторожей, «достойных и надежных», по выбору прихожан, тем более что они должны были содержаться на средства мирян.

Следствие выясняло и еще один вопрос — каковы были материальные потери. Сначала провели сверку спасенного имущества с описью, составленной в начале 1745 года при передаче церкви протоиереем В. Кудрицким новому священнику И. Афанасьеву. Затем Берг-коллегия затребовала оценочную опись сохранившегося и сгоревшего. Поскольку в приказных делах не нашлось документов о том, что сколько стоило, то для оценки церковного имущества были приглашены екатеринбургские купцы, и поэтому цены, указанные в росписи, носят приблизительный характер. (Она была составлена не позднее 27 сентября 1748 года.)

Итак, в результате пожара в иконостасе погибли пять икон на холстах из местного ряда и весь верхний ярус с образом Распятия Господня, а также обе диаконские (пономарские) двери. Из алтаря не успели вынести две иконы, три книги и один стихарь. Пожалуй, самой дорогой потерей было большое медное паникадило, оцененное в 80 рублей. По ведомству церковного старосты Ивана Чекулина была утрачена «скляница» с церковным вином, которая стояла в алтаре, сундук с мукой для печения просфор (по словам старосты, там было около 15 пудов муки, согласно росписи — 30), да еще, когда выносили вещи, случайно разбили «скляницу» с деревянным маслом. Согласно оценочной описи, всего во время пожара сгорело имущества на 116 рублей 10 копеек.

Канцелярия распорядилась составить смету «горелых припасов»: жести, гвоздей, железа и всего остального, что еще можно было пустить в дело. Так, например, было подсчитано, что «роскошного железа в крестах и часах» осталось на пепелище 73 пуда. В переплавку пошли и пять пудов меди «от згорелого паникадила, зборных церковных денег, от лампадов, кадил и водоосвященной чаши». Сгоревший Екатерининский храм восстановлению не подлежал.

Рождение

НОВОГО СОБОРА

Прошло десять лет. В Канцелярии Главного заводов правления продолжали ждать высочайшего соизволения на строительство Екатерининской церкви¹. Между тем в строительстве нового храма в Екатеринбурге назрела крайняя необходимость. По составленной в 1756 году священниками росписи в городе насчитывалось 1 085 дворов, а общая численность населения составляла 5 726 душ обоего пола. В 925 дворах проживали православные прихожане (2 639 душ мужского пола и 2 435 — женского). Немало было и раскольников: им принадлежало 160 дворов.

В Екатеринбурге же была только одна небольшая деревянная Бого-явленская церковь. В праздничные и торжественные дни она не могла вместить и половины прихожан. Во время службы многие вынуждены были стоять у церкви. Особенно это было тягостно в ненастную погоду. В Великий пост многие ходили на исповедь и причастие в церковь при Уктусском заводе (за 7 верст от города). А кое-кто откладывал отправление треб до следующих постов.

Правда в 1755 году «вниз по Исете реке за городом» была заложена каменная церковь во имя Сошествия Святого Духа. Храм должен был строиться на средства, оставленные купцом Филиппом Сокольниковым. Главным распорядителем этих денег была Екатеринбургская ратуша. Из-за постоянных перебоев с их выдачей строительство затягивалось, хотя по договору, заключенному ратушей с жителем Невьянского завода Г. Нечкиным, его должны были окончить за два года. Тогда было решено построить хотя бы один придел во имя Иоанна Златоуста. 21 декабря 1757 года Тобольская консистория дала на это согласие².

Столкнувшись с такими трудностями, Екатеринбургское духовное правление решило вновь поднять вопрос о строительстве каменной Екатерининской церкви. Тем временем среди жителей Екатеринбурга был организован сбор средств на нее. 10 июля 1757 года глава Екатеринбургского духовного заказа протопоп (протоиерей) Федор Кочнев подал в Канцелярию доношение, в котором сообщил, что от «доброхотных дателей» на

строительство церкви собрано более двух тысяч рублей, «да и впредь к тому не без прибавления чаятельно быть», а поэтому «в строение той соборной каменной церкви вступить с надеждою можно да и крайняя нужда того требует». Он также просил отпускать строительные материалы из казны по «истинным» ценам, а медь на колокола — бесплатно, как при возведении заводских церквей (хотя бы 100 пудов).

Дело в том, что еще в 1750 году Берг-коллегия распорядилась построить на казенные средства церкви при Гороблагодатских (Кушвинском, Туринском) и Сылвинском заводах. Для этого было разрешено употребить на строительство туринской церкви 500 рублей, на остальные — по 200-300 рублей, а также отпустить из казны до 10 пудов меди для каждой на колокола, что и было выполнено — все церкви были построены.

Екатерининскую церковь предполагалось построить на том же месте, где стоял сгоревший храм. Из архивов Канцелярии был извлечен проект И.Мюллера. И тут выяснилось, что здешние художники «по прилежном старании в совершенность разобрать не могут» этот чертеж. Церковь была спроектирована И.Мюллером без приделов — это делало ее маловместительной. Поэтому местные власти решили, что строить церковь таким «маниром» не имеет смысла, и распорядились сделать новый чертеж с учетом двух приделов, «коим здешняя Канцелярия признавает быть в трапезе».

Одним из лучших чертежников Сибирского обер-бергамта Афанасием Кичигиным был практически заново разработан чертеж. По новому проекту храм должен был иметь два придела — во имя Святого апостола евангелиста Иоанна Богослова и во имя Святого первомученика архидьякона Стефана. Шестерик был заменен восьмериком, меньше стала алтарная часть, вместо шестистолпной трапезной была спроектирована двухстолпная, увеличена высота церкви. Если в проекте И.Мюллера окна верхнего ряда были в два раза меньше нижних, то в проекте А.Кичигина они стали одинаковыми. Канцелярией было предписано: «Прешпект церкви с наружными украшениями следует содержать так, как в оном присланном из Москвы чертеже показано». Это указание можно истолковать двояко — речь шла либо о том, что А.Кичигин должен был не только составить план, но и изобразить фасад («прешпект») храма, как это сделано в проекте берг-коллежского архитектора, либо о том, что наружное оформление церкви должно было повторять «мюллеровский» вариант.

На основании доношения Ф.Кочнева Канцелярия направила в Тобольскую духовную консисторию просьбу разрешить строительство церкви «по усердному всех тамошних екатеринбургских обывателей желанию». Горная администрация планировала приступить к строительству сразу же, как только будет получена из Тобольска благословенная грамота, и осенью 1757 года хотя бы сделать фундамент.

По поручению Канцелярии хлопотать о благословенной грамоте в Тобольск поехал диакон екатеринбургской Божоявленной церкви Михаил Флоровский. Но в это время Тобольская кафедра оказалась без преосвященного архиерея и не смогла дать разрешение на закладку церкви.

Нужно было благословение Синода. Вся переписка о строительстве церкви была отправлена в Петербург. Пока ожидалось разрешение Синода, Канцелярия дала указание заводской конторе заблаговременно заготовить 2 тысячи кирпичей.

Указом от 23 декабря 1757 года Святейший Синод разрешил заложить соборную Екатерининскую церковь и Златоустовский придел у храма во имя Сошествия Святого Духа, «которые строить по подобию прочих грекороссийских святых церквей с поспешением». В этом же документе регламентировались размеры престолов в этих церквях. 31 декабря Тобольская консистория сообщила Ф. Кочневу, что он «может обложить в Екатеринбург каменную соборную церковь». Ему также были выданы прошнурованные книги с консисторской печатью для записи пожертвований на церковное строительство.

Указом от 2 июня 1758 года Берг-коллегия подтвердила разрешение об ассигновании из казенных средств двух тысяч рублей на строительство собора. Она предполагала, что на эту сумму из Екатеринбургской заводской конторы будут отпускаться по «настоящим здешним продажным ценам» необходимые припасы: инструменты, гвозди, канаты, железо, кирпич, известь и пр. Условие отпуска материалов по «продажным» ценам значительно удорожало строительство, которое, по подсчетам местных специалистов, существенно превышало выделенную Берг-коллегией сумму (более 5 000 рублей).

Недостающие на церковь деньги собирали всем миром. На заводах и в учреждениях составлялись своеобразные подписные листы — реестры, где люди отмечали, кто сколько добровольно жертвует из своего жалованья на строительство церкви. Только в 1757 году служащие заводской, казначейской, земской и ревизской контор подписались по реестрам на 234 рубля 5 копеек. Их фамилии были внесены в «шнуровую» книгу.

На строительство вносили и деньги, и ценные бумаги. Так, в августе того же года сольвычегодский купец Михаил Иванович Дубровин «приложил к новоначинающей строиться» церкви вексель на 50 рублей, выписанный на имя екатеринбургского бобыля Михаила Звягина. Казначейская контора затратила немало усилий, чтобы получить по векселю деньги. Эта история тянулась до июля 1759 года.

В 1757 году к началу строительства от «доброхотных дателей» поступило 1312 рублей 59 копеек. Сбор пожертвований продолжался по 1766 год включительно. В 1757—1763 годах все собранные на строительство церкви деньги хранились в казначейской конторе и выдавались только по разрешению Канцелярии. Согласно прихода-расходным книгам этого учреждения, была собрана сумма 9 871 рубль 35 копеек. С восстановлением Екатерининского прихода духовное правление смогло собрать от «доброхотных дателей» на завершение строительства в 1763—1766 годах еще около 859 рублей.

В 1758 году Канцелярия распорядилась определить к учету этих средств в казначейской конторе отдельного казначея и просила Ф. Кочнева выбрать в помощь ему и «для всегдашнего бытия при стройке из служителей спо-

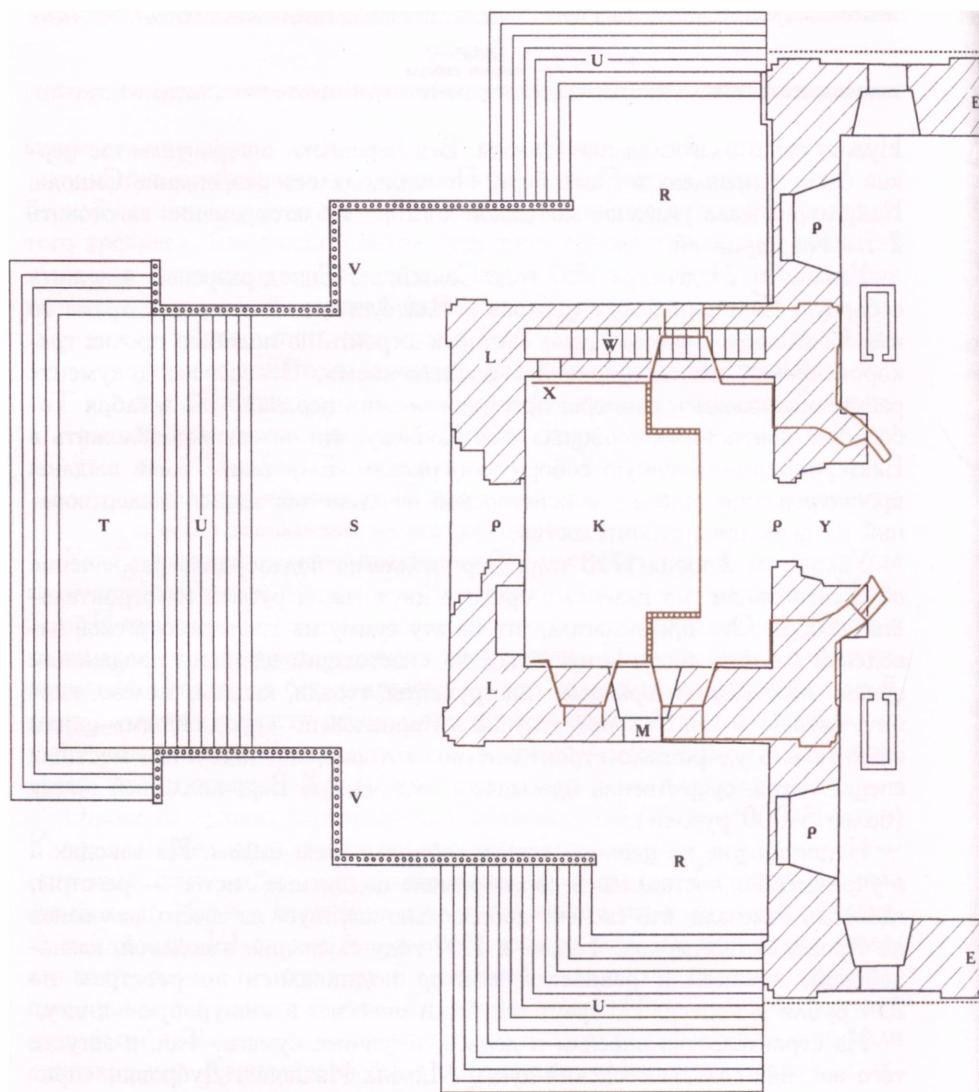
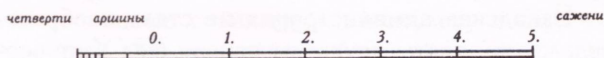
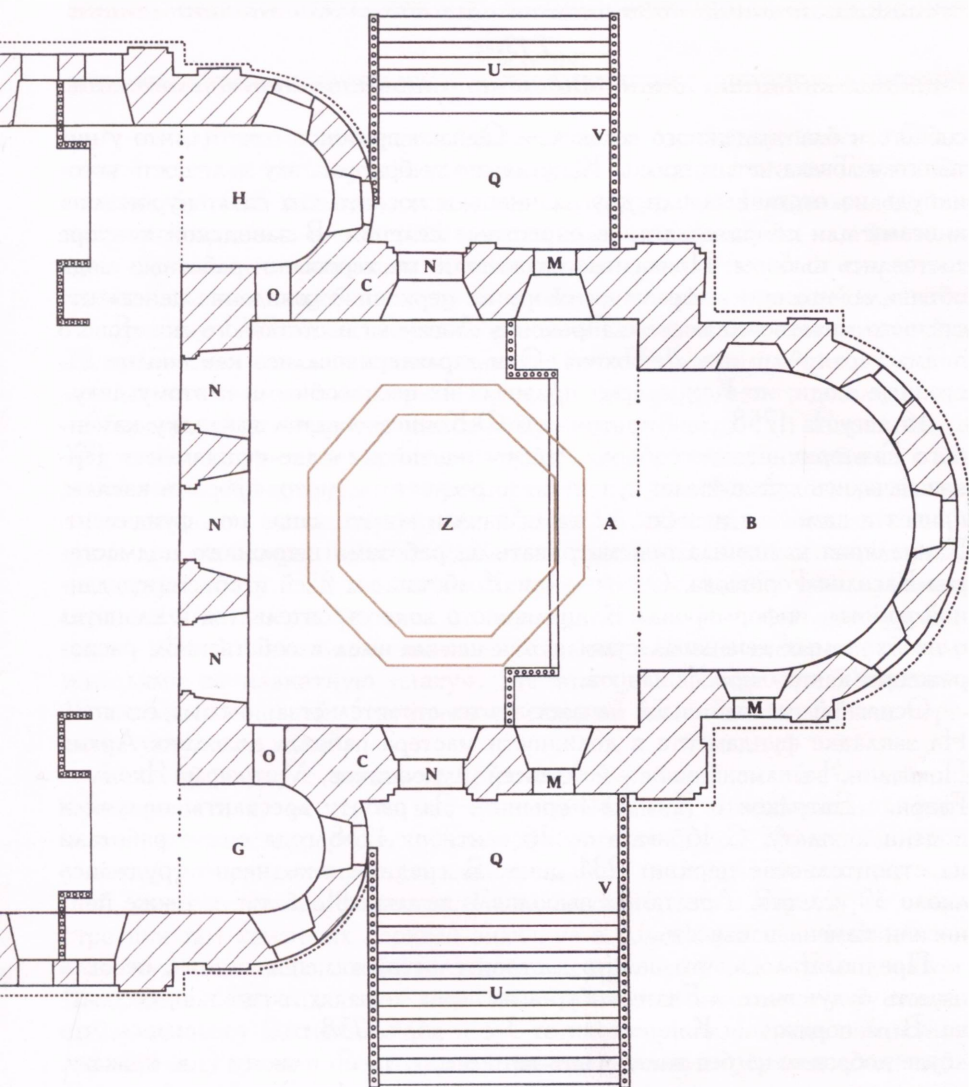

Рис. 4. План Екатерининского собора,
составленный А.Кичигиным в начале 1761 г. (?):

«**А** — начальная соборная церковь святыя великомученицы Екатерины, **В** — святой олтарь, **С** — стены церковныя, **Д** — трапеза церковная, **Е** — стены трапезныя, **Ф** — под ними видимая часть каменного фундаменту, **Г** — первый предел святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, **Н** — второй предел святого апостола и первомученика архидиакона Стефана, **И** — два столпа посреди трапезы, **К** — паперть и над ней колоколна, **Л** — стены паперти, **М** — окна в олтарях церкви трапезы и папертех, **О** — врата церковныя, **У** — дверь из пределных олтарей в

церковь, **P** — врата из трапезы и паперти, **Q** — два крыльца от церковных северных и южных врат, высланные камнем, **R** — два ж крыльца от западных трапезных врат, **S** — крыльца от папертных врат, **T** — при оном рундук каменной же, **U** — на оныя крыльца для всходу ступени каменные ж, **V** — на крыльцах перила деревянные, **W** — в стене паперти лестница на колоколну каменная, **X** — для входу на оную из паперти двери, **Y** — над папертью под колокольной предел святого новоявленного чудотворца святителя Димитрия Ростовского, которой для видимой ясности означен в плане краской алой, **Z** — верхней осмерик церковной означен краской той же»

собного и благонадежного человека». Однако протопоп ответил, что у них такого человека нет, и просил Канцелярию выбрать на эту должность кого-нибудь из отставных или других чинов и послать его со «шнуровыми» книгами для сбора средств в окрестные селения. В заводской конторе состоялись выборы. Приказные служители, мастеровые и работные люди объявили, что они выбрали «к сбору на церковное созидание денег» отставного молотового мастера Прокопия Логинова и отставного молотового подмастерья Алимпия Дедюхина. Они характеризовались как вполне достойные люди, но Канцелярия признала их неспособными к этому делу.

16 августа 1758 года протоиерей Ф. Кочнев освятил закладку каменного Екатерининского собора. Работы же по закладке фундамента церкви начались еще в июле: нужно было расчистить место, прорыть каналы, привезти камень и известь. 17 июля начали копать канал под фундамент. Канцелярия назначила присматривать за работами школьного подмастерья Василия Горшкова. Он вел учет отработанных дней и объема сделанной работы, информировал Канцелярию о ходе строительства и хлопотал о необходимых денежных суммах, так как не имел в собственном распоряжении каких-либо финансов.

Основной рабочей силой на всех этапах строительства были арестанты. На закладке фундамента в должности мастера работал колодник Архип Похвалин, за каменщиков — Алексей Луковников, Митрофан Яковлев, Гаврило Батраков и Кузьма Горынин. За работу арестанты получали поденную плату. С 16 июля по 26 сентября 1758 года они отработали на строительстве церкви 1231 день. В среднем ежедневно трудилось около 30 человек. Арестанты выполняли земляные работы, а также подносили камень и известь.

Предполагалось, что возить к строительству камень, кирпич, песок и известь будут жители Екатеринбурга на своих лошадях, возможно, бесплатно. В распоряжении Канцелярии от 3 сентября 1758 года говорилось, что «буде добровольно бес платы быть не похотят, то по плакату (т.е. приказу, устанавливавшему расценки на виды работ. — Авт.) денежную плату произвести с записью в расход и роспискою из имеющейся на строение церкви суммы». Заводская администрация не стала изобретать чего-то нового при определении оплаты труда: за основу был взят расчет с приписными крестьянами на заводских работах. За строительный сезон 1758 года екатеринбургские обыватели отработали на возке материалов 131 день.

Уставщиком на закладку фундамента Канцелярия послала невьянского каменщика Гордея Ивановича Нечкина — того самого подрядчика, с которым был заключен договор на строительство церкви во имя Сошествия Святого Духа. Еще в 1751—1755 годах под его присмотром был построен в Екатеринбурге новый каменный госпиталь под железной крышей³. Г.И. Нечкин проработал на строительстве Екатерининского собора 43 дня. Он как мастер по закладке каменных плотинных откосов получал оплату (как и другие заводские работники, участвовавшие в строительстве церкви) в размере своего производственного оклада.

К началу зимы был вырыт канал и почти сделан фундамент. В алтарной части на один аршин над землей была сложена стена. Также был выкопан бутовый камень из основания старой церкви. Канцелярия весьма экономно подходила к средствам и материалам, выделявшимся на строительство: стремилась максимально использовать все, что осталось от сгоревшего храма. Так, вместо щебня в дело пошел негодный раскрошившийся кирпич.

За зиму 1759 года В.Горшков рассчитывал перевезти к месту стройки 20 кубических сажень камня-плитняка от «Полаток» (речь идет о Каменных палатках около озера Шарташ), щебня, добытого школьниками на берегу пруда напротив двора обер-берг-мейстера Н.Г.Клеопина, и 100 тысяч кирпичей из кирпичного сарая. Опять возникла проблема с рабочей силой. Канцелярия дала распоряжение казначейской конторе искать «охотников» за договорную цену. 17 марта 1760 года из конторы сообщили, что желающих найти не удалось, и просили кого-нибудь нарядить за плакатную плату. 20 апреля из Канцелярии последовал указ «учинить перевозку по просухе кирпича от сарая здешними (т.е. екатеринбургскими. — *Авт.*) конюхами на казенных лошадях, а камень екатеринбургскими жителями за плакатную плату». На эти цели Канцелярия выделила 10 казенных лошадей. 5 кубических сажень камня должны были перевезти уктусские жители.

Если проблему с неквалифицированной рабочей силой Канцелярия могла решить на месте, то мастеров-каменщиков, способных разобрать чертеж и возвести церковь, в Екатеринбурге не было. Каменщиков же, умевших «отправлять простую кладку» здания, по подсчетам местных властей, имелось около 20 человек. Было известно, что в Верхотурье «при строении там каменных церквей знающие в том силу есть». Решили послать туда нарочного, чтобы он нашел мастеров и привез в Екатеринбург. В середине 1758 года такое поручение было дано верхотурскому посадскому человеку Василию Зеленцову. Ему не составило труда найти мастеров: в это время в Верхотурье строили каменную церковь соликамцы Григорий и Иван Татариновы.

Как и в конце XVII — начале XVIII веков, лучшими уральскими строителями оставались соликамцы. Поскольку в самом Соликамске во второй половине XVIII века работы было очень мало, они разъезжали по всему Уралу. Татариновы оказались в Верхотурье. Скорее всего их нанял верхотурский купец и заводчик М.М.Походяшин на строительство Иоанно-Предтеченской церкви ⁴.

В конце июля 1758 года В.Зеленцов привез в Екатеринбург Г.Татаринова. Посмотрев чертеж, мастер сказал, что способен построить такую церковь со всеми наружными украшениями, и запросил за работу 3500 рублей (с употреблением готовых от казны припасов). С ним долго торговались и увещевали, в конце концов Григорий сказал, что меньше 2300 рублей взять не может исходя из расценок 2 рубля за кладку 1000 кирпичей. Но Канцелярия сочла и это «великой платой» — договор не состоялся. Г.Татаринов уехал обратно, а екатеринбургское начальство стало искать «знающих в том силу» охотников за меньшей платой.

И такой охотник нашелся. Это был не кто иной, как уже известный «каменной клажи уставщик» Г. И. Нечкин. Он просил за тысячу кирпичей по 1 рублю 80 копеек. В сумме получалось 1620 рублей. (Для сравнения отметим, что церковь во имя Сошествия Святого Духа он подрядился с ратушей построить за 1195 рублей.)

Но и цена Г.Нечкина показалась Канцелярии высокой — торг с ним не состоялся. Было решено искать мастеров в Центральной России. Прошел слух, что весьма искусными в строительстве являются ярославские каменщики.

Расцвет каменного церковного зодчества в Ярославле пришелся на XVII век. После пожара 1658 года и до конца столетия в городе и прилегающих к нему слободах было построено около 50 каменных церквей. Их заказчиками в основном были жители отдельных районов и слобод, которые сообща на собранные средства возводили приходские церкви. Постепенно складывалась местная школа зодчества. В первой половине XVIII века культовое строительство в Ярославле заметно пошло на убыль. Однако в купеческой среде были еще сильны прежние традиции, которые во многом влияли на облик создававшихся в то время храмов⁵.

Осенью 1758 года Канцелярия поручила П.Т.Бебину подрядить мастеров на возведение Екатерининского храма. П.Т.Бебин служил поверенным в питейных делах у графа П.И.Шувалова и коллежского асессора К.Матвеева. Он нашел подрядчика в Москве. Это был крестьянин барона К.Е. фон Сиверса из деревни Рыбницы Ярославского уезда Иван Яковлевич Дубов.

И.Я.Дубов подписал контракт, в котором давал обязательство, «прибрав в товарищи каменщиков девять человек, ехать в Екатеринбург на своем коште (на свои средства. — Авт.) и по приезде ... строить каменную церковь ... по показанному от него, Бебина, рисунку ис приуготовленного казенного материала». Ярославцы подрядились работать с мая по октябрь с 1759 года платой. И.Дубову 65 рублей, остальным по 32 рубля, т. е. в сумме за 353 рубля. Из своих средств П.Бебин выдал им аванс 128 рублей.

Согласно контракту, каменщики не могли самовольно покинуть работу. Было обращено особое внимание на строгое соблюдение чертежа: если что-то было бы построено с нарушением проекта, то каменщики должны были «то негодное строение сломать и строить вновь своим коштом и своими работными людьми, не требуя от той Канцелярии и от приставов за то строение денег».

И.Дубов с артелью приступил к работе 1 июня 1759 года. Нужно сказать, что В.Горшков бдительно следил за работой каменщиков и по всем затруднительным вопросам советовался с Канцелярией. Так, в доношении от 12 июня 1759 года он передал мнение И.Дубова, что если делать окна согласно чертежу «от пола в 3 аршина с четвертью», то внутри храма будет мало света. Канцелярия не стала настаивать на буквальном соблюдении чертежа и распорядилась «окна установить как архитектура

и означенного подрядчика Дубова наука требует по его признанию только, чтобы то строение против чертежа сходственно».

В конце июня 1759 года вместо В.Горшкова был назначен надсмотрщиком унтер-шихтмейстер Иван Левзин. Он был прислан из Алапаевской заводской конторы «за неимением других, свободных от дел».

Во время строительного сезона 1759 года значительная масса людей была задействована в каменоломнях на добыче «синего камня» (скорее всего, речь идет о разновидности гранита, имевшей синий оттенок), который должен был пойти на карнизы. И.Дубов объявил также, что для кладки стены «потребно вместо кирпича камня серого плитнягу 20 сажень». В работах по добыче камня участвовали арестанты, ссыльнопоселенцы, были Екатеринбург, уктусские жители и арамильские крестьяне. В сентябре дополнительно было направлено по 20 крестьян из Крутихинской и Камышловской слобод (они работали за плакатную плату).

С июня по октябрь теской «синего камня» занимались каменщики Екатеринбургского завода Борис Невейкин (в сентябре ему было поручено присматривать за добычей камня), Зотей Калапов, Дмитрий Безукладников, Иван Вяткин и др. (всего 10 человек). Малолетнему Федору Утузикову была поручена поливка водой при растирке камня. Лишь двое из заводских каменщиков принимали участие непосредственно в строительстве — высокооплачиваемые Борис Невейкин (в июне) и Василий Коморников (в августе). Весь сезон на кладке стен проработали 6 каменщиков из ссыльнопоселенцев. Ремонтом кирпичной печи занимались ссыльнопоселенцы Григорий Семенихин, Степан Удин и Никифор Супонин.

Производство извести тоже требовало определенных знаний и навыков. В октябре 1759 года по 15-16 дней отработали на копке известной ямы и закладке известного камня работники Екатеринбургского завода: укладной мастер Прокопий Матфеев, плавильные работники Лев Хромцов, Савва Медведев, Иван Четыркин, угольный ученик Никон Чурбанов и дощатый работник Петр Панов.

Как и в предыдущий год, на стройке трудилось большое количество арестантов. Одновременно работало от 20 до 45 колодников. Было среди них немало умельцев, которые выполняли работы, требовавшие определенного профессионального уровня. Так, на кладку стен были определены вместо каменщиков Михаил Кайгородов, Никифор Калинин, Федор Березин и др. (всего 12 человек). С 25 июля по 12 августа они поправляли алтарную стену, неправильно сложенную ярославскими каменщиками.

Увидев, насколько тяжелым был труд арестантов, И.Левзин стал добиваться прибавки им жалованья. 16 июля Канцелярия отдала распоряжение: тем арестантам, которые «в простой работе находятся, яко то у носки кирпича и извести, для того, что та работа тягостна и платье дерется более, давать по три, и тем, кои могут назваться по одобрению уставщика каменщиками, по четыре копейки на работной день».

Изготовлением новых инструментов для стройки и починкой старых занимались кузнец Елисей Вольхин и молотобоец Степан Стафеев, также бывшие арестантами. На возку камня, кирпичей и извести были наняты

екатеринбургские и уктусские жители. В июне-июле к строящейся церкви стали привозить чугунные наличники. Первые 24 наличника были куплены на Верх-Исетском заводе Воронцова за 5 рублей 83 копейки. Деньги были заплачены из церковных сумм. Остальные наличники и прочие необходимые при строительстве чугунные изделия поступили с казенного Каменского завода в счет канцелярской суммы, но за их перевозку крестьянам Катайского острога пришлось платить из собранных пожертвований.

В первой половине октября церковные стены были покрыты тесом при участии 15 арестантов. Во второй половине октября 23 колодника были направлены на очистку и кладку известных печек и приготовление извести для последующих работ. Этой же осенью собственноручно сложил две известных печи заводской известной мастер Лука Марков. Он рассчитывал заготовить к следующему строительному сезону до 40 000 пудов извести.

В ноябре 1759 года состоялся окончательный расчет с ярославскими каменщиками. Но прежде маркшейдеру И.Кузнецову было поручено составить план того, что уже было построено, и сравнить его с первоначальным чертежом. И.Кузнецов усмотрел, что алтарь шире на 1 аршин 2 вершка и длиннее на 1 аршин и четверть вершка, церковь длиннее на три четвертых аршина, а также отметил другие крупные и мелкие погрешности. При расчете администрация вычла из договорной суммы в том числе и деньги, которые были заплачены арестантам за исправление алтарной стены. Канцелярия осталась крайне неудовлетворенной ярославскими каменщиками, отметив, что каменщик И.Дубов «по довольному на практике усмотрению явился малознающ то дело и не поворен».

Вновь вспомнили, что «в городе Верхотурье каменное строение неретко производимо бывает». Как раз в ту пору в Екатеринбург приехал заводчик М.М.Походяшин, и горное начальство попросило его найти в Верхотурье таких мастеров. Уже 29 ноября 1759 года он прислал все тех же Григория и Ивана Антипьевичей Татариновых, которых пытались подрядить еще в 1758 году.

Братья объявили, что «в строение церкви вступить желают». Им было приказано осмотреть то, что было уже сделано, и дать свое заключение. Соликамские мастера отметили, что «в некоторых местах явились неисправности». В частности, в алтарной части была нарушена толщина стен, неправильно были сделаны окна, отчего «внутри светлости, а снаружи красоты никакой не будет». Они соглашались взяться за работу, если будет разрешено исправить эти огрехи.

За исправление и достройку церкви с колокольной Татариновы запросили 2150 рублей. Канцелярия вновь сочла плату слишком высокой и решила поискать других охотников взяться за строительство. 11 декабря 1759 года было дано распоряжение трижды «публиковать» (т.е. зачитывать при пубlike) призыв к желающим и с этими охотниками «дать торг в силу указов». Канцелярия ждала сообщений, за кем же «состоится последняя цена». Но кроме Татариновых желающих так и не нашлось. 21 декабря с ними провели торг. После длительного увещевания масте-

ра согласились уступить 150 рублей, заявив, что «ниже 2000 рублей взять не желают и впредь с явившимися охотниками торговаться не будут».

В Канцелярии принялись считать. Согласно смете, на кладку церкви с приделами требовалось 968 634 кирпича. В 1759 году уже было употреблено 97 810 кирпичей, оставалось 870 824. Расценки Татариновых и Г.Нечкина казались по-прежнему высокими. Опять же священник Афанасий Воинствинский сказал, что в Тобольске каменщикам за кладку тысячи кирпичей платят по 1,5 рубля, а самым искусным — по 2 рубля. Были произведены расчеты по всем известным расценкам, но даже по самым высоким (2 рубля) выходило 1741 рубль 64 с тремя четвертями копейки.

Но ведь еще предстояло устранить ошибки артели И.Дубова. Да и других желающих «привести в совершенство клажею» строящуюся соборную церковь не нашлось. И Канцелярия была вынуждена согласиться с условиями Татариновых. Между тем у братьев появился третий «компаньон» — соликамский посадский человек Иона Тимофеевич Кремлев. Он был уже известен в Екатеринбурге. В 1755 году Иона был в Верхотурье, где его наняли «к резбе иконостаса вновь заводящейся каменной церкви». А золотил вместе с ним иконостас тот самый В.Зеленцов, которого в 1758 году посылали нарочным для поисков мастеров-каменщиков. Когда в 1755 году Екатеринбургская ратуша начала строительство церкви во имя Сошествия Святого Духа, то в Верхотурье был послан запрос о присылке И.Кремлева и В.Зеленцова для оформления иконостаса⁶.

В Канцелярии Главного заводов правления с соликамскими мастерами были заключены «кондиции» (т.е. договор). Первым пунктом отмечалось обязательство строить согласно чертежу. В связи с этим они должны были сначала исправить погрешности предыдущих строителей: передвинуть оконные и дверные проемы, стесать изнутри стены, имеющие лишнюю толщину.

С наймом И.Кремлева и Татариновых Канцелярия переходила на новую организацию строительства: упразднялась должность надсмотрщика, не имевшего финансовой самостоятельности; мастерам было предоставлено право найма работников и расчета с ними. Для этих целей им было сразу же выдано 600 рублей медными деньгами. Основной контингент рабочей силы оставался прежним — арестанты. Согласно «кондициям», администрация должна была отправлять на стройку не менее 50 арестантов в день. Зарплату они получали по прежним расценкам. В «кондициях» было оговорено, что караул при арестантах должен быть казенным.

Канцелярия брала на себя обязательство поставлять на строительство необходимые материалы и инструменты за казенный счет и чтобы «остановки работникам не наводить и напрасно по тому строению время не продолжилось». Особенно это касалось подвоза кирпича и извести.

В «кондициях» был четко оговорен круг выполняемых работ — строительство соборной церкви с двумя приделами (без штукатурных работ), сооружение крыши, печей и полов. Еще одним условием договора было обязательство Канцелярии по требованию подрядчиков выдавать им не-

обходимое количество денег, но только чтобы до окончания строительства они не выбрали всю сумму (хотя бы до 200 рублей должно было оставаться в казне). По окончании работ подрядчики должны были получить без задержки все причитавшиеся им деньги.

И.Кремлев и И.Татаринов подписали договор сами. Вместо же не знавшего грамоты Г.Татаринова по его просьбе «руку приложил» тобольский посадский человек Емельян Ведров. Поручителями в этом деле были верхотурские купцы Василий Замятин и Александр Скорняков, тюменский купец Иван Решетников и канцелярист Александр Демьянов.

В апреле 1760 года Канцелярия решила определить к строительству собора своеобразного куратора из своих членов. Выбор пал на коллежского асессора Алексея Порецкого. Он должен был «старанием, смотрением и во всем добрым распоряжением» закончить строительство. При этом оговаривалось, что, какой бы церковь ни получилась, с него, А.Порецкого, «не взыскивать и не опровергать». Двое других членов Канцелярии обещали ему во всем помогать.

В конце июля 1760 года горное начальство подвело итоги расходов на строительство и пришло к заключению, что имевшихся средств не хватит. Для того чтобы выполнить условия «кондиций», необходимо было собрать еще около 470 рублей.

На 1 августа 1760 года было израсходовано 1239 рублей 33 копейки пожертвованных средств. Из них около 97 % пошло на оплату труда участвовавших в строительстве. Эта статья расходов делилась приблизительно поровну между 1759 и 1760 годами. К этому же времени из 2000 рублей казенной заводской суммы было отпущено строительных материалов на 1624 рубля 93,5 копейки. Екатеринбургская заводская контора просила Канцелярию дать указание, сколько и по какой цене впредь отпускать припасов к строительству. Эти факты важны в связи со следствием, которое начнется в 1765 году по поводу огромного перерасхода казенных средств.

А пока строительство было еще далеко от завершения. Подведя финансовые итоги, администрация стала искать пути удешевления строительства. Вновь вспомнили об оставшихся от сгоревшей церкви материалах. Еще в июле 1758 года было дано распоряжение составить ведомость их учета. А в августе 1760 года был затребован отчет об использовании этих материалов на строительство нового храма. Выяснилось, что 50 железных связей, часть уцелевших гвоздей и 2 пуда меди были израсходованы на строительство деревянной Богоявленской церкви. В 1759 году 25 железных связей пошло на постройку каменного Екатерининского собора. Согласно отчету, оставались еще неиспользованными и были оценены годными 391 железная и 47 чугунных связей, 20 пудов гвоздей разных размеров, трое деревянных ставней с крюками и затворами и пр.

Составлявший этот документ Алексей Князин отмечал, что негодными были признаны те припасы, которые сильно погорели во время пожара, и хотя их можно поправить, они будут непрочными, и поэтому использовать их в строительстве нельзя.

Остро стояла проблема с приобретением меди на колокола. 50 пудов подарили владельцу Верх-Исетского завода граф Р.Л.Воронцов и владелец Полевского, Северского и Сысертского заводов титулярный советник А.Ф.Турчанинов. Но этого было крайне мало, требовалось значительное количество либо меди, либо денег. В августе 1760 года Канцелярия пошла на следующий шаг — в Екатеринбургской денежного дела конторе были заведены «шнуровые» книги для сбора средств на колокола. При этом было дано указание — у поставщиков меди с партикулярных заводов при каждой поставке «добровольно по должности христианской выпрашивать меди или денег». Еще до этого была предпринята попытка провести среди заводчиков добровольную подписку на сдачу меди на колокола. Но подписались только С.Я.Яковлев (30 пудов) и А.Ф.Турчанинов (20 пудов).

К середине января 1761 года в денежной конторе было собрано почти 320 рублей. Из них 300 рублей было передано обер-берг-мейстером П.Степановым по поручению графа П.И.Шувалова. И еще 9 человек (в основном это были заводские приказчики) вложили от 1 до 3 рублей. В эту же сумму вошло около 7 рублей, вычтенных из жалованья служащих этой конторы по их доброй воле. В 1762 году 240 рублей 67,5 копейки было заплачено за 2 колокола Н. Демидову. К слову сказать, коллежский асессор В.Хилковский сделал вклад в строящуюся церковь — 10 пудов железа на кресты.

В начале 1761 года у екатеринбургского духовенства появилась идея построить над папертью собора небольшую церковь во имя новоявленного чудотворца Дмитрия, митрополита Ростовского и Ярославского.

Дмитрий Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало) (1651 — 1709) был одной из самых ярких личностей среди церковных деятелей конца XVII — начала XVIII веков. Большую часть своей жизни он провел на Украине. В 1701 году Дмитрий переехал в Москву и вскоре получил назначение на Сибирскую митрополию, но из-за болезни и распутицы он туда не выехал. Ему удалось убедить Петра I отменить это назначение. С 1702 года и до конца жизни Дмитрий был на митрополичьей кафедре в Ростове. Талантливый писатель и проповедник, он около двадцати лет посвятил составлению полного свода житий святых — Четых Миней, переиздавав-

Рис. 5. Дмитрий Ростовский

шихся только в течение XVIII века девять раз. Важное место в его литературном наследии занимает «Келейный летописец». Это был труд, основанный на обстоятельном изучении Библии, сочинений отцов церкви, европейских хронистов и новейших церковных писателей. Работа над «Летописцем» была прервана из-за необходимости писать новый труд — знаменитое полемическое сочинение о расколе «Розыск о брынской вере». Но рассказ об этой книге у нас впереди. Дмитрий Ростовский был официально канонизирован в апреле 1757 года⁷.

Спустя четыре года после канонизации идея увековечения памяти новоявленного святого возникла у екатеринбургского духовенства. Это предложение поддержали прихожане Богоявленской церкви и «присудствующие разных судебных мест». Екатеринбургское духовное правление обратилось в Канцелярию с просьбой отправить в Тобольск «для истребования от Его преосвященства как на заложение, так и на освящение, благословенной грамоты и святого антиминса» диакона Богоявленской церкви Василия Удинцова.

Публикуемый в данной книге чертеж собора «размерен и сочинен» Афанасием Кичигиным уже с учетом этого нового придела (обозначен литерой «У»). Скорее всего он был сделан в начале 1761 года после принятия решения о создании придела во имя Дмитрия Ростовского. По устному договору с А.Порецким И.Кремлев и его товарищи согласились строить новый придел за 100 рублей. Начался сбор пожертвований на это строительство. За 1762 и 1763 годы было собрано 106 рублей 51 копейка.

В мае 1761 года соликамские подрядчики попросили выдать им 500 рублей на оплату труда работников, но получили лишь 300 рублей. Ощущалась явная напряженность со средствами. Канцелярия искала новые источники их поступления. Так, весной 1761 года было решено выставить на рыночной площади большие казенные весы. Торговцы могли взвешивать на них до 40 пудов хлеба и прочих продуктов. За пользование весами взималась плата, которая шла на строительство соборной церкви. В 1761 году к весам был приставлен бывший молотовой мастер Петр Федоров, а в 1762 — 1763 годах — укладной мастер Прокопий Матвеев. Дело было прибыльным: за этот период было получено приблизительно 234 рубля. А Екатеринбургское духовное правление, выкупившее весы у казны в 1763 году, выручило за три года 500 рублей, которые также были использованы для Екатеринбургской церкви.

Судя по количеству доставленных на стройку кирпичей, строительство продолжалось ускоренными темпами. В 1763 году в доставке кирпича на стройку принимали участие крестьяне Бобровского и Горнощитского сел, деревень Пышминская, Вьюхино, Донка и Мостовская, а также Екатеринбургской слободы. В летнее время на этих работах было задействовано 250 человек, в зимнее — 40.

Строительство близилось к завершению. И нужно уже было думать об отделке храма и его внутреннем убранстве. К сожалению, документы не

сохранили имен всех иконописцев, резчиков по дереву и других мастеров, работавших в соборе. Пока удалось выявить только три имени.

27 августа 1763 года в казначейскую контору пришел тобольский посадский человек Илья Алексеевич Асламов (Асланов) и предъявил контракт о написании икон в иконостасы придельных храмов Екатерининского собора — во имя апостола евангелиста Иоанна Богослова и во имя Дмитрия Ростовского. (Контракт с И.А.Асламовым заключили протопоп Ф.Кочнев, коллежский асессор А.Порецкий и капитан С.Метлин.) За работу иконописцу было «поряжено» 155 рублей. Из них 65 рублей должны были заплатить из церковной суммы, а остальные — А.Порецкий и С.Метлин. И.Асламов зашел в казначейскую контору, чтобы получить задаток на покупку красок. На выдачу церковных денег требовалась резолюция Канцелярии, и она была получена.

Известно также, что после этой работы, в 1766 — 1769 годах, И.А.Асламов вместе с тобольским же иконописцем К.Черепановым расписал Успенский храм Далматовского Успенского монастыря⁸.

С 4 июня по 1 сентября 1763 года по приказу Канцелярии подканцелярист Федор Банников красил в Екатерининском соборе иконостасы и клиросы, золотил царские врата и кресты. В сентябре он подал прошение о выплате жалованья. Канцелярия определила выдать ему из церковных денег 12 рублей 32 копейки, исходя из его оклада. Видимо, этой же работой Ф.Банников занимался и в начале следующего года, так как из церковных сумм ему было выдано еще 16 рублей 83 копейки.

В 1763 году Иона Кремлев подрядился на резку иконостаса для придела во имя Дмитрия Ростовского. Позже, в 1765 году, следствие будет выяснять, за что же Ионе было заплачено сверх подряда 30 рублей, на что Ф.Кочнев ответит: «... за прочие по искусству ево мелкие штуки, яко то изображение херувимов, серафимов и прочих святых ангелов по древнему законоположению ветхозаветной церкви».

Есть упоминание о выдаче денег в 1764 году еще одному мастеру — резчику Ивану Симанову, но не указано, резьбой чего он занимался — возможно, иконостасов, а возможно, оконных рам. Судя по приходо-расходным книгам, изготовление иконостасов и «письмо образов» продолжалось с 1763 по 1766 годы. Всего за эти работы было выдано из пожертвованных средств около 470 рублей.

Пока шло внутреннее оформление приделов, протоиерей Ф.Кочнев вел переписку с Tobольской консисторией о формировании церковного причта и прихода. Для начала тобольский митрополит Павел распорядился освятить приделы, когда они будут готовы. 18 марта 1763 года с нарочным была отправлена в Екатеринбург благословенная грамота на освящение двух приделов и антиминсы. Протоиерей Ф.Кочнев освятил северный придел во имя архидиакона Стефана 22 июля 1763 года.

Архидиакон Стефан, первомученик христианской церкви, принадлежал к числу 70 апостолов. Избранный в число первых семи диаконов церкви, он как образованный эллинист не ограничивался

служением в трапезах, а смело и убедительно проповедовал Евангелие и успешно вел прения о вере в синагогах. Фанатики обвинили его в богохульстве и с помощью лжесвидетелей добились осуждения его на смерть. Стефан первым ясно выдвигал идею вселенского христианства, предназначенного объять мир. Главным провозвестником этой идеи впоследствии стал апостол Павел. История жизни архидиакона Стефана изложена в Деяниях апостолов. Празднование его памяти началось с апостольских времен⁹.

23 сентября 1763 года Ф.Кочневым был освящен южный придел Екатерининского храма во имя Иоанна Богослова.

Иоанн Богослов — апостол и евангелист. Услышав проповедь Иоанна Крестителя, стал его учеником. Явление Христа произвело на него неизгладимое впечатление, и Иоанн последовал за ним. Он в числе трех ближайших апостолов присутствовал при всех величайших событиях земной жизни Спасителя. Во время тайной вечери Иоанн припадал к груди Иисуса. О его жизни после вознесения Христа известно немного: он вместе с апостолом Петром проповедовал в Иерусалиме, не раз подвергался гонениям. Иоанн Богослов также почитается как один из выдающихся христианских писателей. Великое откровение о будущих судьбах церкви и мира изложено им в Апокалипсисе (Откровение Иоанна Богослова). Он автор одного из четырех Евангелий и нескольких посланий¹⁰.

Очевидно, после освящения первого придела было принято решение о церковном штате и приходе. На практике оно начало осуществляться только в феврале 1764 года.

Тем временем был достроен придел во имя Дмитрия Ростовского и завершено строительство колокольни. В начале октября 1764 года этот придел был освящен. Он был холодным и довольно тесным, поэтому уже в первой половине XIX века по инициативе прихожан он был перестроен.

А пока нужно было достраивать главный Екатерининский храм. Еще в январе 1764 года императорским указом было предписано после расчета с крестьянами за возку кирпичей передать из казначейской конторы оставшуюся церковную сумму с прихода-расходными книгами протопопу Ф.Кочневу, «дабы от выдач по здешней Канцелярии в настоящих делах напрасного затруднения быть не могло». Таким образом, с Канцелярии снимались обязанности по контролю и распоряжению средствами, собранными на церковное строительство. Они становились прерогативой духовных властей. Очевидно, это было связано и с общей политикой Екатерины II в отношении церкви, и с перестановками в руководстве горной администрации.

В 1764 году казначейская контора произвела последние платежи по обязательствам предыдущего года. С 1763 года в духовном правлении были заведены свои прихода-расходные книги. С началом богослужения в придельных храмах появилась новая статья доходов — от продажи свеч.

Но начались и новые расходы — на покупку ладана, воска, церковного вина, дров и пр. Согласно отчету Ф.Кочнева, на эти цели было израсходовано в 1763 — 1766 годах более 880 рублей, а выручено за свечи около 570 рублей. Таким образом, без пожертвований «доброхотных дателей» церкви было явно не обойтись.

А между тем продолжалось строительство главного храма. Давно уже закончился лимит средств, выделенных от казны на приобретение строительных материалов. Еще в декабре 1762 года управитель заводской конторы Д. Коморников сообщил в Канцелярию, что ассигнованные на отпуск припасов 2000 рублей израсходованы. Но екатеринбургское горное начальство, не согласовывая вопрос с Берг-коллегией, продолжало посылать в контору указы об отпуске припасов «без задержания». Трудно сказать, то ли надеялись, что все обойдется (новый император, новые решения), то ли, понимая, что без казенной помощи церковь не достроить, пошли на риск.

В июне 1762 года Канцелярия распорядилась «за неимением в казне железа покрыть церковь пильным тесом», чем как раз и занимались арстанты. Но это была временная мера. И уже в ходе строительства тес стали заменять железом. Как сообщала в своем отчете заводская контора, в 1764 году на покрытие алтарей было отпущено 400 «крышечных железных досок» за казенный счет. С 1765 года духовное правление стало покупать заводскую продукцию на церковные деньги. Так, 12 августа 1766 года Канцелярия распорядилась отпустить по требованию духовного правления «на покрытие крышки соборной церкви железа крышечного сколько потребно без излишества из негодного к лужению, но к воронению годного». Было приобретено 1239 досок на сумму 310 рублей. Согласно отчету Ф.Кочнева, всего за 1763 — 1766 годы на строительство и внутреннее оформление храма было израсходовано из церковных сумм около 1107 рублей, что составляло больше половины всех расходов.

Чтобы довести строительство до конца, духовное начальство вынуждено было прибегать к займам. Так, в конце 1765 года необходимо было рассчитаться за кровельное железо с Сылвинским заводом и за купленные у заводской конторы весы. Требовалось 203 рубля, но в церковной казне таких денег не было. Пользуясь своим положением духовного заказчика, Ф.Кочнев проверил счета всех церквей, входивших в Екатеринбургский заказ, и выяснил, что в Знаменской церкви села Брусяны имеется более 102 рублей. Духовное правление командировало священника Ф.Комарова взять займы на год 150-200 рублей. Но брусянцы смогли дать только 70 рублей. Деньги были заняты и у других церквей.

Приходилось занимать не только деньги, но и стройматериалы. Так, в 1764 году Верх-Исетская заводская контора отпустила в долг 35 305 кирпичей, но вернуть смогли только 16 700, а остальные кирпичи еще в 1786 году числились за Екатеринбургским собором.

В начале 1765 года Канцелярию возглавил генерал-майор А.А.Ирман. По-геннински начал он наводить порядок в горном ведомстве. Время А.Ирмана — это время борьбы с нерадивостью, пьянством, конторской

волокитой и казнокрадством. В екатеринбургских конторах была проведена большая ревизия. Дошло дело и до проверки расходов на строительство Екатерининской церкви. В сентябре 1765 года ревизорами были затребованы все финансовые документы, связанные с этим делом. Выяснилось, что по церковным суммам получился перерасход в 41 рубль 32 с четвертью копейки. И это было бы еще терпимо. Но когда пришла сводка из заводской конторы об общей стоимости отпущенных на строительство припасов, в Канцелярии испытали шок: эта сумма составляла 11 330 рублей 14 с тремя «осминами» копейки, в то время как императорским указом было разрешено истратить только 2000 рублей! Тут же возник вопрос — где неизрасходованные материалы?

Возглавить следствие было поручено второму члену Канцелярии П. Степанову, а на должность секретаря был назначен М. Кузнецов. Непосредственно же разбором дела занимался маркшейдер Попов. 31 декабря 1765 года Канцелярия приняла явно поспешное решение — перерасход казенных средств в 9 588 рублей взыскать с протопопа Ф. Кочнева. В первой половине января 1766 года решение было доведено до Ф. Кочнева, и он тут же дал ответ. Протоиерей сообщил, что с самого начала строительства припасы под его смотрением не находились, а всем ведала заводская контора, что требуемых денег в наличии при церкви не имеется, так как она едва «с великою нуждою» может содержать себя воском, вином и ладаном. Тут же он спрашивал, куда девать оставшиеся припасы, которые были оценены на сумму 258 рублей 79 копеек.

Начались допросы всех, кто каким-либо образом был причастен к строительству храма. Был даже вызван из Соли Камской И. Кремлев. Все бывшие управители заводской конторы стояли на одном — выдавали, мол, припасы согласно распоряжениям Канцелярии. На стройке же не было заведено записывать поступавшие материалы. Все, кто их получал, дружно уверяли, что все шло в дело и на сторону не продавалось. Лишь в одном следователи нашли нарушение: 19 человек дали показания, что они покупали оставшиеся стройматериалы у церковного старосты С. Резанова, и эти сделки оказались незафиксированными в церковных приходных книгах. Староста сказал, что занимался продажей по поручению Ф. Кочнева, а в его отсутствие — священника А. Воинственских. В конечном счете проверяющие решили, что это незначительная сумма, и не стали раздувать скандал.

В мае 1766 года Канцелярия приняла решение доложить о результатах ревизии в Берг-коллегию. Однако в конце октября пришел указ о проведении повторного разбирательства. Результаты первого следствия высшее руководство не удовлетворили. Оставалось много вопросов, в частности, почему многотысячная сумма была использована без согласования с Берг-коллегией. Но самое главное, не были найдены виновники растраты. Центральные власти усматривали за всем этим крупное казнокрадство.

Новое следствие было поручено гитен-фервальтеру А. Кичигину и шихтмейстеру А. Аистову. Для начала они должны были составить план по-

строенной церкви, рассчитать, сколько на нее потрачено припасов, и сравнить с прежним чертежом и сметой. Если обнаружится несоответствие, то необходимо было выявить виновников. В Берг-коллегии считали, что явно были нарушения и в связи с продажей оставшихся стройматериалов. Чтобы добраться до истины, предлагалось применять самые жестокие меры вплоть до пыток «для лучшего прекращения воровства». Также было указано для прекращения излишних переписок результаты доложить А.А.Ирману. Пока же до принятия окончательного решения было предписано казенную растрату возвращать из собираемых от «доброхотных дателей» денег.

Но церковь была еще не достроена. И в Берг-коллегии, и в Канцелярии прекрасно понимали, что без помощи казны это строительство не завершить. Было категорически запрещено вводить для этой цели новый налог с населения. Надворному советнику А.Я.Степанову было поручено учесть, сколько церковных денег есть в наличии и сколько еще потребуется. Храмовые ящики для сбора пожертвований должны были быть запечатаны печатями Ф.Кочнева и А.Я.Степанова. Нельзя было без разрешения последнего производить какой-либо расход и без определения Канцелярии вести строительство.

Нужно сказать, что церковь еще долго собирала средства, чтобы рассчитаться с долгами. Сменивший Ф.Кочнева новый настоятель протоиерей Василий Коровицкий в конце августа 1771 года даже выпустил «Краткое увещание к боголюбивым рачителем благолепия святых церквей о приложении в Соборную Екатеринбургскую церковь кто что приложить благоволит».

А пока что, в конце 1767 года, в Канцелярии подводили итоги выполнения распоряжений Берг-коллегии. Выяснилось, что повторное следствие о затраченных на строительство Екатерининского собора деньгах до сих пор не проведено. А.Кичигин и А.Аистов были слишком заняты работой и к составлению плана построенной Екатерининской церкви не приступали. Так, например, А.Кичигин в 1767 году занимался, кроме всего прочего, проектированием здания Екатеринбургского соляного комиссариата. Определением от 31 января 1768 года Канцелярия требовала ускорить следствие.

Не известно, было ли это разбирательство доведено до логического конца или в суматохе дел и с увольнением от должности А.Ирмана о нем просто забыли, но известно, что в 1768 году А.Кичигиным был составлен проект новой, Вознесенской церкви ¹¹.

Благословенная грамота митрополита Павла на освящение главного Екатерининского храма была подписана 21 декабря 1767 года. В Екатеринбурге ее получили 31 декабря. Освящение же храма состоялось только 22 сентября 1768 года, в очередную годовщину коронации Екатерины II. «При многолюдственном народе» его совершил протоиерей Ф.Кочнев ¹².

Что же представлял собой Екатерининский собор с архитектурной точки зрения?

40 — 50-е годы XVIII века были кульминацией русского барокко. В этот период набирали силу региональные школы зодчества, в том числе и на Урале. В облике Екатерининского собора присутствовали как харак-

терные для уральского зодчества черты, так и своеобразные, придающие храму неповторимый вид. Как и другие барочные церкви Урала, Екатерининский собор имел трехчастную композицию (храм — трапезная — колокольня), вытянутую по оси. Но в то время для уральской архитектуры были не характерны храмы с двумя боковыми приделами.

По планировке и внешнему облику собор, пожалуй, больше тяготел к «сибирскому барокко». Для этого направления свойственно усложнение объемного построения: устройство широкой трапезной с приделами, часто приобретающими самостоятельное композиционное значение, «скульптурность» алтаря, как правило, наделенного главкой, фигурные щипцы, вычурные купола, увенчанные ярусными главками, барабаны которых оформлены волютками ¹³.

Алтари главного храма, украшенного главкой, и боковых придельных храмов Екатерининского собора имели полукруглую форму. Завершение главного храма было выполнено в русле традиционной композиции «восьмерик на четверике». В то время строилось довольно много церквей, преимущественно в Прикамье, с малым восьмериком. Он всецело был подчинен четверику, иногда переход был смягчен «полуглавием» — полукруглыми выступами в завершении стен четверика. Особенностью Екатерининского собора являлось то, что нижний восьмерик был крупнее, чем обычно делали в уральских храмах, и вместо «полуглавок» сопровождался фронтонами-аттиками с волютами. Верхний восьмерик нес фигурную ярусную главку, вместе с фронтонами придававшую собору сильный барочный оттенок ¹⁴. Световые барабаны были украшены вместо волюток, как у сибирских церквей, пилястрами. Четверик храма и трапезная были двухсветными (т.е. с двумя рядами окон).

В объемных построениях уральских колоколен этого периода заметную роль играл четырехгранник. Колокольня Екатерининского собора, примыкавшая к трапезной, имела в основании неярко выраженный прямоугольник, вытянутый в северо-южном направлении. Над звоном, расположенным в восьмигранном столпе, был возведен дополнительный сквозной восьмерик. Колокольня имела лишь отзвук шатрового покрытия и венчалась шпилем с маленькой главкой. Как подметил историк уральской архитектуры А.Ю.Каптиков, шпиль являлся атрибутом в основном колоколен горнозаводских поселений Урала ¹⁵. Высота колокольни со шпилем и крестом составляла 26,5 сажени.

Как уже отмечалось, в ходе строительства под колокольной над папертью был устроен еще один придел, на который вела лестница в северной стене паперти. Собор имел пять выходов: северный и южный непосредственно из главного храма, на западной стороне два из трапезной и один из паперти. Все «врата» вели на довольно массивные каменные крыльца со ступенями, огороженными перилами. В целом, Екатерининский собор выглядел изящным и устремленным вверх.

Главный храм и придел во имя Дмитрия Ростовского под колокольной были холодными, и богослужения в них совершались только летом. Боковые приделы с трапезной составляли теплую церковь.

В начале 1770-х годов главный межевщик А.Кичигин назначил земельные участки для новых кладбищ города. Так, под приходское кладбище Екатерининского собора было выделено место слева от Тобольской дороги за речкой Ольховкой¹⁶. Но были захоронения и рядом с собором. На фотографиях начала XX века видны две надгробные плиты у северной стены церкви. В 1774 году здесь был погребен член Екатеринбургской Горной канцелярии ассессор Михаил Иванович Башмаков. Он прославился успешными действиями по подавлению Пугачевского восстания в Зауралье.

Чугунной решеткой была обнесена могила архимандрита Хиландарской славяно-сербской Святогорской Афонской лавры Софрония, скончавшегося 7 февраля 1863 года. Эпитафия на мраморной доске гласила:

Все страсти он умел смирить
И суеты чуждался
Затворником он начал жить
И странником скончался¹⁷.

Рис. 6. Екатерининский собор с северной стороны

Духовенство

ЕКАТЕРИНинской ЦЕРКВИ

В январе 1726 года генерал-майор В.Геннин, добиваясь разрешения освятить новую Екатерининскую церковь, ставил вопрос и о назначении к ней причта. 17 февраля в Сибирский обер-бергамт обратился вдовый протопоп с демидовского Невьянского завода Феодосий Васильевич Флоровский с сыновьями диаконом Иваном и пономарем Кузьмой. Он желал служить в новой Екатерининской церкви и просил поддержать его кандидатуру перед тобольским митрополитом. Горное начальство обратилось к преосвященному с просьбой определить к Екатерининской церкви Феодосия с детьми. И хотя Антоний уже назначил в Екатеринбург священника из Ялуторовской слободы Федора Иванова, эта просьба была удовлетворена, а Федор был отправлен к новой церкви в Горный Цит.

Феодосий Флоровский в марте 1726 года получил от митрополита благословенную грамоту. Он был определен к Екатерининской церкви до 1729 года, должен был вести себя «трезвенно и целомудренно, во всем соблюдая себя безпорочно по заповеди Божней и преданию святых отец, наблюдая и обучая народ православной христианской веры святой и жителству христианского закона и крестному знамению по преданию апостольскому». Антоний определил Феодосию ежегодно подавать в митрополичий дом свидетельства от всех екатеринбургских обывателей о его «безпорочном» поведении. Без этих свидетельств и благословенной грамоты он не имел права священнодействовать¹.

Дальнейшая судьба Ф.Флоровского складывалась далеко не гладко. Как и было назначено преосвященным Антонием, в 1729 году Феодосий покинул Екатеринбург и отбыл в Тобольск. А в апреле 1730 года на него поступил донос солдата Сибирского гарнизона Тобольского полка 7-й роты Алексея Симакова. Солдат сообщил, что в бытность его в Екатеринбурге протопоп Феодосий Васильев показал ему в своем доме раскольническую книгу, содержащую «на церковь святую многие ругательные порицания и хулы». А.Симаков попросил книгу, чтобы показать тобольскому митрополиту. Но Феодосий не дал ее, сославшись на то, что взял ее посмотреть в Сибирском обер-бергамте на время.

Получив донос, Антоний поручил архимандриту Далматовского Успенского монастыря Филиппу провести расследование о судьбе книги. Чуть позже появился указ о пострижении Феодосия в монахи этого же монастыря. Он был пострижен под именем Федора. В 1743 году по неизвестным причинам иеромонах Федор сбежал из обители. По всей Тобольской епархии были разосланы его приметы и объявлен розыск. Согласно описанию, Федор был среднего роста, лицом смугловат, глаза черно-карие, волосы и борода «челнокосые с сединой, на голове долговаты, прикудреваты, тонки, борода широка, долговата, тонкая же» ².

В Екатерининском приходе место Феодосия занял его сын Иван Федосеев Флоровский ³. Позже Иоанн был возведен в сан протоиерея.

Нужно сказать, что протоиереи, будучи старшими священниками, никаких дополнительных обязанностей и привилегий не имели, это было лишь почетное звание. Обычно протоиереи являлись настоятелями соборных церквей и благодаря этому получали более высокое содержание или жалованье, чем остальные соборные священники.

В 1731 году И.Флоровский стал главой (заказчиком) только что учрежденного Екатеринбургского заказа (должность заказчика всегда была прерогативой протоиереев Екатеринбургской церкви за редким исключением, когда настоятели храма не имели протоиерейского звания).

И.Ф.Флоровский был весьма уважаемым человеком в городе. В годы его пастырства в Екатерининске (так при В.Н.Татищеве стали называть Екатеринбург) забыли о штрафах за неявку в церковь. Протопоп по первой просьбе отправлял требы, сам пешком обходил дома екатеринбуржцев и верх-исетских заводских работников. Далеко не все могли с ним сразу расплатиться, и он терпеливо по полгода ожидал расчет. Имели положительный результат его увещевания против пьянства: в городе заметно меньше стали пить. При его активной поддержке в сентябре 1736 года при церкви появилась богадельня для престарелых и увечных бездворных работников и солдат и организовано народное подаяние на их содержание. А в мае 1737 года город был потрясен известием об его аресте.

Дело Ивана Флоровского сначала рассматривалось в Тобольске при митрополите Сибирском и Тобольском Антонии, а потом в Святейшем Синоде в Москве. На следствии в Екатеринбурге открылись интерес и сочувствие протопопа к гонимым раскольникам. Известно высказывание В.Н.Татищева о «богомерзких словах» Ивана. Однако суть обвинений, выдвинутых против И.Флоровского, не совсем ясна, но они оказались настолько серьезными, что в конечном итоге привели протопопа на эшафот.

Несомненно, это дело было связано с усилением преследований старообрядцев в 1736 — 1737 годах. На смену веротерпимости В.И.Геннина пришла нетерпимость к инаковерию В.Н.Татищева. Солдатские команды прочесывали леса во владениях Демидова и Осокина, устраивали облавы на тайные старообрядческие поселения — скиты, арестованных приводили в Екатеринбург. В.Н.Татищев распорядился построить на лесистом мысу Исетского пруда тюремный острог для раскольников. Так в

городе появился печально известный Заречный тын. Многие арестанты окончили свой земной путь в его стенах и были похоронены на тюремном кладбище. В связи с постройкой тюрьмы для раскольников у екатеринбургских священников появилась еще одна обязанность — обращение арестантов в лоно официальной церкви⁴.

В Екатерининской церкви Ивана Флоровского сменил арамилский священник Яков Никитин. В 1737 году он был возведен в сан протоиерея и назначен заказчиком. В 1741 году его перевели в Тобольск к Троицкому собору. А в Екатерининский храм был прислан протопоп Василий Кудрицкий — личность весьма скандальная. С 1743 года он стал главой Екатеринбургского заказа⁵.

В конце 1743 года у В.Кудрицкого начались конфликты с прихожанами и подчиненным ему духовенством. К этому времени в Екатерининскую церковь было определено по штату два священника. У Василия сразу же не сложились отношения со вторым священником Андреем Андрониковым, которого он вознамерился «от церкви отчать и все на одного себя принять». Прихожане же совершенно справедливо считали, что одному священнику не справиться с таким большим приходом, в который входили, кроме города, поселок Верх-Исетского завода, деревни Решеты, Пышма, Шарташ. Один священник уже не успевал выполнять прошения прихожан и совершать регулярно службы в церкви.

К тому же В.Кудрицкий и с мирянами стал вести себя «гордостно». Люди вынуждены были обращаться к нему по два-три раза и, не дождавшись от него выполнения необходимой требы, звали попа из поселка Уктусского завода и ходили туда в церковь. По свидетельству церковного старосты, В.Кудрицкий стал запускать руку и в храмовую казну. Да и священникам ближайшей округи от него крепко доставалось. Так, например, арамилского попа Степана Яковлева он держал несколько часов в цепях за то, что тот крестил младенца не в своем приходе (в Екатеринбурге).

В конце концов терпение прихожан кончилось, и они обратились в Канцелярию Главного заводов правления. Народ был грамотный и права свои знал. Тут же вспомнили указ Синода от 23 февраля 1722 года, которым предписывалось священников и диаконов выбирать прихожанам и «подавать от них выборы». 23 мая 1744 года 36 наиболее авторитетных екатеринбургских жителей (среди них были будущие бургомистры И.Харчевников и И.Долгоруков, купец И.Коробков, плотинный мастер Л.Грамотчиков) подписали «мирской выбор», что протопоп прихожанам не угоден. К слову сказать, в решении мирского схода первым прегрешением В.Кудрицкого было отмечено, что «неретко находится в пьянстве». «А желаем, — писали в своем выборе екатеринбуржцы, — при оной церкви быть и служить попу Андрею Андроникову, понеже как видно, что оной человек доброй, смирной и постоянной»⁶. Канцелярия поддержала выбор прихожан и обратилась к митрополиту Антонию. В феврале 1745 года протоиерей Василий Кудрицкий с дьячком Кузьмой и пономарем Алексеем Флоровскими (братом и сыном И.Флоровского) были отозваны в Тобольск. (Через некоторое время последние вернулись назад.) На про-

тоиерейскую же вакансию в Екатерининский храм был прислан Иосиф Афанасьев.

В сентябре 1747 года причт Екатерининской церкви состоял из протоиерея, священника, диакона, двух дьячков и пономаря. После пожара весь штат был переведен в Богоявленский храм. К нему же были приписаны и дворы бывшего Екатерининского прихода. По духовной росписи 1762 года в этом объединенном приходе числилось 918 православных и раскольнических дворов.

Богоявленская церковь как приходская не имела до 1755 года штатной единицы протоиерея. Поэтому все протоиереи, служившие в ней, официально значились протоиереями Екатерининской соборной церкви. Иосиф Афанасьев прослужил на новом месте менее двух месяцев. 18 ноября 1747 года он умер в возрасте 33 лет. Его товарищ, священник Федор Сальников, также недолго служил в Богоявленской церкви: он пережил протоиерея ровно на четыре месяца, скончавшись 18 марта 1748 года. Как будто некое проклятие лежало на духовенстве сгоревшего собора.

В начале 1748 года в Екатеринбург прибыл Василий Михайлович Калиновский, назначенный протоиереем к Екатерининской соборной церкви. Он происходил из подьяческих детей и начинал свою карьеру в Исетском остроге. В 1729 году его посветили в диаконы, а в 1737 — в священники. После смерти Ф.Сальникова В.Калиновский остался один на обширный приход. Он просил Тобольскую консисторию кого-нибудь прислать. Но митрополит дал указание «за скудостью при здешних церквах священников» самому протоиерею выбрать из своего или из Далматовского заказа двух-трех человек из диаконов или других причетников «для производства на праздные места в Екатеринбург во священники». Со своей стороны и Канцелярия Главного заводов правления просила преосвященного прислать в Екатеринбург двух священников. Только осенью 1748 года эти просьбы были выполнены. А в 1750 году было создано Екатеринбургское духовное правление.

В 1751 году В.Калиновский был назначен главой нового Ялуторовского заказа. А его место занял молодой энергичный протоиерей Федор Львович Кочнев. Сын камышловского священника, он прибыл в Екатеринбург в возрасте 28 лет и возглавил Екатеринбургский заказ. Ф.Кочнев служил при Богоявленской церкви до 1764 года. Именно по его инициативе наконец-то началось строительство каменного Екатерининского собора, и это стало для Ф.Кочнева делом его жизни.

В марте 1763 года, когда уже близилось к завершению возведение приделов Екатерининской соборной церкви, Ф.Кочнев обратился к тобольскому митрополиту с просьбой определить штат для возрождающейся церкви в следующем составе: сам Ф.Кочнев, священники Афанасий Воинственных и Василий Скорняков, диакон Василий Удинцев и дьячок Василий Богомоллов. В этом же послании глава Екатеринбургского духовного правления предлагал «по освящении при созидающейся соборной во имя святой Екатерины церкви придельных двух святых храмов» провести «порядочное расчисление о дворах и душах» с Богоявленской цер-

ковью. Но преосвященный решил не форсировать события и «учинить рассмотрение» этим вопросам.

Спустя некоторое время просьба о составе причта была удовлетворена, но не в полной мере. Василий Скорняков был оставлен в Богоявленской церкви, а вместо него к Екатерининской был назначен Василий Терентьевич Желницкий. Сын дьячка, он был произведен в священники Богоявленской церкви около 1752 года. В 1762 году он был назначен товарищем к Ф.Кочневу по управлению делами Екатеринбургского духовного правления⁷.

Вторым лицом в соборе после Ф.Кочнева стал священник Афанасий Петрович Воинственских. Его перевели из Тобольска к Богоявленской церкви около 1752 года. В июне 1759 года Афанасий был оштрафован консисторией за то, что его сын Федор «славяно-российской грамоте в твердости не обученным явился». Проверка 1763 года показала, что Федор, живя с отцом, по-прежнему оставался «не совершенно же обучившимся». Митрополит Павел распорядился послать А.Воинственских за нерадение в обучении сына на полгода в Далматовский Успенский монастырь. А 18-летний Федор, чтобы впредь «чувствовал» прилежание к обучению славяно-российской грамоте, был наказан лозами перед учениками Тобольской семинарии, после чего его отдали на 6 недель в обучение ключарям тобольского Софийского собора⁸.

Как свидетельствует этот случай, духовные власти пристально следили за тем, чтобы дети священноцерковнослужителей получили образование. В начале XVIII века государство закрыло доступ в ряды белого духовенства представителям податных сословий. Предполагалось, что отныне священников будут сменять выходцы из этого же сословия, поэтому дети клириков должны были получать соответствующее профессиональное образование⁹.

Федор Воинственских все-таки выучился и стал священником в церкви Уткинского завода Демидовых. А другой сын Афанасия, Александр, родившийся в 1748 году, не получил образования в семинарии (видимо, отец прилежно учил его дома). В 1763 году Александр был произведен «в стихарь» (стал церковнослужителем), в 1771 — в диаконы, а в 1777 году стал священником Екатерининского собора. (Согласно клировой ведомости 1806 года, он по-прежнему служил в этой церкви.) Вместо отца ему досталась и должность товарища заказчика, т. е. заместителя главы духовного правления. В 1803 году он попросил освободить его от этой должности.

В 1806 году сын Александра, Дмитрий, служил в церкви Нязе-Петровского завода. Его зять был священником Богоявленской церкви, церковнослужителями были и его племянники. В XIX веке у екатеринбургского духовенства станет модным доказывать «высокое» происхождение своих фамилий. Так, семья Воинственских (Воинсвенских) будет уверять, что они ведут свой род от пленного шведа. На самом же деле их фамилия имеет чисто церковное происхождение — от имени святого Иоанна Воинственника¹⁰.

Но вернемся к резолюции Тобольской консистории 1763 года о формировании причта Екатерининского собора. В ней было определено и количество дворов по приходам. К Екатерининской церкви отходило 500 дворов, к Богоявленской — 310, к Златоустовской (придельный храм церкви во имя Сошествия Святого Духа) — 202 двора.

На практике эти решения начали осуществляться только в феврале 1764 года. Раздел приходов был проведен Ф.Кочневым в нарушение предписания консистории. Так, к Екатерининскому приходу было отчислено 667 дворов, в том числе села Шарташское, Становское и Сарапульское. В этих селах насчитывалось 152 двора и население было исключительно старообрядческим. (В 1833 году Становая и Сарапулка были переданы в Пышминский приход, а Шарташ в конце 1839 года отошел к Березовскому приходу.)

19 февраля 1764 года духовное правление дало знать священникам о разделении приходов, предупредив, чтобы они не отправляли никаких мирских треб в чужих приходах. Богоявленские священники с трудом привыкали к разделению приходов, и их не раз наказывали за нарушение этого указания.

Количество православных дворов в приходе имело очень большое значение, потому что священноцерковнослужители находились на содержании прихожан. Как писали в ежегодных клировых ведомостях об екатерининском духовенстве, «пропитание имеют от прихожан, денежного жалованья не получают, церковных земель и сенокосов не имеют ... сверх же сего за исправление всех христианских треб получают от доброхотных дателей, то есть от прихожан»¹¹.

Законодательно установленная плата за требы была настолько мала, что не могла играть существенной роли в бюджете клириков. С 1765 года плата была такова: за молитву родильнице — 2 копейки, крещение — 3 копейки, свадьбу — 10 копеек, погребение младенца — 3 копейки, взрослого — 10 копеек. Запрещалось брать деньги за исповедь и причастие. За остальные требы прихожане платили по желанию, а также могли добровольно давать сверх установленной нормы. В 1801 году тариф был удвоен. Лишь в 1842 — 1843 годах была проведена реформа и духовенство государственной деревни было переведено на казенное жалованье. Это серьезно повлияло и на положение клириков, служивших при казенных горных заводах¹².

А во второй половине XVIII века духовенство могло рассчитывать только на прихожан. Если на одном приходе было несколько священников, то они также делили между собой дворы, которые их содержали. Не всегда это удавалось решить «полюбовно». В октябре 1767 года на место умершего В.Желницкого был назначен протоиерей Петр Флоровский. Он стал добиваться выделения ему приходских дворов «по протопопскому званию». П.Флоровский писал о своем тяжелом положении в духовное правление: »... претерпеваю и с домашними моими за неимением никакого от треб, яко же прочие, доходу крайнюю скудость и в пропитании с оными домашними моими оскудение».

Руководство духовного правления (Ф.Кочнев и его товарищ священник А.Михневский), само кормившееся от этого прихода, явно не хотело делиться с П.Флоровским. Поэтому в мае 1768 года правление решило отдать вновь прибывшему священнику три раскольнических села — Шарташское, Становское и Сарапульское (где было уже 197 дворов) — «в заведывание их требами». Конечно, жители этих сел ни за какими требами к православному священнику и не собирались обращаться.

П.Флоровский сообщил о «производимом беспорядочестве» протопопа Ф.Кочнева в Тобольскую консисторию. Духовное начальство распорядилось все православные дворы разделить поровну между священниками, а раскольническими «заведывать всем обще». Вопрос о Ф.Кочневе консистория собиралась рассмотреть отдельно. Дело в том, что это была уже вторая жалоба за месяц от священнослужителей на протоиерея.

Мы уже видели на примере семьи священников Флоровских, что екатеринбургское духовенство неоднозначно относилось к старообрядчеству и отнюдь не являлось ревностным борцом с расколом. Жизнь в городе, где значительная часть населения (среди которой было немало весьма уважаемых людей) придерживалась старой веры, где проживали также лютеране и протестанты, требовала веротерпимости. Со второй половины 50-х годов XVIII века постепенно пошли на спад антираскольнические гонения, власти становились более лояльными к разнoverию. Священник Ф.Кочнев мог позволить себе уже в открытую отказаться от обращения в православие раскольника. В 1768 году один пришлый старовер обратился к нему с такой просьбой, на что Ф.Кочнев ответил: «Я не обещался здесь ни одного из раскола обращать, а хотя в Шарташе обратившиеся от раскола и были, да я и тех при нынешней ревизии просил капитана Семена Метлина записать в раскол. И ежели тебя допустить, то вас и много полезет»¹³. Наверное, во времена В.Н.Татищева, протоиерей поплатился бы головой за такое высказывание. Тогда же, в 1768 году, отнюдь не это стало причиной отставки Ф.Кочнева, а многочисленные жалобы духовенства на притеснения со стороны протоиерея.

26 июля 1768 года консистория постановила отстранить Ф.Кочнева от духовных дел и провести следствие, которое поручила главе Далматовского заказа священнику Адриану Пеуну. Но тот приехал в Екатеринбург только 14 декабря. 22 сентября Ф.Кочнев еще успел освятить главный храм Екатерининского собора. По решению консистории он был пострижен в Тюменском Троицком монастыре.

П.Флоровский же дворов из Екатерининского прихода так и не получил. Сначала Ф.Кочнев это дело «волокинул», а потом Петра определили в Богоявленскую церковь, на что согласилась и Тобольская консистория. Но там П.Флоровский продержался недолго. За ним числилось множество прегрешений: присваивание денег из церковной кассы, а также строительного леса, клевета ... Но, пожалуй, самым диким его поступком была попытка закабалить 12-летнюю Матрену Немчинову, дочь демидовского приписного из Чубаровской слободы. Девочка была насильно обвенчана, подвергалась истязаниям. В конце концов ей удалось бежать и доб-

ратся до губернатора Чичерина. Новый глава Екатеринбургского заказа протоиерей Афанасий Воинственских добился высылки П.Флоровского из Екатеринбурга, «дабы от него более беспокойств не умножалось»¹⁴. 9 июля 1769 года духовное правление сообщило в екатеринбургскую полицию о высылке священника в Ялуторовск, но он туда не поехал. В октябре правление по предписанию консистории просило полицию дать солдат и препроводить непокорного клирика до места нового назначения¹⁵.

В первой половине 80-х годов XVIII века протоиерейская вакансия при Екатерининском соборе некоторое время сохранялась. В 1787 году выбор консистории пал на священника тобольского Софийского собора, учителя риторики Тобольской семинарии 29-летнего Федора Львовича Карпинского. Он родился 1 июля (по другим данным — 8) 1758 года в семье священника. Федор окончил курс богословия Тобольской семинарии. В 1778 году он был произведен «в стихарь» (для произнесения проповеди), в 1784 — в диаконы Благовещенской церкви Тобольска, а в 1785 году стал священником Софийского собора.

Согласившись переехать в Екатеринбург, Ф.Карпинский получил сан протоиерея и стал главой Екатеринбургского заказа. (В начале XIX века эта должность уже называлась «присутствующий духовного правления».) В Екатеринбурге Федор продолжил свою педагогическую деятельность. С 1807 года он преподавал Закон Божий в Екатеринбургской горной школе. В 1812 году протоиерей был назначен еще и членом Горного оспенного комитета. В 1818 году его заслуги были отмечены наперсным крестом. Когда вместо заказов стали вводить благочиния, в 1824 году Ф.Карпинский 5 месяцев исполнял обязанности благочинного.

Протоиерей не отличался отменным здоровьем. Еще в клировой ведомости 1806 года (ему в это время 48 лет) было отмечено: «... временно имеет болезненные припадки». Тем более в 1824 году преклонный возраст и болезни не позволяли ему выполнять полный круг обязанностей. Протоиерей Ф.Карпинский уже отправлял церковные службы только в Великие праздники и торжественные дни, проповеди не произносил, но считался в должности своей «исправным». В Екатерининском соборе он прослужил до самой смерти. Ф.Л.Карпинский скончался 18 октября 1831 года и был погребен на городском кладбище.

Сохранился уникальный документ — дневник Федора Львовича, который он вел с 1798 года до февраля 1799 года и с 1803 по 1807 год¹⁶. Он позволяет ярко представить будни и праздники городского священства. Как глава духовного заказа, Ф.Карпинский много ездил по уезду, участвовал в закладке и освящении новых церквей. В его обязанности входило и проведение следствий по делам церковного ведомства. Протоиерей бывал в домах многих известных жителей города и высокопоставленных чиновников, посещал светские вечера, маскарады, бывал на полковых учениях. Он являлся страстным коллекционером табакерок. Часто по вечерам играл с супругой в карты или читал. Поражает обширный круг его читательских интересов: в его библиотеке были книги по истории, философии, медицине, биологии; наряду с сочинениями Вольтера и Руссо имелись и легкие французские романы.

Часто на страницах старинных книг можно увидеть записи их владельцев и читателей и таким образом узнать много интересного и о судьбе самой книги, и о тех, кто держал ее в руках. Именно благодаря таким записям удалось найти одну из книг, принадлежавших Ф.Карпинскому. Это Требник Петра Могилы, изданный в 1646 году в типографии Киево-Печерской лавры, довольно большая книга в старинном переплете (доски, обтянутые кожей). Она регламентировала отправление всех духовных треб, поэтому ею пользовалось во время богослужения как духовенство официальной церкви, так и раскольнические беглые священники и наставники. С 1646 года Требник Петра Могилы не переиздавался ни в XVIII, ни в XIX веке, поэтому данное издание бережно хранилось и передавалось из поколения в поколение в семьях духовенства, в церковных и монастырских библиотеках.

Итак, что же можно узнать из записей на полях нашего экземпляра Требника? Самая ранняя из них сделана 19 января 1738 года служителем Богоявленской церкви какого-то острога (название не сохранилось) Ильей Ивановичем Карповым. Потом Требник оказался в библиотеке протоиерея церкви Краснослободского острога Ирбитской округи Льва Карпинского. В августе 1789 года он благословил книгу своему сыну Федору. За три года до смерти, в 1828 году, сильно болея и мало служа, протоиерей Ф.Карпинский продал книгу в Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь за 140 рублей¹⁷. Возможно, в будущем удастся обнаружить и другие книги, принадлежавшие Ф.Карпинскому и его семье, сыгравшей заметную роль в церковной жизни Урала.

Например, одной из ярких фигур на посту благочинного Нижнетагильского благочиния был брат Федора протоиерей Алексей Львович Карпинский, занимавший эту должность с 1834 года. В 1873 году нижнетагильское духовенство обратилось в заводоуправление с предложением отпраздновать 37-ю годовщину службы А.Карпинского, отметив его заслуги в «просвещении светом Евангелия мастеровых Нижнетагильского округа и направлении всего духовенства к вселению в мастеровых, когда они были в

Рис. 7
Лист из Требника
с дарственной надписью
Ф. Карпинскому

крепостном состоянии, полного повиновения заводскому начальству, а с прекращением крепостного права к честному на заводах труду»¹⁸.

В начале XIX века в Екатерининском соборе кроме протоиерея был уже не один, а два священника. Вместе с Ф.Карпинским в 1787 году был назначен в товарищи заказчика и в Екатерининский собор упоминавшийся выше Александр Воинственских. В 1802 году сюда был поставлен еще один священник, 30-летний Иван Степанович Сильвестров, не имевший семинарского образования.

В клировой ведомости 1806 года отмечено, что старший сын И.Сильвестрова, 11-летний Стефан, был учащимся семинарии, а младшие, 7-летний Василий и 6-летний Александр, обучались по часословам, т. е. к этому времени они уже освоили азбуку и псалтырь. Нужно сказать, что обучение в семьях клириков начиналось довольно рано. Так, например, 5-летний сын дьячка Екатерининской церкви Симеона Ивановича Блохина, согласно данной клировой ведомости, постигал азбуку, а другой, 9-летний сын обучался в доме петь и писать.

В начале XIX века в Екатерининской церкви было по два диаконских, дьяческих и пономарских места. По церковной иерархии священники и диаконы относились к священнослужителям, а дьячки, пономари — к церковнослужителям (причетникам или псаломщикам) и также входили в духовное сословие. Диакон находился на низшей ступени священства: сам он не совершал таинств, но прислуживал при их совершении.

Для многих диаконов и причетников служба в Екатерининском соборе была началом карьеры — далее их назначали в священники к другим церквям Пермской губернии. В обязанности одного из диаконов или псаломщиков входило заведование книжной лавкой при соборе. На вырученные в ней деньги выписывалась литература для церковной библиотеки.

В конце 70-х годов XIX века штат Екатерининского собора состоял из 1 протоиерея, 3 священников, 3 диаконов и 2 псаломщиков. В конце столетия одна священническая вакансия была закрыта. Но в начале XX века появились средства, и в 1902 году она была восстановлена. Вскоре в храме появился и четвертый священник. Но в 1908 году «ввиду скудости средств содержания причта собора» эта вакансия была упразднена вместе с псаломщической¹⁹.

Как и все граждане Российской империи, духовенство должно было являться четыре раза в год на исповедь к духовнику. Духовная консистория обязательно собирала по всем церквям ежегодные отчеты о посещении исповедей причтом. Духовником священноцерковнослужителей Екатерининского собора был настоятель Успенской церкви Верх-Исетского завода.

Во второй половине XIX века протоиерей Екатерининского собора назначался благочинным 2-го округа (в его подчинение входило 11 церквей, а всего в Екатеринбургском уезде было 6 округов). В 1885 году была образована самостоятельная Екатеринбургская епархия, в Екатеринбурге появилась духовная консистория, и один из священников Екатерининского храма стал входить в ее состав.

С выделением самостоятельной епархии связано и возникновение в 1886 году екатеринбургского Епархиального попечительства. Оно было призвано материально поддерживать заштатных священноцерковнослужителей, вдов и сирот, пострадавших от пожаров, содержать воспитанниц Епархиального женского училища и приюта Ново-Тихвинского монастыря, воспитанников псаломщической школы. В первые годы существования Епархиального попечительства его старшим членом (председателем) и душой был протоиерей Екатеринбургского собора Игнатий Александрович Левитский (до своей смерти в 1891 году). В его доме и размещалось попечительство.

О семье священников Левитских хотелось бы сказать особо. Протоиерей И.А.Левитский (1820 — 1891) был известным и очень уважаемым человеком в городе. Помимо выполнения своих непосредственных обязан-

Рис. 8. Священник Г. Левитский с рикшей в Японии

ностей в соборе, он активно и в основном безвозмездно участвовал в церковной общественной жизни: был председателем Епархиального попечительства, членом Екатеринбургской духовной консистории, председателем совета епархиальных училищ, товарищем председателя миссионерского комитета. Уже на склоне лет, когда ему говорили, что нужно себя поберечь, меньше работать, он часто отвечал: «Если я перестану заниматься делами, то умру». Огромное количество екатеринбуржцев пришло проводить отца Игнатия в последний путь. Он похоронен в ограде Ново-Тихвинского монастыря²⁰.

Его сын, священник Георгий Игнатьевич Левитский (1849 — 1908), окончил Петербургскую духовную академию. В конце 1880-х годов он являлся членом правления Екатеринбургского духовного училища. Г. Левитский был известен в городе как коллекционер: так, на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года он представлял свои коллекции старинных монет и медалей. В 1888 году он стал действительным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В 1894 — 1896 годах Георгий побывал в качестве флотского священника в нескольких кругосветных путешествиях и привез из них множество различных старинных и современных ему бытовых и культовых предметов, произведений искусства народов Китая, Японии, Сингапура, Египта и др. 16 ноября 1896 года Г.И. Левитский представлял свою коллекцию в музее УОЛЕ. По духовному завещанию его собрание попало в распоряжение УОЛЕ и ныне хранится в фондах Свердловского областного краеведческого музея ²¹.

Духовенство Екатерининского собора сделало немало и для развития образования в городе. Сначала священнослужители преподавали в горно-заводской школе, затем в приходских и министерских учебных заведениях, расположенных в Екатерининском приходе, в Епархиальном училище и женской гимназии.

Век девятнадцатый:

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПРИХОДА

В начале XIX века в жизни Екатеринбургa произошли важные изменения. В 1806 году он получил статус «горного города», что позволило иметь особое управление, независимое от юрисдикции местной гражданской администрации. Екатеринбург был подчинен власти горного начальника, но в то же время еще сохранялась некоторая зависимость от губернской администрации, контролировавшей дела Городской думы. Город постепенно становился не только промышленным, но и транспортным, торговым, ремесленным центром Урала.

Хотя основную группу городского населения по-прежнему составляли заводские работники, ощутимую роль в жизни Екатеринбургa стали играть купцы и мещане. Наиболее важные общественные должности занимали крупные купцы. На их капиталы стали возводиться роскошные особняки и каменные церкви. Выходцы из менее привилегированных сословий также активно участвовали в городском самоуправлении, занимая менее значимые общественные должности.

Все эти перемены отразились и на судьбе Екатеринбургского собора. По статусу и составу прихожан он оставался горным, т.е. принадлежал горнозаводскому ведомству. Согласно ведомости 1806 года, его прихожанами были «государственные разного звания чинов люди, промышленявшие себе пропитание от трудов своих по большей части достаточное, но были и скудные». Всего в приходе числилось 542 двора с населением 1 504 души мужского пола и 1 822 души — женского. При этом отмечалось, что эти цифры не постоянны, потому что «по большей части мастеровых переводят в разные заводы». На территории Екатеринбургского прихода проживало также 427 староверов обоего пола и 5 лютеран¹.

После реорганизации горнозаводского управления новая администрация решила определиться и со статусом Екатеринбургского собора. В январе 1809 года Главный начальник Екатеринбургского горного начальства И.Ф.Герман обратился к пермскому епископу Иустину (с 1799 года Екатеринбургский уезд стал входить в Пермскую епархию) с просьбой оста-

вить Екатерининскую церковь «на прежнем положении горною заводскою», так как она была построена на казенные средства. Вскоре согласие было получено.

Поначалу Главная контора принимала довольно деятельное участие в жизни собора. Так, она требовала от духовного правления сообщать, кто староста, кем, на каком основании и на какое время он выбран. От заводского ведомства на колокольне собора были выставлены пожарные караульные. Летом 1836 года стали поправлять шпиль, поэтому временно был снят заводской набатный колокол и выведен караул. В начале 1837 года Главная контора отдала распоряжение колокол и караульных вернуть на прежнее место, но причт собора воспротивился. Тогда горная администрация напомнила духовному правлению о распоряжении епископа Иустина считать собор горнозаводским, а следовательно, как отмечалось в послании, духовное начальство не могло устранять горное «от влияния на собор» — и на колокольне вновь появились караульные.

В 1839 году ситуация повторилась «с точностью до наоборот». Летом и осенью того года в Екатеринбурге были частые пожары. Обстановка и так была напряженной, а тут еще некие «шутники»-вымогатели подбросили записку с угрозой поджечь церковь, если им не дадут 25 рублей. Епископ Евлампий обратился к Главному начальнику Уральских горных заводов В.А.Глинке с просьбой «на время продолжения опасений в ночное время назначить военный караул к собору в пособие имеющейся страже при церкви». Но генерал счел нецелесообразным ставить отдельный военный караул у собора, так как рядом находилась гауптвахта и ее караульные каждую четверть часа в ночное время обходили вокруг собора².

В 1833 году чуть было не случился крутой поворот в жизни Екатеринбургского собора. Желая усилить роль церкви в борьбе с расколом, Пермская консистория решила учредить в Екатеринбурге должность викария (помощника епархиального архиерея), «которого наименовать епископом екатеринбургским». Первым епископом екатеринбургским и викарием пермским был назначен Евлампий. Встал вопрос о создании архиерейского дома и кафедрального собора. Решением этой проблемы занялась специальная духовная комиссия Пермской консистории. Средств на строительство нового собора не было, поэтому было решено превратить в кафедральный один из уже имеющих храмов.

В первую очередь внимание было обращено на Екатеринбургский собор. В журнале Пермской консистории о нем было сказано: «Градо-Екатеринбургский Екатеринбургский собор — горный собор, священноцерковнослужители получают по проекту горного положения жалованье и исправляют в горнозаводской школе должности учителей». В его приходе насчитывалось 5 488 душ (из них 2 762 мужского пола, 2 726 — женского).

Ознакомившись с ситуацией на месте, члены комиссии пришли к заключению, что Екатеринбургский собор не удобен для архиерейского служения как по своему устройству, так и по многочисленности прихода. Да и опасались, что духовенство, получавшее жалованье от горного начальства,

не будет в полной мере выполнять обязанности, связанные со статусом кафедрального собора.

Что же не удовлетворило комиссию в устройстве Екатерининской церкви? Как было отмечено в заключении, «существующая в Екатеринбурге соборная одноэтажная церковь по пространству теплого храма имеет довольное удобство для священнослужения архиерейского, по пространству же холодного, такового удобства не имеет». Еще был один недостаток — собор был расположен на площади главной улицы, «именуемой проспектною», и не обнесен оградой. Поэтому церковь была «со всех сторон открыта для неопрятностей градских».

В конце концов кафедральным собором стала Богоявленская церковь, расположенная на той же главной улице в 245 саженьях к западу от Екатерининского храма. В срочном порядке архиерейский собор нужно было укомплектовать необходимой утварью и книгами, и в июне 1834 года екатеринбургские церкви передали туда часть своих священных одежд и книг. Так, Екатерининский собор пожертвовал 3 ризы, 3 подризника, 3 епитрахили, 3 пояса, 3 пары поручей, 2 стихаря, 1 орарь, 1 пелену и 4 книги. Пожалуй, самыми дорогими подарками были напрестольное Евангелие (в четверть листа, переплет — доски в алом бархате, с серебряными евангелистами) и крест из кипариса, обрамленный серебром ³.

Вся повседневная жизнь духовенства собора была связана с отправлением необходимых треб: крестили, венчали, отпевали независимо от рода и звания. Так, в 80-е — начале 90-х годов XIX века в Екатерининском соборе крестили своих детей горный инженер А.А.Июсса, чиновник Екатеринбургского окружного суда Д.М.Павлинов, потомственный дворянин С.И.Герц, купцы В.П.Злоказов и П.А.Подвинцев ⁴. В то же время в церковных документах встречаются просьбы о выдаче справок из метрических книг и от бывших солдат Екатеринбургского горнозаводского батальона и простых городских обывателей.

Многие известные в городе люди сочетались браком в Екатерининском соборе. Так, в 1872 году венчались подданный Великобритании инженер-механик Джон Томас Вилькинсон и дочь коллежского секретаря, Д.Ф.Пономарева, в 1875 году — коллежский секретарь П.М.Вологодский и дочь статского советника, А.И.Нейберг, в 1880 году — екатеринбургский уездный врач В.С.Буйницкий и дочь действительного статского советника, Е.И.Иванова, в 1884 году — дворянин А.П.Лодыженский и дочь фельдшера, А.Н.Катаева, в 1886 году — врач В.А.Падучев и дочь потомственного почетного гражданина, А.И.Баландина... ⁵

В конце XIX — начале XX века в соборе были отпеты коллежский советник В.М.Малахов, статские советники А.И.Краснопевцев и А.Ф.Чубарков, брат владельца знаменитого «севастьяновского» дома титулярный советник А.И.Севастьянов, начальница женской гимназии Е.И.Кук, купцы А.А.Коробейников и П.А.Подвинцев, екатеринбургский брандмейстер А.И.Петров... ⁶ Также за Екатерининской церковью было закреплено отпевание умерших в Рязановской больнице для бедных.

С самого начала устройства Екатеринбургской церкви в ней давали присягу горные инженеры. В XIX веке военное начальство не раз обращалось к ее духовенству с прошением о принятии присяги у новобранцев.

За правым клиросом главного храма хранилось знамя, пожалованное императором Александром II Уральскому горнозаводскому батальону 1 января 1861 года в связи с его столетием. Очевидно, свое начало этот батальон берет от 10-й Екатеринбургской горной роты. Ее ядро составляли «потомственные» солдаты, причем некоторые из них были внуками первых строителей города — солдат Тобольского полка. Горная рота несла охрану заводов и города, сопровождала казенные грузы, выполняла различные поручения Горной канцелярии. Во время Пугачевского восстания она принимала участие в его подавлении. Было в составе роты немало солдат и офицеров, имевших славное боевое прошлое. Поскольку первые два десятилетия XIX века ознаменовались постоянными вспышками недовольства и волнениями на уральских заводах, выступлениями приписных крестьян, то в 1820 году правительством принято решение о преобразовании горных команд в более боеспособные горные батальоны. В Екатеринбурге был учрежден батальон № 2, «противу батальонов сильного положения пехоты». Он состоял из четырех рот, а командиром был назначен подполковник Ирман.

Горный батальон находился в подчинении горного начальства. Кроме содержания караулов при заводах батальону вменялось в обязанность препровождать караваны с деньгами и металлами, «снаряжаться для покупки различных запасов», управлять приписными к заводам крестьянами, «наблюдать за поведением рабочих». А офицеры должны были участвовать в ведении следственных дел. Солдаты посылались также «по некоторым заводам» конными, именуясь «горными казачьими командами». За следующие почти 50 лет своего существования батальон пережил несколько реорганизаций, пополнение штатов, смену мундиров. С 1829 по 1865 годы он числился 8-м Оренбургским батальоном. После отмены крепостного права необходимость в горных батальонах на уральских заводах отпала, и их стали постепенно упразднять. В 1863 году горный город Екатеринбург был подчинен губернскому начальству. В 1865 году батальон снова стал Уральским горнозаводским батальоном, но входил уже по части военного управления в состав войск Казанского военного округа. В 1869 году он был упразднен, а его знамя для хранения было передано в Екатеринбургский собор ⁷.

Поскольку в приходе Екатеринбургского собора проживало немало раскольников, то консистория постоянно вовлекала его духовенство в антираскольническую деятельность, ежегодно запрашивая об этом отчеты. Судя по рапорту 1880 года благочинному В. Луканину о состоянии раскола в Екатеринбургском приходе, соборный причт особых успехов на антираскольническом поприще не имел. По реестру в приходе числилось 425 раскольников (168 душ мужского и 257 душ женского пола). В пределах прихода находилось две легальных старообрядческих часовни. Как писало соборное духовенство, случаи обращения из раскола были очень ред-

кими, особенно после того как было разрешено узаконивать раскольнические браки записями в метрические полицейские книги. В основном переходили в лоно официальной церкви те, кого брали на военную службу (так, за 1879 — 1880 годы их было всего 11 человек). Для сравнения отметим, что, по данным 1900 года, в Екатерининском приходе проживало 260 старообрядцев (116 мужского и 144 женского пола), а по статистике 1909 года — уже 367 (165 мужского и 202 женского пола) ⁸.

Неотъемлемой частью любой церкви является ее библиотека. О составе книжного собрания Екатерининского храма в XVIII веке можно судить по перечню книг, приведенному в описи имущества собора XVIII века (прил. 1). Накануне пожара 1747 года в церкви имелось 49 книг, в том числе 2 напрестольных Евангелия в дорогих окладах. Все книги были печатными, за исключением одной, красиво написанной («уставом») — Службы великомученице Екатерине. В это время в церковной библиотеке имелись только книги, необходимые для богослужения.

В XIX веке состав книжного собрания стал более разнообразным, о чем позволяют судить сохранившиеся в Государственном архиве Свердловской области 7 книг из Екатерининского собора, из которых 6 являются изданиями XVIII века. (На всех книгах имеются надписи XIX века о том, что они принадлежат «Градо-Екатеринбургскому Екатерининскому собору», а также инвентарные номера на форзацных листах. Иногда встречаются и даты, когда были сделаны эти надписи: 1830, 1860 год.)

В основном это книги поучительно-назидательной направленности. Есть два антираскольнических сочинения — «Пращица духовная» епископа Питирима (СПб.: тип. Троицкого Александро-Невского монастыря, 1721) и первое издание труда Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» (М., 1745) ⁹. Название книги связано с одним из главных центров старообрядчества — «Брынскими» лесами (так назывались Брянские леса). В своем сочинении Дмитрий использовал обширный круг источников, в том числе и устные показания о крайнем невежестве и суеверии своих идейных противников. Свидетельства, однако, подбирались с большим пристрастием.

Наверняка в библиотеке собора были и другие антираскольнические трактаты. Так, например, в 1879 году по рекомендации миссионера протоиерея Поликарпа Шишова духовное начальство распорядилось «ввиду охранения православных от раскольнических заблуждений и для успешнейшего противодействия расколу со стороны приходских священников» приобрести для церковных библиотек, в том числе и Екатерининского собора, следующую литературу: сочинение митрополита Григория «Истинно древняя и истинно православная церковь Христова», изданные Озерским выписки из старопечатных книг, сочинение инок Павла и периодическое издание «Истина».

Книги поступали в церковь разными путями. Основная часть литературы закупалась централизованно, через консисторию. Были случаи, когда книги дарились прихожанами на помин души усопших родственников. Так, например, на Киево-Печерском патерике (сборник житий киево-печерс-

ких старцев), изданном типографией Св. Синода в 1791 году, имеется запись: «Приложена умершаго маркшейдера Ласинка (?) дочерью Евдокией Ивановой июля “4” дня 1818 года»¹⁰.

К сожалению, пока не удалось найти данных о составе библиотеки Екатеринбургского собора в начале XX века. Согласно описи имущества 1920 года, в ней имелось уже 1 237 томов, но каталог книжного собрания в документе отсутствует.

Рис. 9

Титульный лист книги «Розыск»

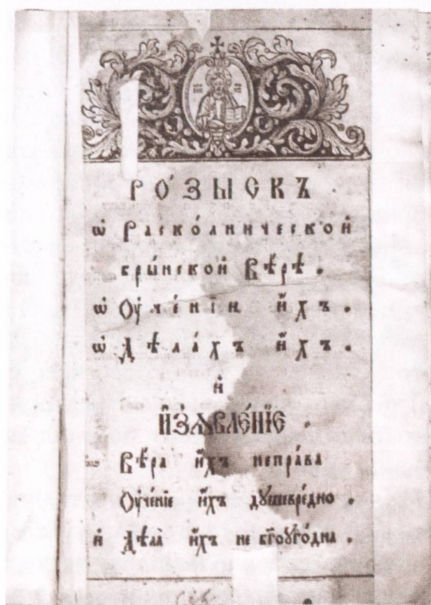
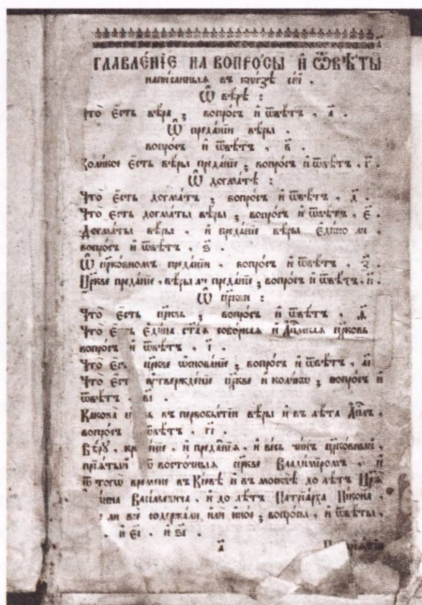

Рис. 10

Оглавление книги «Пращица»

До начала деятельности земств (70-е годы XIX века) приходские церкви были едва ли не единственными просветительскими центрами по распространению элементарных медицинских знаний. Причем так было не только в сельской местности, но и в заводских поселках и в городах. Возникавшие земские больницы многое делали для оказания медицинской помощи населению российской глубинки, но зачастую земские деятели оказывались бессильными перед консерватизмом и невежеством народа. И тогда, рассчитывая на авторитет церкви, они обращались за помощью к духовенству.

Сейчас даже трудно себе представить, что в Екатеринбурге в конце 70-х годов прошлого столетия женщины не хотели прибегать к услугам городского родильного дома, который был основан доктором Петровым в 1876 году, а затем перешел в ведение «градского общества» и уездного земства. Для заведования роддомом был приглашен доктор медицины акушер В.М.Онуфриев. За три года к его услугам обратилось крайне

малое количество женщин. Попечительский совет объяснял это незнанием о существовании родильного дома, искаженным представлением о порядках в нем и ложным предубеждением, что это заведение не соответствует нравственным правилам порядочных семейных женщин. Члены совета попросили о просветительской помощи духовенство Екатеринбургского собора, так как ему «более чем кому-либо известны нужды населения». Свое обращение они закончили словами надежды на успешность такой помощи, ведь «русское православное духовенство всегда являлось деятельным пособником благих начинаний как правительственных, так и общественных учреждений».

* * *

Не имея ни радио, ни телевизоров, почти не читая газет, российский народ в самых отдаленных уголках империи всегда был в курсе всех событий, происходивших в царствующей семье. Так уж было заведено — рождения, крещения, совершеннолетия, бракосочетания, болезни и выздоровления, кончины великих князей и княгинь отмечались молебнами в церквях.

Как правило, торжественные молебны сопровождалась коленопреклонением и колокольным звоном. Так, например, по случаю бракосочетания 19 февраля 1879 года великой княгини Анастасии Михайловны в екатеринбургских церквях колокола звонили три дня. А благодарственный молебен по случаю рождения в июне того же года великого князя Андрея Владимировича сопровождался «цельнодневным» колокольным звоном. И через шесть дней было праздничное богослужение по поводу его крещения. Причем, отслужив молебен в своей церкви, причт должен был прибыть в кафедральный собор для общего благодарственного моления на площади.

Торжественные богослужения в кафедральном соборе обязательно сопровождалась пением архиерейского хора, в котором принимали участие диаконы и псаломщики и из Екатеринбургского собора. Каждый четверг они должны были являться в Екатеринбургское епархиальное училище для спевков. К слову сказать, Екатеринбургский собор имел свой хор певчих, которым руководил регент. В 1889 году в нем пело 9 взрослых мужчин и 15 мальчиков¹¹.

Праздничными богослужениями отмечались и круглые даты в истории Русской православной церкви. Так, на 1880 год пришлось празднование 500-летия просветительской деятельности св. Стефана Великопермского. Во всех церквях Пермской губернии торжества были назначены на 26 апреля. Молебен должен был завершаться крестным ходом. Указ об этих празднованиях поступил в Екатеринбургский собор в печатном виде, но рукой благочинного В.Луканина было приписано: «Если погода будет не благоприятна для крестного хода кругом церкви, его можно и оставить». С 1880 года день памяти св. Стефана Великопермского стал ежегодно отмечаться 26 апреля в Екатеринбургском соборе и в Крестовой церкви при архиерейском доме.

Кроме этого, храмовыми праздниками в Екатеринбургском соборе были Троица, день святого Духа, перенесение мощей архидиакона Стефана (2 августа по старому стилю), дни памяти св. Симеона Верхотурского

(12 сентября), св. великомученицы Екатерины (24 ноября) (как правило, в этот день торжественный молебен в соборе служил екатеринбургский епископ), первомученика архидиакона Стефана (27 декабря)¹².

Рис. 11. Молебен, посвященный закладке нового
гостиного двора в Екатеринбурге

Одним из самых значительных соборных праздников являлся день памяти св. Симеона. Как свидетельствовали современники, в начале XX века в этот день на праздничное богослужение собиралось большое количество народа из ближних и дальних окрестных селений. Это было связано с тем, что в Екатерининском соборе хранилась часть мощей праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Они по праву считались главной святыней храма.

Этот святой был весьма почитаем на Урале. Обретение его мощей произошло в конце XVII века в селе Меркушино Верхотурского уезда. 12 сентября 1704 года они были перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь. (С тех пор день перенесения мощей св. Симеона стал отмечаться в уральских церквах праздничным богослужением в его память.) Более 100 лет монастырская братия добивалась решения Синода о канонизации святого к общероссийскому празднованию. Для освидетельствования мощей сюда приезжала одна комиссия за другой. В последний раз это произошло в 1825 году. Очевидно, в это же время в Екатерининский собор и была перенесена часть святых мощей праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Они покоились в дубовом гробу. В 1893 году екатеринбургский купец И.Ф.Чистяков* пожертвовал собору серебряную

* Знак «звездочка» (*) означает, что сведения о данном лице приведены в прил. 3.

с позолотой раку (26 × 44 см), куда и был помещен гроб. Рака была установлена в среднем храме, по левую сторону от арки, в нише рядом с иконой святого праведного Симеона.

Спустя почти 70 лет после перестройки и переименования в Екатерининском соборе Дмитриевского придела в Троицкий, духовные власти вновь задумались об увековечении памяти св. Дмитрия Ростовского. В 1878 году екатеринбургский епископ Модест совершил поездку по Верхотурскому и Шадринскому уездам, и там в церквях он часто видел «древние» иконы Дмитрия Ростовского. Таковую популярность святителя Дмитрия причт объяснял тем, что, во-первых, он некоторое время был митрополитом Тобольской епархии (правда только был назначен, но в Тобольск так и не приехал), во-вторых, он «есть ревнитель против раскола и молитвенник о процветании святой православной церкви». Модест счел эти причины весьма вескими (особенно вторую), чтобы установить почитание памяти Дмитрия Ростовского во всех уральских церквях, и предложил консистории ежегодно с 20 на 21 сентября отправлять всенощное бдение с благословением хлебов во всех церквях Екатеринбурга.

* * *

Казалось бы, в начале XIX века Екатерининская церковь имела вполне достойный вид и ни в чем не нуждалась. Как отмечено в ведомости 1806 года, она была снабжена «утварью — серебряными чашами и 3 дискосами и все золоченые, 6 Евангелиями и 6 крестами серебряными, книгами, ризами, подсвечниками, кадилами, лампадами; иконостав в большой Екатерининской церкви резной работы весь вызолочен, в приделах так же иконоставы резной работы вызолоченные и по местам крашенные приличною краскою, образа живописи хорошей и непопавшей, разных образов (т.е. икон в ризах. — *Авт.*) кроме святых великомученицы Екатерины не имеется, колоколов всего 8, в них весу 496 пуд 33 фунта с половиной»¹³.

В конце сентября 1805 года церковным старостой был избран мещанин Петр Михайлович Честных, остававшийся на этой должности до июня 1816 года, а в 1830-е годы он вновь стал старостой. При нем значительно увеличились церковные доходы — эта сумма составляла 20 107 рублей. Только продажа свеч принесла с 1809 по 1815 годы 7 259 рублей прибыли! «Старанием и прилежностью» П.М. Честных изменились внешний облик и внутреннее убранство собора: на это было потрачено 3500 рублей.

В главном храме весь иконостас был позолочен червонным золотом, поновлена живопись. В Иоанно-Богословском и Стефановском приделах вместо ветхих иконостасов были поставлены новые, вызолоченные «под один фасад». В этих иконостасах иконы были выполнены на железных досках «лучшим образом». Были поправлены лампады, а из придельных алтарей «сделаны хождением проходы» в главный храм. (Правда, не совсем ясно, о каких проходах идет речь, так как на плане А.Кичигина XVIII века уже были обозначены литерой «О» такие двери в придельных алтарях. Возможно, тогда они не были сделаны.) Во всем соборе в окнах были вставлены стекла более высокого качества, а полы выстланы

чугунными плитами. (В приделе святого архидиакона Стефана во время настила такого пола был сдвинут престол, поэтому в 1816 году его пришлось вновь освящать пермскому епископу.) Внутренние поверхности стен были оштукатурены, а крыша покрыта новым железом и выкрашена «приличною краскою». Два расколотых колокола были перелиты с добавлением пуда меди. Заготовили материалы и для строительства новых крылец и «круг них калиток».

Но самые большие изменения коснулись холодного и маловместительного подколокольного придела во имя святого Дмитрия Ростовского. В июне 1809 года духовенство обратилось в духовное правление, а то, в свою очередь, к преосвященному Иустину, за разрешением расширить этот придел за счет надстройки над теплой церковью и переименовать его во имя Всех Святых. Заодно предполагалось заменить ветхие перила при входе в колокольню и в этот придел. На прошении пермский архиепископ поставил резолюцию: «Просителей удовлетворить, ежели согласны и все прихожане».

Прихожане принимали решение обдуманно и взвешенно. Главное было выяснить, насколько эти переделки коснутся остальных помещений собора. И только определив, что придел «может быть поправлен без всякого вреда и церкви и колокольни ... и распространение над церковию имеет быть на центре тех же самых фундаментальных столбах ... на которых основаны глухие своды теплой церкви», прихожане дали свое согласие, оформив его коллективным «приговором» в апреле 1810 года. Только после этого Пермская консистория указом от 15 июня 1810 года разрешила приступить к строительству и переименовать придел.

По получении этого распоряжения были проведены все необходимые работы, но освящение придела состоялось лишь спустя много лет. В 1833 году Екатеринбург посетил пермский епископ Аркадий. Он осмотрел Дмитриевский придел и переименовал его, но во имя Святой Живоначальной Троицы. Причт и прихожане согласились с преосвященным и приступили к благоустройству придела. Он был освящен в июне 1834 года первым екатеринбургским епископом Евлампием¹⁴.

В конце 40-х годов XIX века была предпринята еще одна перестройка внутри собора. Дело в том, что, согласно проекту, главный храм был отделен от трапезной стеной, в которой были сделаны трое «церковных врат» (на чертеже А.Кичигина они обозначены литерой «N»). В 1848 году причт и прихожане решили расширить пространство главного храма за счет его соединения с теплой церковью тремя проходами — арками. Очевидно, они были сделаны на месте «церковных врат». Но слияния храмов не получилось, так как арки оказались узкими и низкими. Эта цель была достигнута только в 1896 году, когда вместо трех арок была сделана одна большая¹⁵.

В XIX веке духовенству и прихожанам Екатеринбургского собора уже вряд ли приходилось рассчитывать на крупное финансовое участие горного начальства в благоустройстве храма. Хотя 1830 — 50-е годы называют «золотым веком» Екатеринбурга, горнозаводские предприятия, определяв-

шие экономическое лицо города, переживали не лучшие времена. Особенно тяжело казенная промышленность перенесла отмену крепостного права в 1861 году. Поэтому дальнейшее благосостояние собора зависело, в первую очередь, от «доброхотных дателей», купечества, имевшего значительные капиталы. Прихожане Екатерининского собора это прекрасно понимали и предпочитали выбирать в старосты людей состоятельных и равнодушных к судьбе храма. К середине XIX века изменился и состав прихожан Екатерининского собора: среди них появились довольно состоятельные люди, разбогатевшие на уральском и сибирском золоте.

13 ноября 1849 года церковным старостой был избран купец Федор Алексеевич Михайлов*, остававшийся на этой должности до 1864 года¹⁶. 1 апреля 1853 года он письменно сообщил соборному причту, что имеет «усердие обновить Екатерининский храм перезолочением всего иконостаса, поправкою икон, стенным всего храма живописанием, окладкою икон царских врат и иконы св. Великомученицы Екатерины серебрянными под золотом ризами, и на все это жертвует десять тысяч руб. серебром»¹⁷.

В апреле 1879 года екатеринбургскому епископу Вениамину был направлен рапорт от духовенства Екатерининского собора и церковного старосты екатеринбургского купца Александра Алексеевича Волкова*. В документе говорилось, что он в наступающее лето собственными средствами желает произвести в соборе ряд необходимых исправлений: планировалось переделать три повредившиеся изразцовые печи, почистить потемневший от времени позолоченный иконостас в главном храме, а потемневшие стены этого помещения снова «окрасить на масле». (В таком случае остается не ясным, состоялась ли роспись стен собора, задуманная Ф. Михайловым; если да, то каким образом собирались красить стены в 1879 году — сохраняя живопись или закрашивая ее?) А. Волков хотел также покрасить крыши собора «малахитовой» краской, весь храм снаружи выбелить известью, а «в открытые с западной стороны крыльца для защиты в летнее время от дождя, а в зимнее от снега сделать приличные со стеклами рамы». Трудно сказать, когда произошло существенное изменение облика фасада собора. С северной, западной и южной стороны были возведены в духе классицизма порталы с фронтонами и колоннами. Очевидно, А. Волков как раз планировал вставить рамы в пространства между колоннами главного западного входа и застеклить их.

Видимо, в то же время, когда был перестроен вход на западном фасаде, было решено пристроить дополнительные двусветные объемы — паплатки — по северному и южному углам паперти в один уровень с фронтонами крылец и по высоте трапезной. Таким образом и возник тот облик собора, который мы видим на фотографиях конца XIX — начала XX веков. (Нужно сказать, что подобное «усовершенствование» культовых построек было характерно для России XIX века¹⁸.) Эти нововведения, возможно, и отвечали эстетическим воззрениям своего времени, решали какие-то практические проблемы дополнительных помещений при храме, однако они нарушили изящность постройки XVIII века, сделали собор тяжеловесным и громоздким: в конце XIX — начале XX веков он по

размерам занимаемой площади был третьим в городе после Вознесенского и Кафедрального Богоявленского соборов. В длину он был 26 сажень (около 55 метров), в ширину в главном храме — 7 сажень (около 15 метров) и в приделах — 12 сажень (около 25,5 метра).

Но вернемся к событиям 1879 года. На все свои замыслы А.Волков планировал израсходовать 1000 рублей. После получения разрешения от екатеринбургского епископа за год в соборе были проведены все планировавшиеся обновления. В итоге А.Волков потратил 2800 рублей из собственных сбережений. В марте 1881 года ему было «приподано благословение святого Стефана с грамотою за заслуги по духовному ведомству»¹⁹.

Последняя перестройка собора совершилась благодаря стараниям церковного старосты Алексея Александровича Дрозжилова*. На его же

Рис. 12. Екатерининский собор. Вид с западной стороны

средства была построена каменная ограда с чугунной решеткой стоимостью 3000 рублей²⁰.

Впечатляла величественность внутреннего убранства Екатерининского собора. Иконостас главного храма был девятиярусным, вызолоченным на полимент. 6 икон второго яруса (праздничный чин) были оформлены в серебряные с позолотой ризы. В боковых приделах были установлены четырехъярусные позолоченные иконостасы. В иконостасе Иоанно-Богословского придела иконы были выполнены на металлических листах, 5 икон праздничного чина украшены серебряными окладами. Во втором ярусе иконостаса Стефановского придела также было 4 иконы в серебряных ризах. В верхнем Свято-Троицком храме иконостас был устроен в виде полукруга и имел два яруса. Он был окрашен в красный цвет, а

колонны и резьба вызолочены. Как и в остальных иконостасах, иконы здесь были «живописной работы».

Гордостью собора была богатая церковная утварь, которую, несомненно, он смог приобрести благодаря своим прихожанам, «доброхотным дателям». На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке, проходившей в Екатеринбурге в 1887 году, Екатерининский собор демонстрировал в художественном отделе предметы из уральских самоцветов: напрестольный крест, украшенный аметистами и топазами, потир, дискос и звездицу из белого топаза, топазовый же пасхальный крест, запрестольную горку из уральских и сибирских камней с изображением Воскресения Христова, а также Евангелие в яшмовом окладе с изображениями четырех евангелистов на топазах. Особое место в этой экспозиции занимали дары императрицы Екатерины I, присланные в 1726 году для только что построенной Екатерининской церкви ²¹.

Согласно документам первой четверти XVIII века, эти подарки выглядели следующим образом: «Риза (фелонь) штофная, по пунцовой земле белая травы, обложена золотным позументом широким кругом самага ворота, оплечья, крест и звезда, тако ж и подольчик, а поборт подольника обшиты красною ленточкою; а подложена красной китайкою», «Евангелие на александрийской бумаге в переплете, по обрезау золотом, оклеено зеленым бархатом, цена 8 рублей 1 алтын 4 деньги (т.е. 8 рублей 5 копеек. — *Авт.*) ... серебряный крест весом фунт 38 золотников, цена 20 рублей 3 алтына 2 деньги (т.е. 20 рублей 10 копеек. — *Авт.*)» ²².

Рис. 13. Плащаница

Рис. 14. Покров

О богатстве внутреннего убранства церкви позволяет судить опись имущества Екатерининского собора 1920 года (прил. 2). Только напрестольных Евангелий в дорогих окладах имелось 13 штук! К сожалению, в этом документе даны лишь скудные описания покровов, воздухов, пелен. Отмечается только — «покров бархатный малиновый, 3 на 2 аршина (т.е. 2,1

на 1,4 м. — *Авт.*)» или «воздухов бархатных 18 штук». По церковной традиции эти предметы украшались вышивками с изображением крестов, положения Христа во гроб и прочих евангельских сюжетов. В Екатеринбурге признанными мастерицами-вышивальщицами были монахини Ново-Тихвинского монастыря. За свои изделия они получили награду Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. Наверняка, продукция ново-тихвинских мастерских имела и в Екатеринбургском соборе.

* * *

Либеральные реформы 60-х годов XIX века привели к оживлению общественной жизни в России. Всем хотелось перемен к лучшему, в том числе и в духовном плане. Возрос интерес общественности к делам веры и церкви. Шел поиск организационных форм более активного участия прихожан в религиозной жизни той или иной деревни, поселка, города.

В 1864 году высочайшим указом были утверждены Правила для учреждения православных церковных братств и Положение о церковных попечительствах. Братства существовали в России еще в начале XVIII века, но затем они постепенно пришли в упадок. С 1864 года, по сути дела, началось возрождение уже известной формы участия прихожан в церковных делах. К 1880 году в России насчитывалось 63 братства. Церковно-приходские попечительства обычно возникали в рамках отдельного прихода как органы общественного попечительства и благотворительности. В 1868 году их насчитывалось по России более 5 000, а к 1880 году — 11 800²³.

В Екатеринбурге по инициативе епископа Нафанаила сразу же с образованием самостоятельной Екатеринбургской епархии в 1886 году было учреждено православное Братство святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Целями этого общества были: поддержка церковно-приходских школ, устройство внебогослужебных беседований, снабжение книгами библиотек тех церквей, где существовал раскол. В братство могли вступать совершеннолетние православные граждане любой сословной принадлежности обоего пола, при этом членство предполагало ежегодный взнос. Участники делились на три группы — почетные члены, действительные (ежегодно вносят не менее 3 рублей) и члены-соревнователи (заявившие о желании вступить в братство и сделать какой-либо добровольный взнос).

В Уставе братства отдельной строкой было записано: «Желательно, чтобы все состоящие на службе священнослужители как преемники Апостольского служения были членами братства»²⁴. Это общество успешно просуществовало до установления советской власти. Не только духовенство Екатеринбургского собора принимало активное участие в его деятельности, но и прихожане. Так, в 1910 году староста собора купец Е.В.Савинов и староста Симеоновской церкви-школы П.Н.Лазарев были членами совета братства. В Екатеринбургском соборе братство периодически проводило беседования со старообрядцами «австрийского согласия»²⁵.

В 1880-е годы на уральских заводах стали возникать церковно-приходские попечительства. Одними из первых такие общественные органи-

зации появились в Полевском, Сысертских и Северских заводах благодаря, в первую очередь, поддержке заводских управляющих²⁶.

В 1894 году было создано Екатерининское церковно-приходское попечительство. Его председателем был протоиерей Екатерининского собора Михаил Некрасов. Главной задачей этого попечительства являлась поддержка развития школьного образования. Его первым шагом в этом направлении стало назначение ежегодного пособия для увеличения жалования учителям. Так, в мужской школе две учительницы получили по 60 рублей.

Церковно-приходская мужская школа была открыта в приходе Екатерининского собора в 1887 году. Сначала она помещалась в сторожке при церкви. Однако количество учащихся увеличивалось, и это помещение уже становилось непригодным. Когда у церковно-приходской школы остро встал проблема с помещением, попечительство обратилось в Городскую думу с ходатайством предоставить в его распоряжение на нужды школы свободное казенное здание недалеко от собора. Дума пошла навстречу, и в октябре 1896 года такое здание было выделено в безвозмездное пользование на 12 лет. Покровитель Екатерининского собора золотопромышленник А.А.Дрозжилов на свои средства отремонтировал его, сделал каменный пристрой. Это позволило увеличить количество учащихся с 30 до 60 человек.

Женская школа начала работать в приходе в 1894 году. Она была открыта по инициативе Марии Ивановны Шабалиной* и Марии Михайловны Дмитриевой*. Они происходили из довольно состоятельных екатеринбургских семей, но решили посвятить себя просвещению детей бедного городского населения. Большую поддержку в открытии школы им оказал протоиерей М.Некрасов. Попечительство стало выделять ежемесячно по 10 рублей на найм квартиры для школы. В этом учебном заведении девочки должны были научиться грамоте, Закону Божию и какому-нибудь рукоделию, чтобы после его окончания зарабатывать себе на жизнь. В первый год в ней было 16 учениц, на следующий — 28, а в 1896/97 учебном году уже обучалось 45 девочек. Имевшееся помещение становилось тесным. По просьбе учительниц попечительство увеличило в два раза сумму, выделявшуюся на аренду квартиры. В следующем учебном году попечительство смогло найти более просторное помещение для этой школы, что позволило увеличить количество учащихся до 65 человек.

Тем временем росло число мальчиков в церковно-приходской школе — необходимо было срочно расширять здание. Заведующий школой настоятель Екатерининского собора протоиерей Николай Диомидовский обратился за помощью к попечительству, которое сразу же согласилось приобрести необходимое количество парт. С расширением здания дело обострялось. Члену попечительства К.Г.Москвичу* было поручено обратиться к епархиальному архитектору Ю.О.Дютелю с просьбой о составлении сметы по перестройке здания, а также переговорить с поставщиком строительного материала Углицким, не согласится ли он поставить стройматериалы с рассрочкой платежа.

..... Жзъясненіе:

[illegible]

Сію книгу благославляю сину моему
1789 году августа 18
Протопоп Лев Карпин

ИМПЕРАТОРНИКА

ОТЪАВНТАХ

ОБЩЕХЪ, ЯЖЕ ВЪ СЛУЖЕНІИ

И ДѢИТЕЛН СТЫХЪ ТѢЛНЪ,

Общи храними быти имѣтъ.

Нонеже въ Црквѣ Бжїей нмѣтъ же стѣн-
ше, и полеченіе, нмѣтъ же выгнѣніе или
бжтвеннѣе етъ, пѣте тѣлн, въ спїеюда
тѣлн каго ш Хртѣ Гдѣ и҃стѣлнхъ: О҃бренннхъ
Парохїалнхъ, или нмѣтъ же служеніе или дѣи-
телнхъ прилѣжантѣ, въ первыхъ вѣгда памѣтѣлѣати дѣи-
етѣ, и҃ко ш сщ҃енна дѣи-етѣ; и і҃ко вѣгда вѣмѣждѣ
временномъ тѣсѣ къ служенію и҃нцѣлѣ ш сщ҃енно дѣи-етѣ,
готова сѣбѣ прѣстѣлѣати долѣжнѣ етъ. О҃гѣ и҃ко рѣдн
шпѣлн дѣи-етѣ ш дѣи-етѣ, и҃тѣ же, трѣбннхъ,
и҃ко о҃бреннхъ пожити: и҃ко нѣще тѣлнхъ ш нѣи-етѣхъ

х

Лист из «Требника» Петра Могилы

Изд. в тип. Киево-Печерской Лавры, 1646.

Вверху — дарственная надпись: «Сию книгу благославляю сыну моему прото[иерею] Федору Лвовичу 1789 году августа [1]8 [дня] протопоп Лев Карпин[ский]» (запись обрезана при реставрации)

Покров «Несение креста на Голгофу»

Начало XX в. Золотное и серебряное шитье по малиновому бархату.
Мастерские Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря

Малая плащаница «Положение во Гроб Господень»

Начало XX в. Золотное и серебряное шитье по малиновому бархату.
Мастерские Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря

Крест напрестольный из хрусталя в серебряной оправе
с накладными живописными медальонами 1854 г.
Предположительно из Екатерининского собора

Дискос и потир из хрусталя (?)

XIX в. Екатеринбургская гранильная фабрика (?)
Предположительно из Екатерининского собора

Великомученица Екатерина

Икона начала XX в. На обороте надпись:
«Сия Св[ятая] Икона пожертвована в память 200 летия Градо-
Екатерининскому Собору от Церковно-религиозной Общины Совета
и Сестричества 1/14 Октяб[ря] 1923 г.»

Часовня Во Имя Св.Великомученицы Екатерины,
возведенная в 1997 г. на месте Екатерининского собора
Екатеринбургским общественным благотворительным фондом
«Институт истории и археологии»

«Святая Екатерина»

Рисунки участников культурного проекта «Мой город»
1998 г.

Из фондов Уральского Музея Молодежи

На строительство нужны были немалые средства, и попечительство активно взялось их собирать. 29 июня 1898 года в Харитоновском саду был устроен благотворительный базар, на котором было собрано 600 рублей. Но средств все равно было недостаточно, чтобы начать перестройку здания. Пришлось отложить строительные работы до следующего лета.

Вообще попечительство изыскивало самые разнообразные формы сбора денег. В 1898 году перед Великим постом было решено дать духовный концерт, а его подготовку поручили руководителю хора певчих священнику Петру Дьяконову. Среди членов попечительства была установлена очередь по обхождению Екатеринбургского собора с кружкой во время богослужений. Но члены попечительства не всегда выполняли эту обязанность, поэтому все в том же 1898 году В.Е.Пузанову было поручено наблюдать за кружечными сборами и заступать на место отсутствующих сборщиков.

А пока попечительство нашло выход из положения, арендовав помещение в доме Черепановой на Соборной улице, куда было переведено старшее отделение школы. Аренда обходилась попечительству довольно дорого — по 24 рубля в месяц.

Когда школу таким образом разделили, двух учительниц явно стало недостаточно. Попечительству пришлось изыскивать средства на жалованье второй помощницы учительницы. Вскоре появилась возможность перевести в отдельное помещение третье отделение школы. Это позволило принять в первое отделение 30 мальчиков, хотя желавших было гораздо больше (42 человека). Всего 1898/99 учебный год в Екатеринбургской церковно-приходской школе начали 86 учеников.

Школьное руководство не осталось равнодушным к судьбе не принятых в школу детей и сообщило о них председателю попечительства Илье Федоровичу Чистякову*. В городе было гораздо больше желавших получить начальное образование, чем могли вместить имевшиеся школы, и И.Ф.Чистяков с присущей ему энергией взялся за решение этой проблемы. Посоветовавшись с некоторыми членами попечительства, он решил открыть новые школы в Екатеринбургском приходе. Илья Федорович организовал подписку среди членов попечительства и своих знакомых, которая стала давать до 50 рублей ежемесячных пожертвований. Затем он занялся поиском подходящих помещений. На Кузнечной улице, на восточной окраине города, было найдено здание (дом Косяковой) для смешанной школы. (Позже решение было изменено, и школа открылась на Главном проспекте в доме Калугиной.) На углу Сенной и Ночлежной площадей, в юго-восточной части Екатеринбурга, нашлось помещение (дом Хлызова) для второй школы, создававшейся для обучения девочек. Стараниями И.Ф.Чистякова были отремонтированы здания, приобретены иконы, необходимая мебель и школьный инвентарь.

После этого председатель попечительства обратился в Епархиальный училищный совет за разрешением открыть эти школы (И.Ф.Чистяков предлагал назвать смешанную школу Ильинской в честь пророка Ильи, а женскую — Симеоновской в честь праведного Симеона чудотворца Вертурского), пообещав, что они будут содержаться на взносы членов по-

печительства и других лиц, «известных своею отзывчивостью на доброе дело». Это были немалые расходы: нужно было нанять в каждую школу учителя или учительницу с годовым окладом 240 рублей, оплачивать найм помещений с отоплением и сторожами. Но попечительство считало, что это ему под силу.

Училищный совет поддержал эти начинания и определил в новые школы штат. Ильинскую школу возглавил недавно назначенный священником Екатерининского собора преподаватель Епархиального училища А.В.Попов, законоучителем стал преподаватель того же училища И.Розанов, а учительницей — выпускница гимназии А.Д.Павлинова. В женскую Симеоновскую школу заведующим назначили священника Екатерининского собора П.Дьяконова, учительницей — М.И.Топоркову, окончившую Епархиальное училище. И.Ф.Чистяков был утвержден попечителем Ильинской школы. В Екатерининской школе учительствовали З.И.Турьшева, Н.Н.Диомидовская и Е.Н.Словцова.

Оставалось укомплектовать школы учащимися. Члены попечительства разделили Екатерининский приход на участки и в один из праздничных дней обошли все дома и квартиры, переписав необучавшихся детей школьного возраста. Членам попечительства Д.А.Мягких, В.Е.Буракову, В.Е.Пузанову и К.Г.Москвичу было поручено распределить детей между открывавшимися школами. Так, в смешанную было записано 45 мальчиков и 7 девочек, а в женскую — 40 девочек. 1 октября 1898 года школы были открыты. Создание этих учебных заведений позволило получать начальное образование в первую очередь детям городских окраин. Всего в 1898 году в начальных школах Екатерининского прихода обучалось 247 человек²⁷.

По подсчетам попечительства, годовой расход на содержание школ должен был составить 2 016 рублей. Эта сумма частично покрывалась ежемесячными добровольными взносами и единовременными пожертвованиями некоторых прихожан (в 1898 году — около 85 рублей). И.Ф.Чистяков взял на себя содержание Ильинской школы (456 рублей в год), чем оказал большую помощь попечительству.

Необходимо было изыскивать дополнительные источники финансирования. Так как в этих школах обучались дети екатеринбургских мещан, член попечительства А.М.Злоказов* предложил обратиться в Екатеринбургскую мещанскую управу об ассигновании пособия попечительству для поддержки школ. Уездная земская управа выделила попечительству 100 рублей для этих целей.

В начале XX века Екатерининская мужская, Ильинская смешанная и Симеоновская женская церковно-приходские школы продолжали успешно работать. По данным 1908 года, в них обучалось 174 человека. Симеоновская была преобразована в церковь-школу, но она по-прежнему находилась в ведении Екатерининского собора. Кроме этого, на территории прихода действовало 3 городских училища и 4 министерских²⁸.

Помимо народного образования, еще одной заботой попечительства была материальная поддержка приходского духовенства. Был создан спе-

циальный фонд по устройству домов для причта Екатеринбургского собора. В 1898 году сбор средств для этих целей был поручен К.Г.Москвичу.

Большое внимание попечительство уделяло помощи беднейшему населению прихода. В первый день после Пасхи для бедных устраивался обед и раздача пожертвований. Так, в 1898 году в такой трапезе участвовало 78 человек. Члены попечительства А.В.Фролов*, Д.А.Мягих, К.Г.Москвич и В.Е.Пузанов разделили между участниками обеда все пожертвованное, а также вещи и продукты, оставшиеся после благотворительного базара. На устройство обеда прихожане дали продукты и деньгами 24 рубля.

Благотворительные средства поступали также через редакцию газеты «Урал».

Нужно отметить, что деньги собирались не в целом на благотворительность, а адресно, для конкретной цели, например для проведения богослужений в ночлежном приюте или организации рождественской елки для учащихся приходских школ.

Попечительство назначало стипендии бедным воспитанникам городских училищ, брало на себя расходы на похороны бедных прихожан и помогало их семьям. Попечительство стремилось поддержать как можно большее количество приходской бедноты. С этой целью приход был разделен между членами попечительства. Человек, отвечавший за определенный участок прихода, назывался попечителем. Он должен был сообщать в попечительство о бедных, проживавших на его территории. На основании этих сообщений попечительство оказывало соответствующую помощь: как правило, это были денежные пособия нуждавшимся жителям Екатеринбургского прихода независимо от их звания, причем как единовременные, так и ежемесячные. Обычно ежемесячные пособия составляли от 1 до 5 рублей и зависели от состава семьи. На получение постоянных пособий от попечительства выдавались книжки (получавшие эту помощь назывались пенсионерами). К началу 1899 года пенсионеров было 45 семейств (131 человек): попечительство выплачивало им ежемесячно в общей сумме 90 рублей 50 копеек. На эти цели собирались по подписным листам членские взносы и частные пожертвования. Во время праздничных богослужений в церкви члены попечительства обходили прихожан с кружкой, специально учрежденной для сбора помощи бедным. Такие же кружки были установлены в дверях храма, в некоторых учреждениях, в частных конторах и магазинах ²⁹.

Пожалуй, к вопросу о «загадочной русской душе» можно отнести такой феномен, как небывалый всплеск религиозной активности среди православных женщин в конце XIX — начале XX веков. В этот период повсюду в России стало возникать большое количество женских общин, организовывавших богадельни, приюты, школы. Многие из этих общин добивались статуса монастыря. Только в Екатеринбургской епархии в 1909 году насчитывалось 10 женских обителей и всего 3 мужских.

Возросла роль женщин и в приходской жизни. Сначала состав Екатеринбургского церковно-приходского попечительства был исключительно

мужским. Но в 1898 году оно обратилось к епархиальному начальству с просьбой разрешить принимать «в его среду в качестве членов особ женского пола». Был сделан специальный запрос в Синод. На это последовало разъяснение, «что к избранию отличающихся благочестием и преданностью вере православной женщин в состав церковно-приходских Попечительств в качестве членов с правом голоса препятствий со стороны Синода не встречается».

В начале XX века женщины стали создавать свои приходские общественные организации, получившие названия «сестрические братства» или «сестричества». Так, например, в 1910 году при Петро-Павловской церкви Черноисточинского завода возникло Крестовоздвиженское сестрическое братство. Подобная организация была создана и в Екатерининском приходе. К сожалению, нам удалось найти только одно упоминание о ней — это надпись на иконе святой Екатерины, подаренной Екатерининскому собору 1 (14) октября 1923 года по случаю 200-летия храма. Дар был сделан от церковно-религиозной общины, совета (т.е. руководства общины) и сестричества³⁰ (т.е. Екатерининское сестричество продолжало существовать и в первые годы советской власти). Видимо, по своим функциям оно частично заменило попечительство, переставшее действовать с началом гражданской войны.

Как у братств и попечительств, так и у женских религиозных организаций были типовые уставы. Поэтому, чтобы получить представление о круге деятельности Екатерининского сестричества, можно обратиться к уставу Крестовоздвиженского сестрического братства. Такие организации объединяли благочестивых женщин не моложе 18 лет. Их целями было поддержание чистоты и благолепия своего приходского храма, помощь бедным, погребение безродных неимущих и «доброе влияние на приход путем личного примера, слова и бесплатного распространения в народе листов и брошюр религиозно-нравственного содержания». Как правило, сестричествами руководили приходские священники³¹.

Таким образом, храм не только был центром духовной жизни прихожан, но и являлся важным организационным началом в обществе. Ни то ни другое не могло прийти по вкусу новой власти, претендовавшей на абсолютную монополию во всех сферах жизни человека.

В жерновах СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Русская православная церковь встретила двадцатый век осознанием необходимости внутренних реформ. Преобладание в управлении церковью административных методов над духовными, отсутствие обратной связи с приходами усиливали разобщенность между епископатом и белым духовенством, в среде которого проявились различные общественно-политические течения. Изменения в церковной жизни наметились после свержения самодержавия. Поместный собор 1917 — 1918 годов восстановил патриаршество, отмененное Петром I, задумал преобразования в приходах и епархиях, положил конец жесткому контролю государства за церковью.

После Октябрьского переворота Русская православная церковь стремилась к нейтралитету, рассчитывая на компромисс при условии предоставления церкви свободы и возможности идейно-нравственного влияния на народ. Но правящая партия большевиков, поставив перед собой цель освободить человека от религии, сразу же записала церковь в противники и занялась искоренением религиозной идеологии из общественного сознания, разрушением церкви как целостной структуры и ее связи с государством. Первоначально в планах большевиков церковь подлежала ликвидации вместе со всем «отжившим миром». Декреты советской власти ограничивали влияние церкви, подрывали ее экономические и политические основы, лишали духовенство прав юридического лица и политических прав.

Положения первых законодательных актов советской власти в отношении церкви были обобщены и закреплены декретом Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятым 23 января 1918 года. Этим документом провозглашалась национализация церковного имущества, лишение религиозных организаций права юридического лица, владения собственностью и права на ее приобретение. Согласно декрету, допускалось лишь существование групп верующих, которым предоставлялось право «на отправление культа», заключение договора с властями о найме помещения для богослужения и приглашение священнослужителей для отправления религиозных треб. По существу, декрет был

нацелен на уничтожение церкви как иерархической организации и на ликвидацию духовенства как сословия¹.

Несмотря на все принятые в первые годы после революции меры, религия не отмирала. Эфемерные планы ликвидировать религиозность и церковь одним махом не удалось. Поэтому на местах власти приступили к заключению договоров с религиозными общинами. Был отпечатан типографским способом типовой договор и определен круг документов, необходимых для регистрации общины.

3 сентября 1920 года такой договор был подписан представителем екатеринбургского горсовета с общиной прихожан Екатерининского собора о передаче ей храма в бессрочное и бесплатное пользование². Община брала обязательства беречь имущество, использовать собор только для удовлетворения религиозных потребностей, не использовать его в целях, враждебных советской власти, производить оплату всех текущих расходов на содержание храма из своих средств. От имени общины договор был подписан ее председателем Копыловым, членами общинного совета и священником. Всего под документом стояло 122 подписи прихожан.

К договору прилагалась опись церковного имущества (см. прил. 2), устав общины (или православного религиозного общества) и список ее членов. В уставе оговаривались границы Екатерининского прихода: по Сибирскому пр. (ул. Куйбышева) до ул. Красноармейской, по ул. Красноармейской до ул. Энгельса, по ул. Энгельса до ул. Васенцовской (ул. Луначарского), по ул. Васенцовской до ул. Малышева, по ул. Малышева до ул. 2-й Восточной (ул. Восточная), по ул. 2-й Восточной до пр. Ленина, по пр. Ленина до р. Исеть, по левой стороне р. Исети до Сибирского пр. Согласно уставу, община имела следующие права: устраивать молитвенные собрания; управлять имуществом, полученным по договору; заключать сделки частного-правового характера, связанные с управлением культовым имуществом; участвовать в съездах религиозных обществ; назначать служителей культа для совершения религиозных обрядов. Уставом отвергались обязательные членские взносы: община должна была покрывать расходы на содержание храма за счет добровольных пожертвований.

Список членов общины заполнялся по строго определенной форме со множеством граф: ФИО, местожительство, социальное положение, общественное и служебное положение до и после 1917 года, принадлежность к тому или иному сословию до революции, имущественное положение, время присоединения к данному религиозному культу. Таким образом, каждый верующий брался на персональный учет. Всего в список было внесено 153 человека.

В 1922 году РКП(б) возобновила курс на разгром церкви. Начало этому было положено Декретом ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 года. Декрет ознаменовал собой отход от линии возможного компромисса церкви и власти, открыл беспрецедентную по размаху кампанию по изъятию церковных ценностей. Проведение кампании было приурочено к голоду, охватившему Россию в 1921 году. Церковное руководство и лично патриарх Тихон предприняли ряд попыток найти

варианты союза с государством в деле совместной борьбы с голодом, но эти шаги были отвергнуты советской властью. Большевикам нужна была не церковь-союзник, а церковь-противник. Играя на народном бедствии, можно было обвинить церковь в укрывательстве средств, способных спасти тысячи жизней, вызвать злобу в массах по отношению к церкви и подвести их к мысли о необходимости экспроприации ее ценностей на народные нужды.

Вслед за выходом декрета разворачивалась мощная агитационная кампания. Директива ЦК РКП(б) во все губкомы от 23 февраля 1922 года определяла ее главную задачу: довести наметившееся движение значительной рабочей и крестьянской массы в поддержку изъятия церковных ценностей до общенародного, «чтобы не было в первую очередь ни одной фабрики, ни одного завода, не принявших решения по этому вопросу».

В марте 1922 года кампания по изъятию церковных ценностей развернулась во всех губерниях России, но почти повсеместно она сопровождалась вспышками антиправительственных выступлений. Бурлили центральные губернии, отчаянно сопротивлялись обе столицы. Враждебно встретило эту кампанию и урало-сибирское крестьянство. В результате упорного противодействия со стороны населения изъятие в некоторых волостях было сорвано. На Урале за сопротивление изъятию было арестовано и осуждено несколько десятков священников, в том числе и екатеринбургский архиепископ Григорий (Яцковский). Он был приговорен к 3 годам лишения свободы.

3 мая 1922 года М.И.Калининым были даны директивы губисполкомам об ужесточении кампании. Запрещалось освобождать храмы от изъятия, исключения допускались только в каждом отдельном случае по специальному решению ЦК Помгол (Центральная Комиссия помощи голодающим при ВЦИК). Требовалось проверять, чтобы не утаивались в церквях дешевые предметы богослужения, и заменять ими драгоценные. Предписывалось оставлять не более двух комплектов утвари для богослужения³.

Согласно правительственным постановлениям, все ценности церквей и монастырей распределялись на три группы: материальные ценности, передаваемые в Гохран; имущество обиходного характера; вещи, имеющие историко-художественное значение и подлежащие ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата Просвещения (Главмузей).

Как и в других губернских центрах, в Екатеринбурге была создана губернская комиссия по изъятию церковных ценностей, которая организовывала временные комиссии в конкретном храме. Так, в Екатерининском соборе работала комиссия под председательством Б.Дидковского. 4 мая 1922 года она завершила свою деятельность. На следующий день в докладной записке Б.Дидковский отметил «вполне благожелательное отношение и фактическую помощь во время работы настоятеля церкви протоиерея И.Н.Уфимцева и представителей церковного общинного совета». Далее председатель писал: «Претензии настоятеля церкви в конце концов

оказались настолько скромными, что именно поэтому они и были нами удовлетворены почти полностью (первые заявки были невыполнимо велики)». И.Н.Уфимцев настолько вошел в доверие к властям, что Б.Дидковский рекомендовал губернской комиссии поручить кому-нибудь вместе с протоиереем изъять ценности из церкви Михайловского кладбища.

По сообщению Б.Дидковского, изъятие из Екатерининского собора было произведено настолько полно, «что оставлено не более 8-10 фунтов (около 3,3-4 кг) серебра и требовалась замена оставленных предметов другими одноименными». Губфинотдел получил из Екатерининского собора «13 изумрудов, 10 розовых шерлов, 23 тяжеловеса и аквамарина, более 120 аметистов, более 100 ободков и коронок (очевидно, речь идет о деталях серебряных окладов с икон. — Авт.), украшенных топазами, горным хрусталем и другими камнями». Всего было изъято серебра и самоцветов 10 пудов 14 фунтов 50 золотников 72 доли (около 170 кг) ⁴. Хотя экспроприация церковных драгоценностей в Екатерининском соборе про-

шла относительно спокойно, прихожане не забудут этой акции протоиерею И.Н.Уфимцеву.

10 мая 1922 года президенту УОЛЕ профессору М.О.Клеру было передано несколько вещей из храма для церковно-исторического отдела музея. Это были потир, звездица и дискос, панagia архиерейская из яшмы без цепочки и одного камня, 2 доски яшмовых от Евангелия (это был оригинальный переплет вместо традиционного — деревянных досок, обтянутых кожей или бархатом), иконка медная, «старинная с эмалью 2,5 на 2,25 вершка» (11 x 9,9 см), крест каменный сломанный, поясок медный художественный с двумя шерлами и сеткой, 5 серебряных предметов с Евангелия, изданного в 1773 году ⁵. Ряд вещей был представлен на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке.

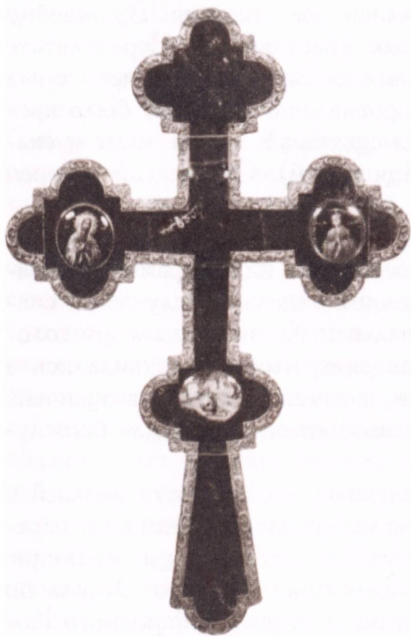

Рис. 15. Крест напестольный

Есть основания полагать, что хранящиеся в настоящее время в фонде Свердловского областного краеведческого музея потир и дискос прекрасной работы мастеров Екатеринбургской гранильной фабрики являются теми самыми священными сосудами, которые экспонировались на этой выставке, а в 1922 году были переданы М.О.Клеру. Обратим внимание на их описание в описи 1920 года: «№ 126 Потир каменный из белого топаза с выпукловырезанными четырьмя иконами, при нем таковой же дискос, окаймленный в два ряда топазами».

На Урале известны находки крупных кристаллов топазов, среди которых чаще встречаются бесцветные и водянисто-прозрачные. Но высокая твердость и совершенная спайность топаза затрудняют его огранку. Здесь скорее всего под белым топазом имеется в виду раухтопаз (дымчатый кварц), который бывает и прозрачным ⁶.

Рис. 16. Потир

Рис. 17. Дискос

В ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей большевистское руководство решало еще одну задачу — развалить церковь, используя в своих интересах ее внутренние разногласия. Ставка была сделана на обновленческое движение в церкви, зародившееся еще в начале XX века, выдвигавшее привлекательные реформаторские идеи. Особая роль в разжигании раскола отводилась ГПУ. Оно подхватило идеи реформации о дешевой церкви и весьма умело превратило их в «интересы трудового народа». Большевикам удалось подчинить себе лидеров этого движения.

Обновленческое духовенство сотрудничало с властями во время кампании по изъятию церковных ценностей. Расчет на обновленцев был сделан и в период следствия над патриархом Тихоном. В мае 1923 года на Поместном соборе «революционное» духовенство организовало суд над патриархом, в результате которого он был лишен сана и монашества (Святейший в это время находился в тюрьме). Но 16 июня Тихон подписал «покаянное заявление» об отказе церкви от борьбы с действующей властью и подчинении ей в гражданском отношении. В обмен на принсенное покаяние патриарх был освобожден. Однако сделанный шаг к

примирению не означал взаимного признания. Это понимала и та и другая сторона.

В деле противостояния с патриархом власть стала готовить себе поддержку снизу. Весной-летом 1923 года была проведена корректировка курса в отношении церкви, предпринята попытка преодолеть «перегибы» в атеистической работе и в построении государственно-церковных отношений. С этой целью была объявлена перерегистрация религиозных общин. В Бюллетене НКВД № 14 — 15 от 5 августа 1923 года обращалось внимание на то, что «вопрос о присоединении общин к тому или иному течению разрешается самой общиной, а не административным порядком, для чего требуется 2/3 голосов общины и последующее утверждение административным отделом, согласованное с местным отделом ГПУ».

Сначала срок регистрации был назначен до 27 июля 1923 года, затем он был продлен до 1 января 1924 года. Но как раз на этот период пришлось создание Уральской области, и местные органы власти были заняты вопросами районирования и не успели в срок рассмотреть все заявления о регистрации общин. По их просьбе специальным постановлением Президиума ВЦИК регистрация была продлена до 1 ноября 1924 года⁷.

Готовились к перерегистрации и прихожане Екатерининского собора. По разрешению Екатеринбургского отдела управления губернии 15 июня 1923 года состоялось общее собрание. Сначала был заслушан доклад Совета общины (общества) о состоянии приходского хозяйства за минувший год. Была объявлена благодарность за ремонт храма старосте М.Н.Гушину, его помощникам С.Я.Понагушину, А.Е.Сухоплюеву, председателю общины В.Д.Корзухину. Для прохождения регистрации необходимо было утвердить устав нового екатерининского религиозного общества, что и было сделано быстро и единогласно. Это был типовой устав, опубликованный в Известиях Губисполкома (№ 15) и Известиях ВЦИК (№ 92) в 1923 году. Не желая каких-либо трений с властями, община приняла его без изменений.

Затем начались выборы нового состава Совета общества и служителей культа. Собрание единодушно оставило на посту председателя Василия Дмитриевича Корзухина. До революции он работал мастером-печатником в типографии «Уральская жизнь». После 1917 года продолжал заниматься печатным делом, но уже в типографии «Гранит», преподавал в профтехшколе. По социальному положению В.Д.Корзухин принадлежал к средней категории, недвижимого имущества не имел. Его заместителем был избран Петр Евгеньевич Никитин — бывший чиновник, после 1917 года счетовод и делопроизводитель; имел деревянный дом с флигелем. Казначеем стал Сергей Яковлевич Понагушин, имевший пролетарское происхождение; до революции он состоял в третьем обществе потребителей, а с 1917 года служил в губздраве, недвижимостью не владел.

Община имела довольно обширный административный аппарат. Совет состоял из 21 члена, в ревизионную комиссию входило 5 человек, а также были выборные должности помощника казначея, заведующего церковным имуществом и секретаря.

Прежде чем приступить к выборам священнослужителей, община должна была решить принципиальный вопрос. Все налоги на храм взимались с учетом того, что в штате собора числилось 3 священника. Это было довольно обременительно, да и на деле получалось, что в основном служили 2 иерея. Поэтому решили сократить штат до 2 человек.

Собранию было предложено 3 кандидатуры на должности священников — Дмитрия Пономарева, Анатолия Мелезина и Иоанна Уфимцева. Единогласно были избраны первые двое. Столь же единодушны были прихожане, проголосовав против И.Уфимцева. Участия в изъятии соборных ценностей ему не простили. Таким образом, община сделала выбор не в пользу священника, лояльного к властям.

Сдав 18 июля все необходимые документы, прихожане Екатерининского собора ждали решения губисполкома о регистрации общины. 10 декабря 1923 года от председателя общины В.Д.Корзухина поступило тревожное заявление в губисполком о том, что церковнослужители храма (имена не назывались, но скорее всего это был И.Уфимцев, остававшийся не у дел в случае признания властями решения собрания) начали собирать подписи у некоторых граждан о создании новой общины при Екатерининском соборе. В.Корзухин уведомлял власти, что попытка создания новой общины без созыва общего собрания является противозаконной, что община при Екатерининском храме уже «сорганизовалась» и в нее целиком вошла община, существовавшая до объявления о регистрации. Она аккуратно оплачивала все налоги по храму и сделала крупный ремонт. Председатель общины опасался, что губисполком может истолковать последнее событие как распад общины, ходатайствовавшей о регистрации. В заявлении не говорилось о каких-то идеологических разногласиях внутри общины, не было таких терминов, как «обновленцы» и «тихоновцы». Но это был первый тревожный звонок.

После освобождения 27 июня 1923 года патриарх Тихон энергично взялся за консолидацию церкви, за преодоление внутреннего кризиса, в результате чего был нанесен существенный удар по позициям обновленцев. Ряды сторонников патриарха среди верующих увеличивались. ГПУ и Антирелигиозный комитет ЦК РКП(б) были крайне обеспокоены слабостью обновленческих и усилением тихоновских общин на местах.

Летом 1924 года произошло окончательное размежевание среди православных верующих Екатеринбурга. 6 августа состоялось заседание Совета общины Екатерининского собора, на котором присутствовало 16 человек. Вторым пунктом в повестке стоял вопрос об отношении к Святейшему Синоду, находившемуся в оппозиции патриарху Тихону, к присланному Синодом в Екатеринбург архиепископу Аристарху и иным общинам.

Любопытна аргументация совета по поводу принятого решения: «При обсуждении этого вопроса общинный совет, придерживаясь принятого устава, гласящего, что подчинение отдельной группы граждан, а также священнослужителей своему епископу в РСФСР, как и во всей Западной Европе, является совершенно добровольным, так как налагаемая церков-

ною властью ссоры и наказания за непокорность и неподчинение духовной власти не имеют никакой юридической силы в РСФСР, и не от епископа, а от самой группы верующих зависит сделать свободный выбор между епископом или угодным группе священнослужителем», т.е. мы видим, что члены совета были хорошо подкованы в области советского законодательства, более того они даже апеллировали к европейскому опыту.

Итак, в решении совета было записано, что он «находит невозможным признать Св. Синод и архиепископа Аристарха, стоящего на синодальной платформе, нарушающей некоторые канонические правила Св. Епископов и постановления Вселенских Соборов, и на основании декрета отделения церкви от государства от 23 января 1918 года». Это решение было принято единогласно при одном воздержавшемся. Постановили уведомить об этом решении Екатеринбургский епархиальный церковный совет, который также стоял на синодальной платформе.

Очевидно, общинный совет рассчитывал найти если не поддержку, то хотя бы понимание у светских властей, по-прежнему полагая, что они стоят на страже законности. В заявлении от 11 августа 1924 года в административный отдел сообщалось, что община «вышла из административного и молитвенного общения со Св.Синодом, архиепископом Аристархом и порвала всякую связь в силу этого с Екатеринбургским епархиальным церковным советом». «Сообщая об этом, — писали прихожане, — просим административный отдел на основании декрета об отделении церкви от государства оградить нас и защитить наше право на свободное выяснение своего религиозного сознания и убеждения». Принятым решением община Екатеринбургского собора фактически подписала себе приговор: советской власти не нужна была «мятежная» община, вышедшая из подчинения местным церковным властям, которые уже нашли общий язык с новым советским порядком.

Скорее всего не без санкции сверху Свердловский окрисполком решил провести проверку всего имущества, находившегося в пользовании религиозных общин, и пересмотреть заключенные ранее договоры. Для этого была создана специальная комиссия, которая начала работать в августе 1924 года. Нужен был повод для передачи храмов обновленцам.

Проверку Екатеринбургского собора проводила комиссия под председательством Могилянского. (Именно она будет проводником установок советской власти в последующих событиях вокруг Екатеринбургского собора.) Она выявила, что «имущество бывшей церкви женской гимназии (которое хранилось с 1919 года в Екатеринбургском соборе. — Авт.) отправлено в деревню и променено на муку без разрешения властей, очень много имущества не заприходовано и не взято на учет, часть ценного инвентаря и принадлежностей не достаёт на сумму около 10 000 рублей. Каковое расхищено и этим была обманута комиссия по изъятию ценностей». На основании заключения комиссии договор с общиной был расторгнут.

Тем временем протоиерей И.Уфимцев, который с 1924 года значился в Екатеринбургском епархиальном совете полномочным представителем

Святейшего Синода⁸, возглавил создание обновленческой общины, претендовавшей на Екатеринбургский собор (официально она называлась «православное христианское общество, стоящее на синодальной платформе»). 30 сентября 1924 года новая община подала заявление о регистрации и передаче ей Екатеринбургского собора со всем имуществом. В списке членов общины значилось 50 человек, а во главе нее стоял временный совет. 11 октября она была зарегистрирована под № 1.

Хотя устав новой общины в основных положениях повторял устав прежнего религиозного общества, там было одно существенное примечание: «... религиозное общество находится в добровольном нравственном общении со всеми православными обществами ... признающими для себя нравственно обязательными постановления 2-го Всероссийского поместного собора 1923 года», которые, как уже говорилось, стали знаменем обновленческого движения.

Власти «забыли», что именно И.Уфимцев в 1922 году был настоятелем Екатеринбургского собора и присутствовал при изъятии соборных ценностей. Если уж и была утайка ценного инвентаря на 10 000 рублей, как отмечала комиссия Могилянского, то не без его участия. Это еще раз свидетельствует о том, что для властей была важна не истина, а политика. История с имуществом закрытой церкви при бывшей первой женской гимназии также «выплыла» в нужном месте и в нужный час. В 1924 году о ее деталях уже мало кто помнил, но сохранились документы, которые позволяют восстановить истинную картину.

В 1919 году церковь при женской гимназии была упразднена и ее помещение передали под класс. По ходатайству отдела народного образования было принято решение о вывозе церковного имущества в Екатеринбургский собор. Оно было зафиксировано в дополнительной описи имущества собора и там хранилось до тех пор, пока в феврале 1921 года в Екатеринбургский уездно-городской исполком не обратились жители деревни Луговой Мурзинской волости Алапаевского уезда. Дело в том, что там открылся новый приход и не хватало церковной утвари. Прихожане просили передать им во временное пользование часть имущества закрытой церкви при гимназии. Этот вопрос был согласован и со светскими, и с церковными властями. Никаких препятствий не возникло. В первом акте передачи этого имущества отмечалось 33 наименования различных предметов. Были там два Евангелия в серебряных окладах, серебряные с позолотой напрестольный крест и дарохранительница. «Переехал» в деревню Луговую и дубовый резной иконостас. Всего сохранилось четыре акта, оформленных в феврале — ноябре 1921 года. Основанием для передачи были разрешения Екатеринбургского уездно-городского исполкома.

У комиссии, занимавшейся изъятием церковных ценностей в 1922 году, каких-либо претензий к общине Екатеринбургского собора по поводу имущества гимназической церкви не возникло. В заключении председатель комиссии Б.Дидковский отметил: «Надо взять все находящиеся в Екатеринбургском соборе вещи церкви бывшей первой женской гимназии и дать мандат на поиск остального имущества этой церкви»⁹. Но в 1924 году,

как говорится, «всякое лыко было в строку», в том числе и слухи об обмене этого церковного имущества на муку для причта, поскольку нужен был лишь повод для расторжения договора с непокорной общиной (по терминологии новой власти — «реакционными церковниками»), поддержавшей патриарха Тихона.

18 октября уполномоченные от обновленческой общины во главе с И.Уфимцевым явились в собор как новые хозяева принимать имущество. Эта процедура проводилась той же самой комиссией по проверке церковного имущества во главе с Могилянским. Спустя десять дней наследователю 2-го района Екатеринбургского округа поступит заявление комиссии о бурных событиях 18 — 25 октября. Этот документ и лег в основу нашего повествования о тех днях, поскольку свидетельства других участников пока не обнаружены.

Когда комиссия явилась в собор, там уже собралась «посторонняя публика». Началась сдача-приемка имущества. Тем временем народ все прибывал и прибывал. Толпа начала роптать по поводу деятельности совета прежней общины, но в это время жена ее председателя Татьяна Максимовна Корзухина закричала, что окрисполком не имеет никаких права вмешиваться в дела церкви и церковное имущество принадлежит прихожанам. Она стала призывать народ не давать священнику И.Уфимцеву служить.

Комиссия пыталась урезонить возбужденных людей, уговаривала подчиниться постановлению окрисполкома о передаче собора новой общине. Пока шло опечатывание денежного ящика, кладовой и канцелярии, в церкви поднялся сильный шум и ругань. Толпа около 150 человек не давала И.Уфимцеву пройти в алтарь. В этой группе инициатива была явно за Т.М.Корзухиной.

Тем временем в другой группе под предводительством И.И.Харитонova, И.А.Цимбаленко и С.И.Белогорского раздавались крики: «Вот одну церковь проспали, другую хотите». (К этому моменту уже был передан обновленцам Кафедральный собор.) Зачинщики призывали ударить в набат, собрать народ для защиты собора, при этом подчеркивалось, что это «не козни контрреволюции», а воля народа. Комиссия вновь попыталась утихомирить народ, уговаривая подчиниться распоряжению власти. Но в ответ толпа закричала: «Мы власть выбираем, а потому она и должна делать то, что мы хотим». Опечатав кладовую, денежный ящик и канцелярию, комиссия предпочла покинуть храм через сторожку.

И.Уфимцев предпринял еще одну попытку пробраться в алтарь. Но не тут-то было: Т.Корзухина толкнула его так, что он отлетел к конторе сторожа. Толпа вытолкала И.Уфимцева на улицу, предварительно поколотив его на паперти. На улице к разгоряченным прихожанам стал стекаться народ, собралось около 500 человек. Возбужденная шумящая толпа заняла перекресток центральных улиц. По сигналу членов комиссии к народу была направлена милиция, но она не смогла навести порядок. Тогда был послан конный резерв, которому удалось разогнать собравшихся.

На следующее утро, придя в собор, члены комиссии снова застали там «садом и гамору», крики и ругань, — службы не было. Руководство пре-

жней общины (В.Корзухин и Н.Коновалов) отказалось передавать новым хозяевам церковную документацию. Толпа из 30 человек заявила, что не отдаст ключи новой общине. Кто-то обратился к комиссии с просьбой разрешить службу, на что последовал ответ, что она не вмешивается во внутренние дела общины. Поскольку толпа была настроена резко отрицательно в отношении И.Уфимцева, то послали за другим священником, Д.Пономаревым. Он начал служить обедню, в храме стало тихо, и члены комиссии ушли. Но после службы конфликт разгорелся с новой силой. Как было сообщено в милицию, «толпа сделала насилие над Баландиным, отобрав у него ключи от церкви» (И.Баландин был вторым лицом после И.Уфимцева в обновленческой общине).

Вечером 20 октября комиссия вновь пришла в собор, чтобы заменить печати на опечатанных ранее помещениях. Там находилась толпа женщин во главе с Т.Корзухиной. По отношению к членам комиссии женщины вели себя дерзко, и «видно было, что кто-то толпой определенно руководит». После опечатывания началась служба. Служил священник прежней общины без разрешения комиссии и согласия членов совета обновленческой общины. Во время службы никто не молился, все шумели. Члены комиссии решили, что перед службой прошло собрание (они видели списки регистрации), а поскольку несанкционированные собрания были запрещены, то для отвода глаз была затеяна служба.

Однако вопрос о передаче храма нужно было решить окончательно и подписать соответствующий акт. 25 октября комиссия пришла в собор, но оказалось, что передавать его некому: членов совета новой общины не было, но опять собралась возбужденная толпа, состоявшая преимущественно из женщин. К членам комиссии от имени всех прихожан обратилась А.Г.Пичугина, заявив, что они не пустят новую общину, пока не будет разрешен конфликт. Целую неделю в соборе не было богослужений, а проводились «при пособничестве бывшего старосты Н.В.Коновалова» собрания, что противоречило распоряжениям советской власти.

В тот же день комиссия оформила официально свое постановление по поводу «дебоширства и неисполнения распоряжений религиозной группой Екатерининского собора». В этом документе оценка происшедших событий уже носила жесткий политический характер. Комиссия квалифицировала конфликт прихожан в церкви как «антисоветское и контрреволюционное выступление с дальнейшей вербовкой контрреволюционной группы». Поэтому она постановила до принятия окончательного решения запретить в соборе всякие собрания и богослужения, а для его охраны выставить милицейский пост.

Поняв бессмысленность митингов в соборе, бывшая община решила действовать официальным путем. В административный отдел было подано заявление, под которым стояло 840 подписей. Его авторы протестовали против передачи собора «ничтожной группе, образованной священником Уфимцевым (который по единогласному постановлению многолюдственной общины ... изгнан из числа служителей культа этого храма)». Заявители делали упор на то, что новая община малочисленна («большинство

не должно быть в подчинении небольшой горстки»), а ответственность за нарушение договора лежит на той группе, в пользовании которой находился храм (таким образом они как бы отмежевывались от старой общины). Но в то же время в заявлении указывалось, что большинство подписавшихся было из той общины, которая возбудила ходатайство о регистрации в 1923 году и считала себя преемницей старой общины (вспомним заявление В.Д.Корзухина от 23 декабря 1923 года). Подписавшиеся напоминали, что они так и не получили ответа властей на заявление о регистрации.

Административный отдел поднял все документы и вновь рассмотрел вопрос о ситуации с Екатерининским собором. Было запрошено мнение Могилянского, который ответил, что, во-первых, среди подписавшихся большая часть не относится к Екатерининскому приходу, а во-вторых, ответственность за церковное имущество несет вся община, а не только ее совет, поэтому старой общине нужно отказать в регистрации.

Около месяца спустя он подал в административный отдел докладную записку, в которой рекомендовал привлечь бывшую общину (особенно состав правления) к уголовной ответственности за расхищение государственного имущества и взыскать сумму ущерба, при этом передача имущества гимназической церкви в деревню Луговую также квалифицировалась как хищение. К записке прилагался акт комиссии от 1 ноября 1924 года. Теперь к обвинению общины в утайке имущества от внесения в опись 1920 года добавилось еще обвинение в недостатке.

Вообще, история с инвентарными описями Екатерининского собора довольно запутанная. Видимо, одновременно существовало две описи — та, которую община приложила к договору о регистрации 1920 года, и другая, с указанием цены предметов, хранившаяся в административном отделе и составленная не позднее 1922 года. Описи не совпадали, и это давало комиссии повод уличать общину в сокрытии имущества. Эту странность с описями заметила в 1926 году очередная комиссия по проверке имущества.

Итак, власти оставили в силе свое решение о передаче храма обновленцам. Сохранилось распоряжение председателя Екатеринбургского окружного исполкома от 27 октября 1924 года о немедленной передаче храма и акт от 28 октября о снятии печатей и передаче ключей И.Баландину. Но, видимо, напряженная ситуация сохранялась. Имеется недатированное заявление комиссии Могилянского начальнику 2-го отделения милиции о «пресечении свободы главарям С.И.Белогорскому, Т.М.Корзухиной, И.И.Харитонову, И.А.Цимбаленко, Н.В.Косолапову и А.М.Вязишниковой ввиду непрекращающихся безобразий и бандитских выступлений».

30 ноября 1924 года священник И.Н.Уфимцев подал заявление о сложении с себя звания председателя временного совета обновленческой общины и о снятии своей кандидатуры на должность настоятеля собора. Этот шаг И.Уфимцев мотивировал тем, что из-за личной неприязни к нему тихоновцы, собираясь со всего города, «противодействуют обновленческой общине в ее желании владеть собором». Просьба была удовлетворена.

Временным председателем общины стал И.А.Баландин. В списке обновленческой общины, утвержденном административным отделом 17 декабря, было отмечено 283 фамилии. Очевидно, в течение ноября-января храм снова печатывался.

31 января — 3 февраля 1925 года комиссией Могилянского Екатерининский собор был окончательно передан обновленческой общине вместе со всем имуществом, кассой (1011 рублей), запасами свеч, ладана и лампадного масла. При этом вновь была проведена проверка и оценка церковного имущества. На этот раз члены комиссии провели самый настоящий обыск помещений собора и в кладовой обнаружили 8 генеральских погон, 12 — полковничьих, 6 — капитанских и 34 прочих офицерских погона, которые были сожжены комиссией в местном отделении милиции. При негативном отношении к бывшей общине эта находка могла быть использована в нужный момент как дополнительный аргумент для обвинений ее в контрреволюционной деятельности. В начале февраля в одной из ниш той же кладовой были найдены золотые вещи весом 2 золотника 76 долей (около 10 г), 3 фунта 12 золотников 68 долей (около 1 кг 300 г) камней и бус. Таким образом, комиссия продолжала сбор улик для привлечения к уголовной ответственности членов бывшей общины. Сведений о возбуждении уголовного дела против лидеров тихоновской общины пока не обнаружено: возможно, предложения Могилянского так и не были реализованы.

* * *

Итак, с февраля 1925 года в Екатерининском соборе окончательно обосновалась обновленческая община. В начале сентября общинное собрание подводило первые итоги своей деятельности. На нем присутствовало всего 27 человек, причем его удалось собрать только со второго раза из-за низкой явки прихожан. Как видно из протокола собрания, у общины было немало проблем. Расходы существенно превышали доходы (за 7 месяцев были израсходованы все деньги, оставшиеся от прежней общины). Очень непросто складывались отношения у общины с ее основателем, протоиереем И.Уфимцевым. Он не был включен в ее список, а поэтому не имел права присутствовать на собрании. Однако И.Уфимцев явился на собрание и пытался протестовать против его исключения из списка (это было сделано административным отделом, видимо, на основании его заявления от 30 ноября 1924 года), но ему слова не дали. А председатель общины И.Баландин даже потребовал, чтобы И.Уфимцев покинул помещение, так как «его присутствие нервирует публику».

Сложная ситуация была и со священнослужителями. Согласно декрету об отделении церкви от государства 1918 года, группы верующих сами выбирали себе священников для отправления культа. Однако Екатеринбургское епархиальное управление (обновленческое) настойчиво пыталось вернуться к прежним временам, когда духовенство на приходы назначали консистории. Оно начало само ставить священников на обновленческие приходы. В Екатерининском соборе священников меняли довольно часто. Бывали случаи, когда по воле епархиального управления священнослужи-

тель находился в соборе неделю, а то и меньше. Община считала, что это «вредно отражается» на деле, а «особенно на таком молодом, как церковное обновление». Поэтому И.Баландин предложил управлению ограничиться чисто формальной стороной дела — благословением тех священнослужителей, которых избирает община.

В то время Екатеринбургский собор оказался тесно связанным с екатеринбургскими обновленческими епископами. Первым на эту должность был прислан Никанор Пономарев в 1922 году. В 1924 году его сменил Аристарх Николаевский, пробывший на этом посту около полугода. (Именно против него высказалась резко община Екатеринбургского собора под председательством В.Корзухина.) В 1925 году чуть больше 7 месяцев возглавлял уже свердловских обновленцев епископ Серапион Сперанцев¹⁰. Ему была выделена квартира в Екатеринбургском соборе. По мнению приходской общины, храм был «много обязан епископу Серапиону, сумевшему удержать его на должной высоте».

В 1925 году для усиления позиций обновленческой церкви на Урале была учреждена Уральская митрополия с центром в Свердловске (Екатеринбурге). 19 августа (1 сентября) епископа Серапиона сменил митрополит Корнилий Попов. Ему также была выделена квартира в Екатеринбургском соборе, хотя община считала, что он должен жить в Кафедральном соборе по праву митрополита. Но, по мнению церковных властей, именно Екатеринбургский собор должен был быть местопребыванием преосвященного, так как «являлся крестовой или домовою церковью» епископа.

Чуть раньше в помещение на верхнем этаже Екатеринбургского собора временно переехало епархиальное управление, но вскоре оно стало претендовать на освободившуюся квартиру Серапиона. Однако община заняла довольно жесткую позицию — предложила отцам перебраться в ризницу (в верхней холодной части храма), сделав предварительно в ней ремонт за счет управления, или подыскать другое помещение вне собора. Общинное собрание считало, что община и так уже много сделала для епархиального управления. Сентябрьское собрание 1925 года закончилось тем, что община согласилась с назначением на должность настоятеля собора митрополита Корнилия.

Преосвященный сразу же начал наводить свои порядки в храме и его приходе: без согласия общины назначил старостой Н.Г. Уварова, который даже не являлся ее членом, попытался передать церковное имущество в ведение епархиального управления. Община заявила в административный отдел протест против действий Корнилия, категорически отказавшись от работы с епархиальным управлением, если имущество останется в его руках. Благодаря вмешательству административного отдела обстановка была нормализована.

В сентябре 1926 года Корнилия на уральской митрополичьей кафедре сменил Сергей Корнеев. Видимо, новый митрополит не сразу появился в Свердловске, потому что только в конце марта 1927 года он был избран общиной на пост настоятеля Екатеринбургского собора, на котором и оставался до закрытия собора в 1929 году. На протяжении всего «об-

новленческого» периода в соборе, кроме настоятеля, было еще два священника и протоиерей.

Община пыталась возродить былое величие церковных праздников, особенно храмовых. Например, в 1925 году так планировалось отметить день св.Екатерины: хору, «насколько это окажется возможным», пропеть всенощную 23 ноября; во время литургии утром 24 ноября, для более торжественного богослужения, пригласить для службы городское духовенство, а после литургии «устроить силами желающих чай». В день празднования памяти св.Симеона Верхотурского был приглашен для торжественного богослужения протоиерей И.Уфимцев.

Сохранилось обращение верующих в административный отдел с просьбой разрешить крестный ход прихожанам Кафедрального, Екатерининского и Свято-Духовского храмов на городской пруд 14 августа 1927 года, накануне праздника Успения пресвятой Богородицы. На документе имеется резолюция о разрешении проведения крестного хода.

Была также предпринята попытка придать Екатерининскому собору статус главного храма в религиозной жизни города. Община хотела отметить 200-летие основания Екатерининского прихода 26 февраля 1926 года возведением храма в степень «Областного Кафедрального собора» с настоятельством пресвященного и просила назначить наместником протоиерея И.Н. Уфимцева. Ходатайство было направлено в Святейший Синод.

Духовенство пыталось оживить приходскую жизнь путем создания уже известных форм объединений. В конце марта 1927 года митрополит Сергей выступил с инициативой создания сестричества при церковно-приходском совете. Собрание общины эту идею одобрило и утвердило его устав. Началась запись в сестричество. К сожалению, в документах нам не удалось найти сведений о деятельности этого сестричества. Но власти отнеслись к нему явно с подозрением. Сохранилась короткая записка от помощника начальника городской административной части в церковный совет, датированная 7 июня 1928 года: «Немедленно сообщите, что вами исполнено по акту обследования «сестричества».

Городские власти, еще не имея юридических оснований для закрытия храмов, искали свои методы борьбы с церковью. 25 августа 1926 года в

Рис. 18

Великомученица Екатерина.
Икона начала XX в. с дарственной
надписью Екатерининскому собору

Екатерининский собор явился с мандатом административного отдела председатель местного союза безбожников З.Зегельман для проверки церковной библиотеки, которой могли пользоваться все прихожане. По данным З.Зегельмана, в 1925 году у нее насчитывалось до 50 читателей, в том числе и дети школьного возраста. Духовенство и община забились тревогой, так как «главный безбожник» грозился изъять все религиозные книги, кроме богослужебных.

При разбирательстве этого дела З.Зегельман заявил, что он собирался конфисковать только 12 книг «явно контрреволюционного содержания (издания Союза русского народа)». При этом он не преминул высказать административному отделу свое мнение: «Я считаю нужным ликвидировать библиотеку собора целиком, так как в ней совершенно не имеется современной литературы, а дореволюционная литература (религиозная) содержит много черносотенного и контрреволюционного материала». Он не смог удержаться от воинствующе-атеистического заявления: «Открытие публичной библиотеки-читальни в соборе заставляет нас все эти «религиозно-нравственные» книги у этих «религиозно-нравственных» людей отобрать, так как открытие подобных библиотек-читален есть совершенно незаконный шаг церковников и охоту подобные шаги делать мы им должны отбить».

Летом 1926 года была проведена очередная проверка церковного имущества и перерегистрация общины и вновь было возбуждено дело о расхищении церковного имущества: комиссия обнаружила пропажу бархатной мантии, 20 ковров, 21 аршина сукна и сломанных настенных часов. Были проведены допросы священника М.Гольева и бывшего председателя общины И.Баландина. Они утверждали, что вещи могли исчезнуть только во время волнений конца 1924 года. Впрочем комиссия отмечала некоторые несоответствия в старых документах. Видимо, административный отдел не стал раздувать дело, и 27 сентября 1926 года был подписан новый договор о передаче Екатерининского собора общине в бессрочное пользование. В отличие от предыдущего в этом документе более детально оговаривались действия, которые будут расцениваться как направленные против советской власти, отдельно отмечался порядок пользования колоколами. В списках членов общины, поданных для регистрации, значилось 113 человек.

По данным церковного совета, на 1 января 1927 года в общине состояло 515 человек, а на 15 ноября этого же года — уже 535 членов. Любопытно, что раньше духовенство не входило в состав общины (не вносилось в списки) и, таким образом, было лишено права голоса при принятии решений. Список же, зарегистрированный 20 марта 1928 года административным отделом, начинался с имен служителей культа — митрополита Сергия, священников И.Н.Уфимцева (не входил в состав причта собора), С.А.Баженова, М.И.Гольева и протодиакона М.В.Сливина. В это же время община явно переживала кадровый кризис на управленческих должностях. На протяжении всей истории Екатерининского прихода старостами собора были мужчины. В марте 1928 года вместо старосты Н.Г.Уварова была избрана женская тройка. Общее собрание не смогло

выбрать председателя общины, и вопрос был вынесен на усмотрение церковного совета.

Постоянно остро стояла проблема сбора средств на содержание храма, поскольку советская власть запретила брать с прихожан обязательный налог. Тем не менее общинные собрания были вынуждены, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, принимать такие решения: «Установить ежемесячное добровольное самообложение членов общины, выдать подписные листы желающим производить сбор» или «ввиду стесненных денежных обстоятельств просить регента хора В.Е.Старкова содержать хор не дороже 150 рублей в месяц» (1925 год). Позже община была вынуждена отказаться от постоянного содержания хора; певчие приглашались только на праздничные богослужения. В январе 1926 года община согласилась на установку антенны месткомом Уралгосторга на колокольне при условии выдачи собору субсидии в размере 35 рублей.

Выживать экономически было крайне трудно. Согласно советским законам, церковь не являлась юридическим лицом, договоры о ремонте церковных помещений могли заключаться только отдельными лицами церковных органов, а не всем приходом, и поэтому рассматривались как частные коммерческие сделки: они облагались чрезмерным налогом, как и все частные предприятия в то время ¹¹.

* * *

1929 год был не только началом первой пятилетки, сплошной коллективизации и массового раскулачивания (обернувшегося уничтожением крепких крестьянских хозяйств). Он стал началом нового натиска на церковь, настоящей антирелигиозной истерии.

24 января 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором, в частности, говорилось: «Фракциям советов необходимо взять на себя инициативу в разработке ряда мероприятий, около которых можно было организовать широкие массы на борьбу с религией, правильное использование бывших монастырей и церковных зданий и земель». На основании этого постановления 8 апреля правительством РСФСР был принят закон о религиозных объединениях. На местах власти быстро отреагировали на эти документы. Уральский областной административный отдел направил в нижестоящие организации секретный циркуляр № 1-8, в котором говорилось, что «в 1930 году ни в одном из бывших монастырей не должно остаться ни одной религиозной организации» и что должны быть ликвидированы монастырские храмы ¹².

Механизм был запущен. В феврале 1929 года со всех председателей религиозных общин Свердловска были взяты подписки о том, что они обязуются прекратить кружечные сборы и добровольные пожертвования в пользу заключенных и бедных ¹³. 2 октября в газете «На смену!» появилась статья «Правая рука Симеона угодника». В подзаголовок были вынесены две главные мысли статьи: «Святой» портной как средство обогащения» и «Выбросить вредную дрянь из Екатеринбургского собора».

Автор публикации, Мих. Искра, в духе времени хлестко бичевал «воинствующую поповщину, готовую использовать для поддержания своего авторитета все, что только можно». Статья заканчивалась требованием созыва особой комиссии «для изъятия “святой” кости из Екатерининского собора, прекращения одурачивания населения города»¹⁴.

Судя по тому, как быстро на статью откликнулись власти, это была явно заказная публикация. Ссылаясь на нее, городской административный отдел обратился в Президиум Свердловского горсовета с ходатайством о создании комиссии по осмотру и изъятию мощей св. Симеона Верхотурского из Alexandro-Невского и Екатерининского соборов. 25 октября было принято решение о создании комиссии и изъятии мощей. Таким образом, судьба главной святыни Екатерининского собора была предопределена. Заключение комиссии являлось чисто формальным актом, необходимым лишь для того, чтобы придать событию широкий пропагандистский размах. Мощи были переданы для хранения в Свердловский областной музей¹⁵.

Этой акцией были попораны права церкви и общины, зафиксированные в ее уставе, который был завизирован административным отделом и пока еще действовал. В примечании к статье 12 устава говорилось, что из церковного имущества, находившегося в ведении местного совета и передававшегося общине в пользование, «исключались предметы особо священного значения, не имеющие материальной ценности, как-то: св. антиминсы, св. дары запасные, св. миро, частицы св. мощей и т.п. священные предметы православного почитания, каковые передаются в распоряжение епархиальных органов» в случае упразднения общины¹⁶.

1 октября 1929 года НКВД подготовил инструкцию № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений». На ее основании Уральский областной административный отдел разработал план мероприятий. Было дано указание с 1 декабря 1929 года приступить к перерегистрации общин. В перечне необходимых для этой процедуры документов появился «список учредителей и членов исполнительных и религиозных органов обществ и групп верующих». Особо оговаривалось, что «никаких уставов религиозные общества иметь не должны» (хотя при прежних регистрациях устав требовался).

Отдельным пунктом в инструкции НКВД шла речь о роспуске до регистрации всех общественных организаций (в том числе и сестричеств) при религиозных объединениях. Книги из церковных библиотек, кроме необходимых для богослужения, подлежали изъятию из храмов. Также оговаривалось, что общины не имеют права на получение зданий. Договор на пользование храмами должен был быть подписан не менее чем 20 членами религиозного общества¹⁷.

Можно сказать, что свердловские власти успешно претворили на практике установки партии и правительства, подняв на борьбу с церковью значительную часть населения. С января 1930 года в городе началась кампания проведения собраний рабочих, на которых ставился вопрос о снятии колоколов с церковей и их передаче в фонд индустриализации.

Застрельщиками в этом деле выступили рабочие и служащие Управления Уралжелдорстроя. В выступлениях на собраниях партийные и профсоюзные активисты связывали проведение индустриализации с антирелигиозным движением. Появился даже почин «о втором дне индустриализации», который был назначен на 7 января (праздник Рождества Христова)¹⁸.

Во время избирательной кампании, связанной с выборами в городской совет, было инициировано массовое голосование трудящихся по поводу закрытия Екатерининского собора и использования его для «общественно-полезных надобностей». 15 февраля 1930 года Президиум Свердловского горсовета принял решение о закрытии храма и использовании его на строительный материал. Уже на следующий день в Уральский облизполком было отправлено ходатайство об утверждении постановления горсовета. Ссылаясь на коллективное заявление от имени 37 тысяч трудящихся города, требовавших немедленного закрытия Екатерининского собора, председатель горсовета А.Н.Бычкова объясняла принятое решение тем, что «расположение церкви находится по планировке города не на месте, что с проведением канализации, водопровода и трамвайных линий, будет препятствовать осуществлению этих мероприятий». Общине же, насчитывавшей около 200 членов, предлагалось пользоваться Всех-Святской Михайловской церковью¹⁹.

Закрытие церквей стало массовым явлением в 1930-е годы по всей России. Начался процесс разорения церковных фондов. Центральное архивное управление (ЦАУ) РСФСР было крайне обеспокоено тем, что подвергаются уничтожению дела и книги, «имеющие большую научную и библиографическую ценность, например, рукописные книги XV — XVII веков». Заручившись поддержкой ВЦИК Советов, ЦАУ РСФСР направило на места предписание об изъятии архивными органами из всех церквей (в первую очередь из закрываемых) архивного материала до 1918 года, т. е. до отделения церкви от государства. В марте 1930 года Свердловский городской административный отдел разрешил областному архиву провести отбор документов из закрытых церквей. Эта работа была поручена сотруднику архива С.Г.Сбоеву.

Как и в любой другой церкви, в Екатерининском соборе существовал свой архив. Им, например, пользовались составители «Материалов для истории церквей города Екатеринбурга», опубликованных в Екатеринбургских епархиальных ведомостях, о чем свидетельствует одно из примечаний к тексту этой публикации: «В августе 1851 года протоиерей Екатеринбургского собора Евг. Адриановский передал в архив церковный записки свои под заглавием “материалы для составления описания Екатеринбургского собора и его прихода”²⁰.

Остается лишь искренно пожалеть, что из Екатеринбургского собора на государственное хранение почти не попало документов. Его фонд в Государственном архиве Свердловской области насчитывает 12(!) единиц хранения, из которых 11 — книги, да и те не все из библиотеки Екатеринбургского храма. Лишь одно дело из церковного архива попало в этот фонд — подшивка указов Пермской духовной консистории екатеринбургскому

Екатерининскому собору 1879 — 1882 годов (442 листа). Метрические книги и «посемейные» списки собора попали в областной архив раньше.

Согласно декрету 1918 года об отделении церкви от государства, из всех церквей были изъяты акты гражданского состояния и переданы соответствующим советским органам ²¹.

5 апреля 1930 года прошло заседание комиссии по закрытию церквей. В комиссию входило 3 человека, в том числе и А.Н.Бычкова. По поводу Екатерининской церкви постановили согласиться с решением горсовета, приступить к слому и закончить его к 8 апреля ²². Вскоре «приговор» Екатерининскому собору был приведен в исполнение: храм взорвали.

Взрывные работы осуществил Взрывсельпром. Чуть позже Бюро Сельскохозяйственных и Промышленных взрывных работ при Военно-Химическом тресте ВСНХ СССР выдаст справку об эффективности взрывного метода валки зданий по сравнению с разборкой их вручную. Этим методом за два месяца в городе было уничтожено 4 церкви. Пришлось лишь повозиться с Екатерининским собором — взрывали 3 раза ²³.

Так город лишился величественного храма с двухсотлетней историей.

Рис. 19. Екатерининский собор. 1930 г.

Дорога К ХРАМУ:

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Каждый человек выбирает свою дорогу к Храму — к духовному совершенству, к постижению вечных истин. Кто-то идет путем покаяния, кто-то — путем сохранения исторической памяти нации, своего города, деревни, своей семьи. Взорвав церкви и уничтожив многие религиозные святыни, тоталитарный режим не смог вытравить тягу людей к духовности. Нам еще предстоит долгий путь возрождения лучших традиций и духовных ценностей нашего общества. Но несмотря на все трудности, начало этому пути уже положено.

18 августа 1991 года по благословению архиепископа Екатеринбургского и Курганского Мелхиседека на месте алтарной части Екатерининского собора был установлен памятный деревянный крест. Уже тогда возникла идея поставить здесь часовню Во Имя Св. Великомученицы Екатерины. Но без возрождения традиций меценатства и благотворительности сделать это было невозможно.

В мае 1997 года учеными и предпринимателями города был организован Екатеринбургский общественный благотворительный фонд «Институт истории и археологии» (президент — доктор экономических наук В.В.Маслаков, исполнительный директор — доктор исторических наук, профессор С.П.Постников, члены Попечительского совета академик В.В.Алексеев, В.В.Коровин, В.Ю.Пленкин и др.). Сегодня деятельность этого фонда стала заметным явлением в научной и культурной жизни нашего города.

Во время подготовки к 275-летию Екатеринбурга фонд принял решение сделать родному городу подарок — построить часовню Во Имя Св. Великомученицы Екатерины. Это было поистине мужественное решение, и не только потому, что его осуществление требовало больших средств, но и потому, что за годы советской власти традиции храмового строительства оказались полностью утраченными. В ходе возведения часовни многое приходилось изобретать, постигать заново, но екатеринбургские мастера достойно справились с задачей.

Решение финансовых проблем взял на себя фонд «Институт истории и археологии», организовав сбор средств. Материальную поддержку в этом благородном деле оказали ОАО «Богословский алюминиевый завод», ОАО «Уралмаш», АО «Трансконсалт груп», ЗАО «Сервер-сеть», Управление Свердловской железной дороги, Межрегиональная финансовая корпорация и другие предприятия Урала и Сибири.

Проект часовни был разработан архитектурно-реставрационным объединением «Ордер» под руководством А.В.Долгова. Сибирский гранитный карьер (директор А.Д.Пискунов) поставил для строительства гранитные блоки. Крупноразмерное бронзовое и латунное литье, кресты из особого не поддающегося коррозии металла изготовило предприятие «Литур» Уральского государственного технического университета. Преподавателем кафедры рисунка Уральской государственной архитектурно-художественной академии С.И.Суховым были разработаны эскизы орнаментов. А затем началась кропотливая работа по созданию мозаик художниками кафедры монументально-декоративного искусства: искали и находили необходимые составы глазури, из Венеции привезли византийскую мозаику. Специальный художественный дуб для двери был доставлен из Дагестана. В штукатурных работах были применены современные материалы, например имитирующие каменный песчаник.

В кузнечной мастерской УГАХА архитекторы объединения «Ордер» И.Тухватуллин и Ю.Алферов изготовили уникальную конструкцию купола для часовни, которую при необходимости можно разобрать, а затем собрать заново. Обшивка купола была сделана из нержавеющей стали с покрытием нитритом титана. Купол монтировали сами же мастера.

Проект часовни Во Имя Св. Великомученицы Екатерины был представлен на выставке в Российской академии архитектуры и строительных наук. Восемь человек из группы ее создателей получили дипломы за лучшую постройку последних пяти лет.

Небольшая нарядная часовня, несомненно, оживила облик перекрестка проспекта Ленина и улицы Пушкинской. Она выполнена по мотивам древнерусского зодчества с учетом традиций русской архитектуры XVIII столетия¹.

Рис. 20
Часовня во Имя
Св. Великомученицы
Екатерины

Возведение часовни Во Имя Св. Великомученицы Екатерины — это не только напоминание о первой церкви города, оно имеет глубокий исторический смысл. Если бы нам удалось совершить путешествие в прошлое и проехать по уральским заводским поселкам в конце XIX — начале XX веков, то мы бы обратили внимание, что во многих из них, помимо церкви, стояли часовни во имя св. Александра Невского. Рабочие и крестьяне возводили эти часовни на собственные деньги в ознаменование освобождения от крепостного права в 1861 году и посвящали их св. Александру Невскому в знак благодарности императору Александру II. Так пусть же наша часовня станет символом освобождения и очищения от всего негативного советской эпохи, а Святая Екатерина — ангел-хранитель города — нам в этом поможет.

Но любое общество обречено на гибель, если оно только борется со своим прошлым и не заботится о созидании, о будущем, которое во многом зависит от того, как мы сегодня воспитаем наших детей, будут ли они духовно богатыми или останутся «иванами, не помнящими родства».

В 1995 году родился культурный проект «Мой город» (конкурс детского художественного творчества), посвященный возрождению дня памяти св. великомученицы Екатерины. Его инициаторами были Екатеринбургская епархия и Уральский Музей Молодежи, в стенах которого ежегодное проведение этого конкурса стало уже доброй традицией. Немало энергии и душевных сил вложили в это дело члены оргкомитета проекта — директор музея Владимир Быкадоров, его заместитель Светлана Кабанова и иерей Владимир Братенков.

Дети в возрасте от 5 до 16 лет рисуют, лепят, выжигают, вышивают... Их творчество посвящено таким темам, как «Православный Екатеринбург», «Житие св. великомученицы Екатерины», «Основатели Екатеринбурга», «Вехи истории города», «Мои современники». Лучшие работы экспонируются на специальной выставке в музее, приуроченной ко дню памяти св. Екатерины. А в сам праздник, 7 декабря, наступает волнующий момент: авторитетный экспертный совет, в который входят известные в нашем городе искусствоведы и работники музеев, объявляет лауреатов и призеров конкурса, и происходит торжественная церемония награждения. За четыре года на конкурс было представлено более 1400 работ. За это время было немало победителей конкурса, но для его организаторов, пожалуй, самыми дорогими останутся первые лауреаты — Маша Коровкина, Сережа Лабутин и Аня Оборина.

По сложившейся традиции работы-призеры остаются на вечное хранение в Уральском Музее Молодежи, а по завершении конкурса публикуется каталог с именами всех участников. И обязательно на обложке каталога изображены св. великомученица Екатерина и Екатерининский собор. Культурный проект «Мой город» стал праздником не только для детей, принимающих в нем участие: светлые и добрые детские работы создают ощущение тепла, радости и надежды у всех, кто их видит.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1. ЗАВОД-КРЕПОСТЬ И ЕГО ПЕРВАЯ ЦЕРКОВЬ

¹ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723 — 1781 гг.). 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С.4 — 6.

² Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С.90 — 92. Название завода-крепости было официально утверждено указом президента Берг-коллегии Яковом Брюсом от 5 февраля 1724 года. А заканчивался этот документ напутствием В.Геннину: «И для того тебе, генерал-маэору, в славу тех заводов имени иметь старание ... дабы от того слава Ея величества вовеки не угасла». См.: Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С.9.

³ Дмитрий Ростовский (Туптало). Книга житий святых (Четьи Минеи). Сентябрь — ноябрь. Синодальная тип., 1840. Л.147; Христианство: Энцикл. словарь. Т.1. М., 1993. С.527; Великомученица Екатерина. — <http://des.tstu.ru/orth/libr>.

⁴ Верховский П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д, 1916. Т.1. С.632.

⁵ Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII — первой половине XIX века. М.: МИРОС, 1994. С.12 — 15.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т.5. С.196.

⁷ Там же. С.544 — 545.

⁸ Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII — первой половине XIX века. С.42.

⁹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 32. Л.349. В описи 1734 года отмечено, что Екатерининский храм построен в 1725 году.

¹⁰ Там же. Д. 450. Л.10, 13. Частично опубликовано: Свидетельства истории: публикация документов. Вып.2. Екатеринбург, 1993. С.17.

¹¹ ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 1290. Л.837 — 881.

¹² Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С.66.

¹³ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С.3, 11.

¹⁴ Екатеринбург. Исторические очерки (1723 — 1998). Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. С.24.

¹⁵ Геннин В. Уральская переписка ... С.294.

¹⁶ Материалы для истории церквей города Екатеринбурга// Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1903. № 17. С.503. Иногда в литературе архимандрит Тобольского Знаменского монастыря назван не Геннадием, а Филиппом.

¹⁷ Геннин В. Уральская переписка ... С.327.

¹⁸ Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей. Вып.1. Пермь, 1882. С.19 — 20.

¹⁹ Геннин В. Уральская переписка... С.327.

²⁰ Чупин Н.К. Сборник статей ... С.21 — 22.

²¹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.110.

²² Там же. Л.127 — 128; Д. 61. Л.93, 94.

²³ Там же. Д. 450. Л.10.

²⁴ Там же. Д. 151. Л.571, 572; Д. 196. Л.138.

²⁵ Там же. Д. 450. Л. 12 — 14.

²⁶ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С.21.

²⁷ Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н.Татищева// Ист. архив. Вып. VI. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С.223 — 225, 242 — 243.

²⁸ Чупин Н.К. Сборник статей ... С.22 — 23.

²⁹ ГАСО.Ф.24. Оп.1. Д. 807. Л.1160.

³⁰ Там же. Д. 450. Л.10.

³¹ Там же. Д. 807. Л.1160 — 1167.

³² Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С.45 — 46.

³³ Переписка о строительстве новой церкви излагается по архивным материалам: ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1510. Л.1 — 8; Ф.6. Оп.2. Д. 404.

³⁴ Очерки русской культуры XVIII века. Ч.4. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. С.28.

³⁵ См.: Корепанов Н.С., Побережников И.В. Первый проект Екатеринбургского Екатерининского собора, 1746 г./Уральский сборник История. Культура. Религия. Вып. III. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С.132 — 145.

³⁶ Все события, связанные с пожаром, излагаются по архивным материалам: ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 1290. Л. 837 — 881.

³⁷ Материалы для истории церквей города Екатеринбурга. С.506 — 507.

³⁸ Издавна повелось, что в любом селе или городе люди договаривались между собой, кто какой инструмент несет в случае пожара.

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВОГО СОБОРА

¹ История строительства Екатерининского собора излагается по материалам дел: ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1510. Л.1 — 147; Ф.6. Оп.2. Д. 404.

² ГАСО. Ф.141. Оп.1. Д. 3.Л.253.

³ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге ... С.44.

⁴ Каптиков А.Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в. Проблема региональных школ. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. С.67.

- ⁵ Ярославль. Памятники архитектуры и искусства. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994.
- ⁶ ГАСО. Ф.141. Оп.1. Д. 3. Л.182 об. — 183.
- ⁷ См.: Дмитрий. //Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч.1.СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С.258 — 271.
- ⁸ Уральская икона. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998.С.255.
- ⁹ Христианство. Т.Г. М., 1995. С.632.
- ¹⁰ Там же. Т.1. С.624.
- ¹¹ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... Приложение.
- ¹² Там же. С.69.
- ¹³ См.: Каптиков А.Ю. Региональное многообразие архитектуры русского барокко: Учеб. пособие. М., 1986. С.43.
- ¹⁴ Каптиков А.Ю. Каменное зодчество ... С.133 — 135.
- ¹⁵ Там же. С.127 — 144.
- ¹⁶ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге ... С.72.
- ¹⁷ Весновский В.А. Весь Екатеринбург. Екатеринбург, 1903. С.28.

ГЛАВА 3. ДУХОВЕНСТВО ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЦЕРКВИ

- ¹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 92. Л.163, 175 — 176.
- ² ШФ ГАКО. Ф.224. Оп.1. Д. 141. Л.3, 11; Д. 266. Л.1.
- ³ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге ... С.14.
- ⁴ Там же. С.27 — 28.
- ⁵ Материалы для истории церквей города Екатеринбурга. С.507 — 509.
- ⁶ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1031. Л.524 об. — 540.
- ⁷ Материалы для истории церквей города Екатеринбурга //ЕЕВ.1902. № 17. С.682 — 685.
- ⁸ Там же. № 18. С.722 — 725.
- ⁹ См.: Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998.
- ¹⁰ ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д. 423. Л.2 — 4; Мангилева А.В. Духовное сословие ... С.205.
- ¹¹ ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д. 423. Л.2 — 4.
- ¹² Мангилева А.В. Духовное сословие ... С.98.
- ¹³ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С.57.
- ¹⁴ Там же. С.70.
- ¹⁵ Материалы для истории церквей города Екатеринбурга. //ЕЕВ. 1902. № 20. С.800 — 802.
- ¹⁶ Дневник священника/ В.И. Байдин, С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич, М.Ю. Нечаева // Урал. ист. вестн. № 2. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С.114 — 143.
- ¹⁷ ЛАИ УрГУ. Свердловское собр. (IX). 112п/2719.
- ¹⁸ ГАСО. Ф.643. Оп.1. № 1760. Л.75.

¹⁹ ЕЕВ. 1902. № 6; 1908. № 43.

²⁰ ЕЕВ. 1891. № 23. Неофиц. отд. С.512, 515.

²¹ Зорина Л.И. Уральское духовенство и общественно-краеведческое движение на Урале конца XIX — начала XX в. // Культурное наследие Российской провинции: история и современность. К 400-летию г.Верхотурья. Тез. докл. и сообщ. всерос. науч.-практ. конф. 26 — 28 мая 1998 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. С.277; Она же. Коллекционеры дореволюционного Урала // Очерки истории Урала. Коллекционеры и меценаты дореволюционного Урала. Вып. 8. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С.16.

ГЛАВА 4. ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ: БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПРИХОДА

¹ ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д. 423. Л.2.

² ЕЕВ. 1910. № 11. С.238 — 239.

³ ЕЕВ. 1902. № 6. С.277 — 279; № 15. С.615 — 616.

⁴ ГАСО. Ф.6. Оп.9. Д. 808. Л.28, 48; Д.834. Л.9; Д.846. Л.4, 15.

Благодарю В.П.Микитюка за предоставленный материал.

⁵ Там же. Д.763. Л.145; Д.767. Л.115; Д.781. Л.129; Д.808. Л.104; Д.821. Л.90. Благодарю В.П.Микитюка за предоставленный материал.

⁶ Там же. Д. 782. Л.180; Д.788. Л.165; Д.854. Л.138; Д.864. Л.140, 158; Урал. 1897. 19 авг.; 1904. 4 мая; Уральская жизнь. 1917. 2 февр. Благодарю В.П.Микитюка за предоставленный материал.

⁷ См.: Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992.

⁸ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.7; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург, 1909. С.23.

⁹ Там же. Д. 2, 5.

¹⁰ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.7.

¹¹ Город Екатеринбург. Екатеринбург, 1889. С.936.

¹² Весновский В.А. Весь Екатеринбург. С.49 — 51.

¹³ ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д. 423. Л. 1.

¹⁴ ЕЕВ. 1910. № 11. С.235 — 237.

¹⁵ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 9.

¹⁶ Благодарю В.П.Микитюка за предоставленную информацию.

¹⁷ ЕЕВ. 1910. № 11. С.237 — 238.

¹⁸ Например, подобные пристрои были сделаны в Успенском соборе Вятского Успенского Трифонова монастыря. См.: Берова И.В. Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря. История, архитектура, живопись в свете последних исследований. Киров, 1989.

¹⁹ ГАСО. Ф.81. Д. 15. Л.50, 189 — 189 об., 227.

²⁰ Благодарю В.П.Микитюка за предоставленную информацию.

²¹ Корепанова С.А. Екатерининский собор. <http://history.e-burg.ru/churchs/ekater/html>.

- ²² Чупин Н.К. Сборник статей ... С.21, 22.
- ²³ ЕЕВ. 1888; Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С.375.
- ²⁴ ЕЕВ. 1886. № 1 — 2. Неофиц. отд.
- ²⁵ Там же. 1902; 1910. № 26. Неофиц. отд. С.438.
- ²⁶ Там же. 1886. № 20 — 21. Неофиц. отд. С.441.
- ²⁷ По данным, опубликованным в Извлечении из отчета Попечительства за 1898 г., количество учащихся составляло 172 человека. См.: ЕЕВ. 1899. № 24. Неофиц. отд. С.685.
- ²⁸ Деятельность церковно-приходского Попечительства при градо-Екатерининском соборе по содержанию существовавших и открытию новых церковно-приходских школ в районе прихода // ЕЕВ. 1898. № 21. С.579 — 592; Извлечение из отчета Церковно-приходского Попечительства при градо-Екатеринбургском Екатерининском соборе за 1898 год // ЕЕВ. 1899. № 24. С.678 — 688.
- ²⁹ Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. С.23.
- ³⁰ Уральская икона. С.238.
- ³¹ Устав Крестовоздвиженского сестрического братства при Петро-Павловской православной церкви Черноисточинского завода Верхотурского уезда Екатеринбургской епархии // ЕЕВ. 1910. № 49.

ГЛАВА 5. В ЖЕРНОВАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

- ¹ Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922 — 1925 гг. М.: «АИРО-ХХ», 1997. С.10 — 12.
- ² ГАСО. Ф.575. Оп.1. Д. 12. Далее по материалам этого дела излагается история общины при Екатерининском соборе с 1920 по 1930 гг.
- ³ См.: Кривова Н.А. Власть и церковь... С.75 — 94.
- ⁴ Свидетельства истории: публикация документов. Вып.3. Екатеринбург, 1994. С.13 — 14.
- ⁵ ГАСО. Ф.575. Оп.1. Д. 2. Л.430.
- ⁶ Самсонов Я.П., Туринге А.П. Самоцветы СССР. М.: Недра, 1985. С.36, 56 — 58.
- ⁷ ГАСО. Ф. Р-102. Оп.1. Д. 100. Л.1 — 113.
- ⁸ Там же. Л.134.
- ⁹ Свидетельства истории... С.14.
- ¹⁰ См.: Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917 — 1943. М., 1994. С.944 — 945.
- ¹¹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.158.
- ¹² ГАСО. Ф.Р-81. Оп.21. Д. 44.
- ¹³ Там же. Ф.Р-575. Оп.1. Д. 20. Л.44.
- ¹⁴ На смену! 1929. 2 окт. № 225.
- ¹⁵ ГАСО. Ф.Р-575. Оп.1. Д. 20. Л. 37, 48, 53 — 57; Свидетельства истории... С.10 — 11.

- ¹⁶ ГАСО. Ф.Р-575. Оп.1. Д. 2. Л.102.
¹⁷ Там же. Д. 20. Л.31.
¹⁸ Там же. Л.45.
¹⁹ Свидетельства истории ... С.11 — 12.
²⁰ ЕЕВ. 1910. № 11. С.236.
²¹ Сейчас они хранятся в фонде Екатеринбургского духовного правления ГАСО. Ф.6.
²² Свидетельства истории... С.12.
²³ ГАСО.Ф.Р-575. Оп.1. Д. 23. Л.21.

ДОРОГА К ХРАМУ: ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

¹ См.: Бакишьева Р. Во имя Святой Екатерины//Российские товары и услуги. Производим и продаем. Лидеры меценатства и экономики. Екатеринбург: ООО РИА «Филантроп», 1999. С.214 — 215.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РОСПИСЬ ОСТАВШЕЙ ПОСЛЕ ПОЖАРУ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ И СКОЛКО ЧЕГО ЗГОРЕЛО*

<i>Осталось после пожара налицо</i>	число	рубли	копейки
на престоле святых Евангелиев два, первой оклад	1	41	
серебряные под золотом одежда новая ценою	1	20	
второе Евангелие оклады серебряные	1	8	
чеканные ценою			
на престоле одеяние новое голевое зеленое	1		
потир серебряной	4	31	50
дискос серебряной			
звезда серебряная			
лжица серебряная			
потир ветхой	5	42	20
другой дискос под чернью серебряной			
звезда под чернью серебряная			
лжица серебряная			
блюдец серебряных два под чернью	1	3	30
копие железное черешек серебряной			
ковшиков серебряных оные весом 22 золотника			
на престоле гробница серебряная чеканная весом			
3 фунта 37 золотников	1	81	25
на престоле крестов два			
один под золотом весом 2 фунта 1 золотник	1	47	25
другой крест серебряной	1	15	
дароносица оловянная	1	1	
<i>Риз священнических</i>			
парчевая белая, травы золотые из разных шелков,			
оплечье материя с травами разных цветов, обложены	1	35	
кружевом сереброзолотным			
штофная белая, обложена позументом золотым круг	1	35	
оплечья и подбоя ценою	1	12	
штофная желтая	2	3	
голевые двоелишневые	1	1	
камчатка красна			
оные положены на умершего священника			
Федора Сальникова баибарековая синяя	1	3	
китайчетая лазоревая	1		80
оные употреблены на утварь церковную в починку			
катапетасма фанзова ала ветхая	1		50
черные отласные, обложены лазоревую канвою	1	1	50
черные канфовые з жаркими окладинами	1	4	
голевые гвоздишные, обложены лазоревую двоелиш-			
невою голью, оплечье штофное	1	12	

* Опись составлена не позднее 27 сентября 1748 года. В ее основу была положена опись имущества 1745 года.

	число	рубли	копейки
голевые алые со штофным оплечьем, обложены жел- тою голюю с сеткой серебряной	1	14	
желтые голевые, оплечье персидской парчи, обложены малиновою голюю	1	8	
голевые гвоздишные, оплечье двоелишнее, обложены лентами	1	11	
<i>Подризников священнических</i>			
тавтяной двоелишней	1	7	
камчатой зеленой	1	5	
камчатой лазоревой	1	5	
камчатой вишневой ветхой, оной положен на умершаго протопопа Иосифа Афанасьева	1	1	
<i>Епитрахилей священнических</i>			
штофная по желтой земли с разными шелковыми тра- вами с сеткою серебряною ценою	1	8	
штофная белая, обложена кружевом среброзолотным	1	5	
голевая голубая с кружевом серебряным	1	1	
голевая жаркая з золотым позументом	1	1	
ветхая зелена камчатая	1		10
голевая с кружевом золотым ценою	1	3	
двоелишняя с лентами пестрыми	1	1	
<i>Поручей</i>			
штофные белые	1		15
оберинные красные ветхие	1		10
парчевые ветхие	1		10
штофных с сетками	3	1	
<i>Поясов священнических</i>			
шелковых с кистями, из оных один положен на умер- шаго протопопа Иосифа Афанасьева	3	4	
нитяной	1		5
<i>СтихареЙ диаконовских</i>			
зеленой парчевой	1	30	
алой баиберековой	1	1	50
черной	1	3	
белой чандарной	1		40
камчатой темно-васильковой	1	3	
выбойчатой бахтовой, оной положен на умершаго свя- щенника Сальникова	1		80
камчатой желтой, оплечье алое с кружевом серебряным	1	7	
камчатой желтой, оплечье персидской парчи	1	3	
штофной белой кругом оплечья и по подолу обложен позументом золотым	1	35	
черной канфовой с окладами жаркими	1	5	
голевой гвоздичной, оплечье штофное	1	7	
<i>Орарей</i>			
лентовой с позументом	1	4	
красные двоелишневые камчатые, из оных один поло- жен на священника Сальникова	2		25
штофной лентовой обяринной желтой			
Итого	3	1*	

* Так в тексте рукописи. Должно быть "4".

Приложение 1

	число	рубли	копейки
<i>Покровов с воздухами</i>			
два воздуха да покров штофные белые	3	20	
два воздуха да покров парчевые кропивные	3	2	50
два воздуха да покров парчевые красные с травами	3	2	50
два воздуха да покров двоеличные	3	3	50
два воздуха да покров красные камчатые, один с жемчугом	3	3	10
покровец камчатой красной	1		15
<i>Пелен налойных</i>			
штофная желтая	1	8	
камчатых двоелишневых	2	2	50
плащаница писанная по баибереку	1	2	50
хоругвей писанных на камке	2	6	
<i>Книг</i>			
Евангелие воскресное толковое	1	4	50
Евангелие толковое повсядневное	1	6	
Устав церковной	1	5	
Прологов год триодей	4	7	
постная	1	3	
цветных	2	5	
псалтырей			
следованных	2	6	50
малых	2	1	50
Октоихов гласовых	2	3	5
Миней месячных	12	12	
Миней праздничная	1	4	50
Службников	3	2	
Требник большой	1	3	
Шестоднев, оного налице не явилось	1		50
Часословов	1		20
Маргарит	1	4	
Канонник	1		50
Книшка благодарственных молений о дожде и ведре пети печатная	1		50
Книшка Служба святых великомученице Екатерине писана уставом	1		30
Книга печатная Служба благодарственная о дарованной от Бога над шведы победе под Полтавою	1		15
Книга Благодарственный молебен, отправляемый во дни возшествия на всероссийской престол и коронации Ея императорского величества	1		25
Книга Службы святым Захарию и Елисавети печатная, оной налице не явилось	1		25
Книга Службы святому Иоанну Воинственнику печатная	1		20
Катихисис московской печати	1		50
кадил медных	1	1	
укропник медной ветхой	1		10
кропило ветхое	1		0,5
лампадов медных пред святыми иконами	12	24	

	число	рубли	копейки
жестянка	1		1
подсвешников жестяных больших	1		30
малых	2		25
налоев кожаных	2	1	
налоев обложенных самцовою китайкой	2	1	
стол обложен тою ж китайкой	1		50
купель жестяная	1		30
сундуков деревянных	3	5	
замков висячих	4		50
образов писанных на досках			
Пресвятыя Богородицы запрестольной писан на полотне	1		50
Крест запрестольной	1		50
Воскресение Господне на нем дванадесятая праздни-			
ки налойной	1	2	
у жертвенника Пресвятыя Богородицы	1	1	
Спасителей на нем венец серебряной кованой	1	3	
Пресвятыя Богородицы Казанские на ней венец сереб-			
ряные под золотом	1	4	
Пресвятыя Богородицы Владимирские в киоте без венцов	1	1	50
над царскими и над папертными дверми богородичен,	2		30
из оных один поновлен ныне			
святаго великомученика Иоанна Воинственика на нем два			
венца и кругом на полях оклады серебряные позолочены	1	4	50
образа писаны на холсте, из иконостаса			
Спасителей	1	1	
Богородичен	1	1	
Екатерины Христовы мученицы	1	1	
Апостола Петра	1	1	
Отца Николая	1	1	
Сергия Радонежского	1	1	
Александра Невского	1	1	
<i>Утвари</i>			
на престоле покров камчатой темно-коришневой, обло-			
жен камкою лазоревою, крест нашивной камчатой зеленой	1	2	
на жертвеннике одежда темно-коришневая камчатая,			
подольник лазоревою камчатой же	1	1	
покров напрестольной камчатой черной, в круг обложен			
голем двоелишневым, на нем крест лентовой зеленой	1	1	
покров для погребения мертвых китайчетой вишневою	1	1	50
торелка оловянная весом три четверти фунта	1		15
ладанница жестяная	1		2
венцы жестяные	2		20
лампад жестяных	4		50
подсвешник жестяной малинкой	1		3
четвертина оловянная весом 2 1/2 фунта	1		40
блюдо оловянное весом 2 фунта	1		30
кошелек камчатой з жестяной ручкой и медным коло-			
кольчиком	1		20
безмен с медною оправою	1		30
кунган медной луженой	1	1	
выбойки иркецкой один аршин с полу			6

	число	рубли	копейки
Сверх оной росписи излишние налице явилось			
царские врата писаны, на досках, резные	1	8	
амвон среди церкви, обит сукном красным и зеленым	1		65
во святом олтаре для держания священнических одежд			
тумба столярной работы ценою	1		85
в церкви и в трапезе две тумбы для держания свеч	2		85
ценою			
Во время пожара згорело			
святых образов местных на холстах			
образ святого архистратига Михаила	1	1	
образ преподобного Феофана исповедника	1	1	
образ святого благоверного князя Владимира	1	1	
образ святого мученика Бориса	1	1	
образ святого мученика Глеба	1	1	
вверху во иконостасе на досках			
дванадцатые праздники и над оными образ распятия			
Господня погорели все без остатку		6	
во святом олтаре			
на престоле святыи антиминс			
на горнем месте образ Господа Вседержителя и Бого-			
матери и святого Иоанна Предтечи в деисусе		1	
образ Николая чудотворца	1		20
стихари двоелищневой голевой	1		70
книг			
Апостол дестевой	1	1	50
Ирмолог полудестевой	1		50
Служебник печатной	1		50
Реэстр панихидной печатной	1		15
церковных вещей			
во святом олтари над святым престолом балдахин фан-			
зовой зеленой	1	3	
чаша медная водосвященная	1	1	50
кадил медных	3	1	
котел чугуной	1		20
в церкви			
паникадило медное большое	1	80	
лампад хрустальная одна	1	5	
лампада ж медная вверху над царскими вратами	1	2	
подсвешников жестяных три: больших два да один малой	3		75
пономарские двери двой	2	2	
ящик жестяной прибитой у левого крыласа	1		10
ящик деревянной большой для держания пшеничной			
на просфоры муки, во оном ящике муки пшеничной			
тридцать пуд		3	50
вина церковного в склянице с одну осмину			50
масла деревянного в склянице стекляной весом три фунта		1	

К сей оценке екатеринбургской купец Иван Долгоруков руку приложил

К сей оценке екатеринбургской купец Михайла Коротков руку приложил

К сей оценке екатеринбургской купец Иван Коробков руку приложил

ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1290. Л.883 — 890.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Опись Градо-Екатеринбургского Екатерининского собора и его имущества*

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
1	Екатерининский храм, зданием каменный, двухэтажный, с двумя приделами внизу, снаружи и внутри оштукатурен, в длину от восточной стороны алтаря главного храма до западного крыльца 26 саж., в ширину в главном храме 7 саж. и в приделах 12 саж., крыт железом, обнесен каменной с железной решеткой оградой, соединен с трехъярусной колокольней	1	
2	Колоколов медных девять (первый весом 850 п. 8 ф., второй — 215 п. 33 ф., третий — 132 п. 15 ф., четвертый — 72 п. 15 ф., пятый — 21 п. 18 ф., шестой — 9 п. 7 ф., седьмой — 1 п. 23 ф., восьмой — 32 ф. и девятый — 22 ф.)	9	

ГЛАВНЫЙ ХРАМ

3	Алтарь: а) престол деревянный — 1 арш. 8 ^{1/4} верш. × 1 арш. 4 ^{1/2} верш.	1	
4	б) за престолом на деревянной покрашенной тумбе горка из разноцветных яшмовой и топазовой породы камней на мраморной, обложенной малахитом доске, внизу в середине горки сквозная выемка с гробничком в ней, обложенного малахитом; на вершине горки изображение Воскресения Христова в топазовых пластинках с сиянием из топазовых, аквамаринowych и аметистовых камней в серебряной оправе	1	
5	в) запрестольные иконы в деревянных тумбах, крест с живописным изображением Распятия Господа Иисуса Христа и икона Божьей Матери — выносные с рукоятями, оправы медная, частью посеребренная, частью позолоченная	2	

* Опись составлена в связи с передачей собора и его имущества Уральским губисполкомом приходской общине (председатель Копылов) 18 сентября 1920 года.

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
6	г) Горнее место: в окне — живописной работы икона Христа Спасителя — писанное на стекле 48 × 24 верш.	1	
7	д) Между оконными откосами архиерейская кафедра-кресло, оклеенное ореховым деревом с позолоченною деревянной резьбою, на подвижной, обитой красным сукном площадке; подушка и спинка кресла обиты малиновым бархатом	1	
8	е) Жертвенник деревянный 1 арш. 5 ^{1/2} верш.	1	
9	× 1 арш. 6 ^{1/2} верш. × 1 арш. 6 ^{1/4} верш.		
	ж) На Жертвеннике в деревянной позолоченной раме с полуциркульным верхом живописная на полотне икона Распятия Христа Спасителя 20 × 11 верш.	1	
10	з) На стенах в алтаре икон в серебряных ризах, из них две мерою 3 × 4 верш. и одна — 4 × 5 верш., в одной местные уральские камни	3	
11	и) Тумба-подставка мраморная	1	
12	й) Кафедр малых	...*	
13	к) Шкафов для ризницы (примыкающих к Иконостасу)	2	
14	л) Комод с восемью выдвигаемыми ящиками	1	
15	м) Столик-угловик	1	
16	н) " выносной некрашенный	3	
17	о) Аналоя (один — с дверкой и откладной доской, другой — в форме этажерки)	2	
18	п) Умывальница и таз медные	2	
19	р) Зеркало 10 × 7 верш.	1	

СРЕДНИЙ ХРАМ

20	Иконостас столярной работы с резными украшениями, позолочен весь сплошь	1	
21	В 9 ярусах иконостаса 69 икон разного размера, из них: а) над царскими средними вратами в сиянии икона Господа Саваофа, на железе, круглая, в диаметре 5 ^{1/2} верш., в серебряной позолоченной ризе, б) в царских вратах — икона Благовещения Пр. Богородицы, на железе, овальной формы 12 × 11 верш в	69	

* Утрата текста из-за повреждения документа.

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
	сребропозлащенной ризе и четыре иконы евангелистов в таких же ризах — размер $6\frac{1}{4} \times 5\frac{1}{2}$ верш.; в) на южной и северной дверях иконостаса на изображениях венцы серебряные позолоченные и в обоих венцах по три средней величины аметиста и по два золотистых топаза; г) шесть местных икон в серебряных кованых травчатой позолотах ризах с таковыми же венцами, украшенными местными уральскими цветными камнями, из них 23 средней величины и 19 выше средней (размер риз 32×17 верш.)		
22	На царских воротах привесные маленькие иконы Спасителя и Божьей Матери — на финифти в оплековой оправе, вокруг по краям простые стразы, размер 2×2 верш.	2	
23	На колоннах около царских врат две подвешенных иконы гипсовые, сделанные внутри стекла в сребропозлащенной оправе — размер $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ верш.	2	
24	Клиросы столярной работы, в нижней части бронзированы, в верхней части между двумя гладкими позолоченными столбами в сиянии киоты	2	
25	В клиросах, в нижней части, в клеймах в ломовитых полуциркулях на железе иконы: на лицевой стороне — по две иконы мерою 13×7 верш. и на боковой стороне — по одной иконе, писанной на железе же, мерою 12×13 верш.	6	
26	В верхней части клиросов: на правом — икона Божьей Матери в серебряной позолоченной ризе мерою $6\frac{3}{4} \times 6\frac{1}{2}$ верш., на левом — икона Успения Божьей Матери в сребропозлащенной ризе мерою $6 \times 5\frac{1}{2}$ верш.	2	
27	Около клиросов два больших столярной работы, по местам позолоченных киота и в них иконы живописные без ризы, мерою 2 арш. 12 верш. $\times$ 14 верш. и 2 арш. 9 верш. $\times$ 14 верш.	2	
28	В простенке между заклиросным окном и южной дверью икона Св. Благов. Князя Александра Невского, живописная в сребропозлащенной ризе мерою 20×12 верш.	1	
29	В простенке между северной дверью и заклиросным окном икона Св. Тихона Задон-	1	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
	ского, живописная, в деревянном киоте, мерою 19 × 10 верш.		
30	За правым клиросом икона Воскресения Христова, живописная, в киоте столярной работы, позолоченном и резном, 12 × 10 верш.	1	
31	Над боковыми дверями — по иконе: 1) в серебряной ризе, размер 6 × 5 верш. и другая — в шитой серебряной ризе с шестью аметистами средней величины, разм. $4\frac{1}{2}$ × 4 верш.	2	
32	По правую сторону арки икона Св. Великомуч. Екатерины в серебропозлащенной украшенной местными уральскими камнями средней величины (54 шт.) ризе мерою $19\frac{1}{2}$ × $15\frac{1}{2}$ верш.	1	
33	По левую сторону арки, в нише, икона Св. Праведного Симеона и пред ней в стеклянном футляре серебряная рака с частицею мощей; размер раки приблиз. 6 × 10 верш.	1	

ПРАВЫЙ ПРИДЕЛЬНЫЙ ХРАМ

34	АЛТАРЬ. Св. престол из соснового дерева с кипарисною верхнею доскою: дл. 24 верш. и шир. 22 верш.	1	
35	Жертвенник из соснового дерева 16 × 16 верш.	1	
36	В восточном окне алтаря икона Спасителя, живописная, на липовой доске, размер — 24 × 18 верш. в золоченом столярной работы киоте	1	
37	У южного окна вместо подоконника шкаф для ризницы (плотничной работы)	1	
38	Табуреты с малиновой плюшевою подушкою (ветхие)	2	
39	Умывальница медная	1	
40	Зеркало $5\frac{1}{2}$ × $4\frac{1}{2}$ верш.	1	
41	Столик	1	
42	Икона на жертвеннике живописной работы на дереве "Моление о Чаше", размер 10 × 12 верш.	1	
43	На южной и западной стене иконы Божьей Матери в серебряных ризах, размер $4\frac{1}{2}$ × $5\frac{1}{2}$ верш. и 3 × 2 верш.	2	
44	Иконостас столярной работы, весь сплошь вызолочен, четырехъярусный	1	
45	В иконостасе разного размера 29 икон, из них 5 икон нижнего става в серебряных чеканной работы ризах, писанные на железе,	29	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
	размером $28 \times 11^{1/2}$ верш. (икона Спасителя и икона Иоанна Богослова украшены местными уральскими камнями)		
46	За правым клиросом в вызолоченном столярной работы киоте икона Божьей Матери, писанная на дереве, мерою 20×16 верш., риза шитая серебром и золотом, в некоторых местах унизана жемчугом, венец Спасителя и Божьей Матери украшены камнями	1	
47	В таком же киоте за левым клиросом икона Знамение Божьей Матери старинного письма в металлической без пробы ризе, украшенной цветными камнями, из них 3 аметиста крупной величины и 2 дуплета средней величины, размер иконы 31×20 верш. и на ней финифт[яный] образок Спасителя — осыпан уральскими камнями	1	
48	В простом деревянном переносном киоте в багетной золоченой раме живописная икона по золоченому дереву, размер 24×14 верш., в венцах цветные стекла	1	
49	Икона Тихвинской Божьей Матери в серебряной ризе с цветными стеклами, размер 15×12 верш.	1	
50	На южной стене киот столярной работы, покрытый алюминием, в нем икона Трех Святителей, живописная, размер 2×1 арш.	1	
51	В гладких киотах живописной работы икона Иоанна Воина и Алексея человека Божия, размер 20×12 верш.	2	
52	На столбе простой работы киот с 6 иконами, из них 3 в серебряных ризах размером $6^{1/2} \times 7^{1/2}$ верш. и 3 без риз, живописной работы, мерою $8^{1/2} \times 7^{1/4}$ верш.	6	
53	На западной стороне столба в золоченом столярной работы киоте иконы: а) в металлической без пробы ризе мерою 20×15 верш. б) 13 икон в серебряных позолоченных ризах, из них 3 мерою $7^{1/2} \times 6^{1/2}$ верш., одна — 7×6 верш. и четыре невступь (?) — 4×3 верш., две $3 \times 2^{1/2}$ верш., две — $2^{1/4} \times 1^{3/4}$ верш. и одна — $1^{1/2} \times 1^{1/4}$ верш.	14	

ЛЕВЫЙ ПРИДЕЛЬНЫЙ ХРАМ

54	АЛТАРЬ — престол из соснового дерева с кипарис[ою] доскою	1	
----	---	---	--

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
55	Жертвенник деревянный	1	
56	Запрестольные выносные иконы Божьей Матери и крест, деревянные, по местам позолоченные	2 пары	
57	Икона Спасителя в серебряной ризе 3 × 2 верш.	1	
58	Иконостас столярной работы, золоченный сплошь, четырехъярусный	1	
59	В иконостасе разного размера 28 икон, из них четыре мерою 28 × 11 ^{1/2} верш. в серебряных чеканной работы ризах, остальные без риз	28	
60	На дарских вратах подвесные иконы мерою 2 ^{1/2} × 2 верш. в серебряных ризах	2	
61	За правым клиросом [в] позолоченном столярной работы киоте 9 икон, из них две мерою 9 ^{1/4} × 7 ^{1/2} верш., две — 8 × 7 верш., две — 7 на 6 верш. и одна — 7 ^{1/2} × 6 верш. в серебряных и позолоченных ризах: одна мерою 8 × 6 ^{1/4} верш. в шитой серебряной ризе и одна мерою 9 ^{1/2} × 7 ^{1/4} верш. без ризы	9	
62	За левым клиросом в киоте, разделанном под орех, украшенном позолоченными колоннами и резьбою, в золоченой раме икона Святителя Николая в металлической без пробы позолоченной ризе с украшениями камнями, из них 3 аметиста и два топаза средней величины и мелких в карат 13, а всех 18, размер 16 ^{1/2} × 13 верш.	1	
63	На подвижной столярной работы подставке, покрашенной, в багетной золоченой раме икона Св. Праведного Симеона, живописная, без ризы, мерою 26 × 18 верш.	1	
64	В простом киоте в багетной золоченой раме икона Св. Пантелеимона, живописная, без ризы, мерою 14 × 11 верш.	1	
65	В столярной работы крытом алюминием [киоте] икона Св. Алексия и Благ. Ольги, живописная, без ризы, мерою 2 × 1 арш.	1	
66	На крытом алюминием аналое в золоченой багетной раме икона тех же святых в серебряной позолоченной раме, 4 × 3 ^{1/2} верш.	1	
67	Икона Успения Божьей Матери в простом киоте, украшена цветными стеклами, размер 7 ^{1/2} × 6 ^{1/2} верш.	1	
68	Киот с 12 иконами по месяцам, размер каждой иконы 8 ^{1/2} × 10 ^{1/2} верш.	12	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
69	Икона "Тайная вечеря", шитая гарусами разных цветов, в вырезной золоченой раме, размер 15 × 10 верш.	1	
70	В простом киоте икона Николая Чудотворца в серебряной позолоченной ризе, около 7 × 6 верш., венец украшен 5-ю самоцветами	1	
71	В стеклянном футляре Св. плащаница, писанная на кипарисной доске в серебропозлащенной ризе, украшенной аметистами; бордюры красного бархата с вышитыми по нему золотом словами, размер верхней доски 44 × 18 верш.	1	
72	На западной стороне левого столба в золоченом столярной работы киоте иконы Спасителя и Божьей Матери в металлических без пробы ризах, позолоченных, мерою каждая 20 × 15 верш.	2	
73	Прикрепленный к квадратной площадке Животворящий Крест Господен живописной работы, без ризы и украшений, мерою 3 × 1 ^{1/2} арш.	1	
74	В трапезной части храма в позолоченном иконостасе на деревянных досках без риз шесть икон мерою 31 × 20 верш.; 3 иконы осмиугольной формы — 24 × 24 верш., две — 38 × 13 верш. и в арке 3 изображения херувимов	14	

ВЕРХНИЙ ХРАМ

75	Св. престол деревянный с кипарисовою верхнею доскою	1	
76	Жертвенник соснового дерева	1	
77	Против престола в золоченой деревянной раме, украшенной резьбою, икона Божьей Матери, писанная на холсте, мерою 3 × 2 ^{1/2} арш.	1	
78	На восточной стене 2 иконы: Спасителя и Божьей Матери, писанные на дереве, в простых покрашенных голубой краской рамах, мерою 29 × 15 ^{1/2} верш. и одна, писанная на холсте, в такой же раме, мерою 28 × 20 верш.	3	
79	Икона Воскресения Христова, в простом киоте, в позолоченной с резьбой раме, писанная на дереве, мерою 9 ^{1/2} × 8 ^{1/2} верш.	1	
80	Около жертвенника икона Воскресения Христова, писанная на холсте, без киота, мерою 17 × 12 верш., формы овальной	1	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
81	Столик один квадратный, другой — столярной работы, круглый	2	
82	Комод грубой работы с пятью ящиками	1	
83	В иконостасе все иконы живописной работы, без риз, из них четыре на царских вратах мерою $6 \times 4^{3/4}$ верш., четыре — мерою 2 арш. 7 верш. $\times$ 20 верш., и две — 3 арш. 9 верш. $\times$ 20 верш., и семь — 7 $\times$ 8 верш., и две подвесные, мерою $3 \times 2^{1/2}$ верш.	19	
84	В двух заклиросных киотах 12 праздничных икон, каждая мерою $8^{1/2} \times 7$ верш.	12	
85	В арке столярной работы [в] золоченом иконостасе пять икон мерою $13^{1/2} \times 15$ верш. и 4 — мерою $25^{1/2} \times 29$ верш., все иконы на дереве, без риз	9	
86	В притворе [в] простых покрашенных киотах две иконы мерою 20×14 верш.	2	
87	Икона Божьей Матери, писанная на дереве, в шитой серебром ризе, украшенной камнями и дуплетами в количестве 39 штук, мерою $11^{1/4} \times 9$ верш.	1	
88	Икона Св. Алексия в серебряной позолоченной с эмалью ризе, икона Божьей Матери в серебряной позолоченной ризе*, то же в серебряной ризе с золоченым венцом — все три мерою по 6×5 верш.	3	
89	Икона Покров Божьей Матери на кипарисовой доске в серебряной позолоченной ризе, мерою $10 \times 8^{1/2}$ верш.	1	
90	В ореховом резном киоте икона Воскресения Христова в серебряной с эмалью ризе, мерою $8^{1/2} \times 7$ верш.	1	
91	Икона Спасителя в серебряной позолоченной ризе с украшенным камнями венцом в металлическом киоте, мерою 7×6 верш. (венец усыпан уральскими камнями)	1	
92	Икона Св. Великомученицы Екатерины живописной работы, размером одна — 12×10 верш. и другая — $8^{1/2} \times 7$ верш., и третья — $8 \times 4^{3/4}$ верш.	3	
93	Икона Св. Николая живописной работы, по дереву вызолоченная, размер 8×7 верш.	1	
94	В ризнице старинного и нового письма икон без риз (9 — 3×4 верш., 19 — $3^{1/2} \times 4^{1/2}$ верш., 15 — $4^{1/2} \times 6$ верш., 7 — 5×7 верш., 23 — 6×7 верш.)	73	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
95	Там же в металлических без пробы ризах (ветхие) 15 — 2 3 верш., 6 — 3 × 4 верш., 9 — 7 × 5 верш., 2 — 8 × 7 верш. и одна — 9 × 11 верш.	33	
96	Евангелие, изд. 1759 г., в лист, опайное, медное чеканной работы, на верхней доске изображение Воскресения Христова и по углам 4-х евангелистов, серебряное позолоченное, размер верхней доски 16 ^{1/2} × 11 ^{1/2} верш.	1	
97	Евангелие, изд. 1851 г., в лист, опайное, в серебропозлащенной оправе, доски колканской яшмы, окаймленные белыми круглыми топазами, изображение на склейном белом топазе живописное, среднее изображение окаймлено в два ряда аквамаринами, остальные — в один ряд топазами; на верхней доске 14 звезд из аквамаринов, мерою 11 × 8 верш.	1	
98	Евангелие, изд. 1830 г., в лист, опайное, серебропозлащенное, изображения живописные на финифти, украшенные ободками из стразовых звездочек, мерою 12 × 8 верш. Из украшений нет одной звездочки и одного луча.	1	
99	Евангелие, изд. 1871 г., в лист, опайное, без украшений, серебропозлащенное, мерою 8 × 5 ^{1/2} верш.	1	
100	Евангелие, изд. 1812 г., в 1/8 долю листа, опайное, серебряное позолоченное, окаймленное белыми топазами с 10 аметистовыми звездочками, мерою 4 × 2 ^{3/4} верш.	1	
101	Евангелие, изд. 1873 г., в 1/8 долю листа, опайное, серебряное позолоченное, мерою 5 × 3 ^{1/2} верш.	1	
102	Евангелие, изд. 1862 г., в лист, в черном бархате, верхняя крышка обложена серебром, позолоченная, на задней доске — средник и наугольники серебряные, размер 10 × 7 верш.	1	
103	Евангелие, изд. 1717 г., в лист, в бархатном малиновом переплете, изображения на нем металлические без пробы, мера 10 × 7 верш.	1	
104	Евангелие, 1771 г., в лист, в бархатном красном переплете, изображения Воскресения Христова и 4-х евангелистов серебряные позолоченные, мера 8 × 5 верш.	1	

* Очевидно, пропущено название третьей иконы.

Приложение 2

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
105	Евангелие, изд. 1863 г., в 1/8 долю листа, поношенное, в бархатном малиновом переплете, с серебряными изображениями Воскресения Христа и 4-х евангелистов, мерою 5 × 3 ^{1/2} верш.	1	
106	Евангелие киевского издания 1864 г., в 1/8 долю листа, в бархатном малиновом переплете, верхняя доска обложена серебром в позолоте, мерою 4 × 3 верш.	1	
107	Таковое же мерою 5 ^{1/2} × 4 верш., изд. 1893 г.	1	
108	Евангелие, изд. 1756 г., в лист, в бархатном малиновом переплете с металлическими без пробы изображениями, мерою 10 × 6 ^{1/2} верш.	1	
109	Крест серебряный позолоченный, украшенный стразами с 10-ю розовыми дуплетами, длина 11 верш., а поперечник 7 верш.	1	
110	Крест серебряный позолоченный, украшенный самоцветами, длина 9 верш., поперечник 5 ^{1/2} верш.	1	
111	Крест серебр. позолоч. с двумя аметистами, длина 9 верш. и поперечник 6 верш.	1	
112	Крест серебряный под золотом чеканной выпуклой работы, длина 9 верш., поперечник 5 ^{1/2} верш.	1	
113	Крест серебропозлащенный, изображение под чернедью, длина 7 ^{1/2} верш., поперечник 5 верш.	1	
114	Крест серебропозлащенный с литым распятием, длина 8 верш., поперечник 5 верш.	1	
115	Крест серебропозлащенный, гладкий, длина 7 верш., поперечник 4 верш.	1	
116	Крест серебропозлащенный малый с круглою рукоятью, величиной 4 верш.	1	
117	Малый крест медный с круглой рукоятью	2	
118	Крест пасхальный топазовый, украшенный топазами и тяжеловесами, в серебряной оправе с серебр. трехсвечником	1	
119	Такой же крест без трехсвечника (поломан)	1	
120	Потир серебряный, снаружи и внутри вызолоченный, на перейме три символических изображения Веры, Надежды и Любви, при нем дискос, звездница, две тарелочки, лжица, копие и коец*	1 компл	
121	Потир серебряный, снаружи и внутри вызолоченный, изображения на нем: одни финиф-	1 компл	

* Так в тексте. Скорее всего, должно быть "ковчег".

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
122	Потир серебряный вызолоченный, с финифтяными на нем изображениями, обложенными стразами, низ украшен четырьмя крупными топазами, восьмью зелеными и белыми дуплетами и восьмью малыми топазами; при нем дискос, звездница, две тарелочки, лжица и копие	1 компл	
123	Потир серебряный вызолоченный, с четырьмя сверху и с шестью внизу финифтяными изображениями; при нем дискос, звездница, две тарелочки. Сетка на потире поломана	1	
124	Потир серебряный позолоченный, весьма подержанный, при нем дискос и звездница	1	
125	Потир серебряный позолоченный, малого размера, совершенно гладкий, при нем звездница и 2 тареловки*	1	
126	Потир каменный из белого топаза с выпукловырезанными четырьмя иконами, при нем таковой же дискос, окаймленный в два ряда топазами, и звездница, состоящая из местных камней	1	
127	Потир оловянный без прибора	1	
128	Корцев серебряных равной величины	6	
129	Дарохранительница серебряная позолоченная, с литыми и чеканными изображениями, весу 6 ф. 90 золот.	1	
130	Таковая же меньшего размера	1	
131	Дарохранительница серебряная позолоченная, с финифтяными изображениями	1	
132	Ковчег для хранения агнца в Великом посте, весу 2 ф. 60 золот., серебряный	1	
133	Панагия из оренбургской яшмы с изображением Спасителя, обложена крутом аквамаринами и аметистами, с серебряной мелкой цепочкой	1	
134	Архимандричий крест, изображение распятия на финифти, кругом обложен средней величины топазами, наверху изображена мелким топазом корона и в середине 3 дуплета, а внизу подвесок с мелкими топазовыми искрами и в середине его аквамариновый камень	1	

* Так в тексте.

Приложение 2

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
135	Дикий и трикий серебряные вызолоченные	1 пара	
136	То же, медные	1 пара	
137	Кувшинчик умывальный серебряный (небольшой), ручка деревянная, вес 1 ф. 33 золот.	1	
138	Блюдо серебряное, весу 2 ф. 6 золот.	1	
139	Серебряный тазик, вес 3 ф. 84 золот.	1	
140	Серебряная тарелка, в диаметре 6 верш., вес 1 ф. 62 золот.	1	
141	Такая же тарелка, в диаметре 4 ^{1/2} верш.	1	
142	Поднос кованый медный, посеребренный, 12 x 10 верш.	1	
143	Сосуд для освещения хлебов серебряный, вес 5 ф. 54 золот.	1	
144	То же, медный посеребренный	1	
145	Чаша для освящения воды, серебряная	1	
146	Брачные венцы серебряные позолоченные, чеканной работы, украшенные самоцветами	1 пара	
147	То же, медные	1 пара	
148	То же, медные позолоченные	1 пара	
149	Купель зеленой меди, вышины 8 ^{1/2} верш., диаметр 12 ^{1/2} верш.	1	
150	То же, красной меди	1	
151	Хоругви металлические, ажурной работы	3 пары	
152	То же, бархатные алого цвета, шитые золотом, с серебряной золоченой бахромой и шнуром	1 пара	
153	То же, на алой шерстяной материи	2 пары	
154	То же, на шелковой, ветхие	2 пары	
155	То же, железные	1 пара	
156	Паникадило медное серебряное в 5 ставов по 7 свеч	1	
157	Люстра медная золоченая в 12 свеч	1	
158	Паникадило 2-ярусное медное серебряное в 21 свечу	1	
159	То же, в 18 свеч	1	
160	То же, в 16 свеч	1	
161	То же, одноярусное в 7 свеч	1	
162	Люстра бронзированная металлическая в 12 свеч (вверху)	1	
163	Запрестольный семисвечник медный серебряный	1	
164	Запрестольных подсвечников медных	3	
165	На жертвеннике трехсвечник медный	1	
166	Подсвечников больших местных, медных посеребренных, разных размеров	25	
167	Подсвечников среднего размера, медных посеребренных, из них на одном верхняя доска мраморная	12	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
168	Выносных подсвечников, из них 20 сильно подержанных, металлические без пробы	23	
169	Лампад большого размера на цепях, медных посеребренных	8	
170	То же, среднего размера	12	
171	То же, малого размера	4	
172	Кадило серебряное	2	
173	Кадило то же, подержанное, цепи перегорели	2	
174	То же, совершенно ветхие	1	
175	То же, медное	2	
176	Подносик серебряный золоченый, длиной невступь 7 верш. × 3 верш.	1	
177	Блюдо в диаметре 5 верш., металлическое без пробы золоченое	1	
178	Тазик продолговатый медный луженый	1	
179	Кувшин белый металлический без пробы	1	
180	То же, без пробы, весом 2 ф. 60 золот.	1	
181	То же, белого металла для крещенской воды	3	
182	Чайник белый металлический для теплоты	1	
183	Медная панихидница на жестяном подносе	1	
184	Архиерейская кафедра железная, на ней пуховая подушка, обшитая малиновым бархатом	2	
185	Архиерейское кресло-подушка малинового бархата	1	
186	Орлецы бархатные фиолетового цвета на кожаном подкладе	1	
187	Табурет, обшитый малиновым бархатом	1	
188	Аналои для икон резной работы, позолоченные, с 4-мя медными скосами, с 4-мя круглыми иконами, $9^{3/4} \times 7^{1/2}$ верш.	2	
189	Аналои клиросные, выносные и для поставки икон, деревянные	14	
190	Аналогий, покрашенный по холсту, с иконой Праведн. Симеона в золоченой багетной раме $7^{1/2} \times 5$ верш.	1	
191	Тумба для Ковчега с мощами, покрашена масляной белой краской и по местам украшена золоченой резьбой	1	

АРХИЕРЕЙСКОЕ ОБЛАЧЕНИЕ

192	Митра, шитая золотом по гладкому белому глазету, на ней 9 финифтяных икон, оправленных в серебро, в разных местах украшена цветными камнями	1	
-----	---	---	--

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
193	Мантия атласная, верхние скрижали малинового бархата, обложенные позументом, кресты шиты золотом, с 3 серебряными звонками, мантия на белом шелковом подкладе	1	
194	Саккос белого глазета муарэ, оплечье, рукава, бока и подол шиты шелком разных цветов, на спине звезда, шитая золотом, украшена цветными камнями; к нему омофор, палица и пр. приборы	1 компл	
195	Саккос парчовый, по желтому фону фиолетовые бархатные цветы (с приборами)	1 "	
196	Таковой же, по желтому фону разные цветы, рытого бархата, с приборами	1 "	
197	Таковой же, по белому фону с малиновыми бархатными цветами, к нему прибор	1 "	
198	То же, рытого синего крестового бархата	1 "	
199	Желтой парчи саккос с прибором	1 "	
200	То же, из атласной белой парчи с золочеными цветами, с прибором	1 "	

СВЯЩЕННИЧЕСКИЕ ОБЛАЧЕНИЯ

201	Риза красная бархатная, на оплечье икона, и все оплечье и подол крутом, а также по всей ризе букеты цветов, шитые золотом и серебром, к ней прибор	1 компл	
202	Риза бархатная, в цвет предыдущей, украшенная шитьем золотом и серебром, без прибора	3	
203	Ризы из атласной парчи с золочеными по белому фону цветами, с приборами	4 компл	
204	То же, белые парчовые, с разными рисунками, с приборами	6 "	
205	То же, желтые парчовые, разных рисунков, с приборами	7 "	
206	То же, по голубому атласу серебристые цветы, с приборами	4 "	
207	То же, по зеленому атласу серебристые цветы	1 "	
208	То же, рытого бархата, по желтому фону синие кресты, с приборами	4 "	
209	То же, из зеленого рипса с золочеными ткаными крестами и золоченым оплечьем из пунцового бархата	4 "	
210	Ризы малинового рытого бархата по белому фону, с приборами	4 "	
211	То же, по желтому фону красные цветы	4 "	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
212	То же, зеленого рытого бархата, с разными цветами по золотистому фону, с приборами	4 компл	
213	То же, траурные из черного бархата	4 "	
214	То же, по желтому фону фиолетовые цветы	1 "	
215	То же, голубые	2 "	
216	То же, по желтому фону зеленые бархатные цветы	1 "	
217	То же, бархатные малиновые	2 "	
218	Старинных ковровых риз, без приборов	8	Половина из них предназначена на перешивки на стихари и на приборы к ризам
219	Риз без приборов, сильно поношенных, ветхих и непригодных к дальнейшему употреблению	20	
220	Протодиаконские стихари: стихарь из белого глазета, шитый шелком разных цветов	1	
221	То же, рытого малинового бархата по белому фону	1	
222	То же, малиновый бархатный гладкий	1	
223	То же, парчовый желтый	1	
224	То же, парчовый желтый с фиолетовыми цветами	1	
225	Диаконские стихари: стихари черные бархатные	5	
226	То же, рытого малинового бархата по белому фону	3	
227	То же, малинового бархата цветы по желтому фону	1	
228	То же, зеленого рытого бархата с разными цветами по золотистому фону	3	
229	То же, зеленого рытого бархата по золотистому фону	1	
230	То же, парчовый, по желтому фону бордовые цветы	1	
231	То же, парчовые, по желтому фону фиолетовые цветы	1	
232	То же, красный бархатный, шитый серебром и золотом, значительно потертый	1	
233	Бумажной материи стихарь бордового цвета с металлическими затканными цветами	1	
234	То же, бумажный фиолетовый (поношенный)	1	
235	То же, по желтому фону зеленые цветы (поношенный)	1	
236	То же, малиновые — бархатный и плюсовый	2	Рваные
237	То же, парчовый желтый, разных рисунков	6	

Приложение 2

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
238	Стихари из белого атласа с затканными золотистыми цветами	3	
239	То же, из белой парчи, разных рисунков	8	
240	То же, из голубого атласа с серебристыми цветами	3	
241	То же, рытого бархата, синие кресты по желтому фону	3	
242	То же, парчовый, по желтому фону фиолетовые рисунки	1	
243	То же, из зеленого рипса с золотистыми крестами и оплечьем, с пунцовым ораером и поручами	2	
244	То же, из белой парчи с малиновыми крестами	1	
245	То же, из желтой парчи с синими крестами	2	
246	То же, парчовый, по белому фону голубые цветы	2	Весьма ветхие, некоторые порваны
247	То же, " " " " зеленые цветы	2	
248	То же, " " " " по желтому фону фиолетовые цветы	1	То же
249	То же, гладкой золотистой парчи	1	То же
250	То же, белых	6	То же
251	То же, из зеленого атласа с серебристыми цветами	1	То же
252	Подризников, из них шелковых 25 шт., полушелковых 17 шт., шерстяных — шт., разных цветов, всего 42 шт.	42	
253	Облачение для престола и жертвенника из белой парчи	9 пар	
254	Детских стихарей, весьма поношенных	28 шт.	
255	Облачение для престола и жертвенника без цветов и с цветами с зелеными, бордовыми, фиолетовыми	6 пар	
256	То же, черные бархатные	1	
257	Напрестольные покровы (шелковых 27 шт., бархатных 1 шт. и шерстяных 2 шт., полушелковых 6 шт.) всего	36	
258	Напрестольная плащаница бархатная 1 ^{1/2} арш. × 1 ^{1/4} арш.	1	
259	То же, шелковые 1 ^{1/4} × 1 арш.	2	
260	То же, шелковые фиолетовые 1 ^{3/4} × 1 ^{1/3} арш.	1	
261	Одежда для аналогиев из парчи разных цветов	31	
262	Покрывал для аналогиев шелковых 8 шт., шерстяных 4 шт., бумажных 14 шт., ...тых 27 шт., а всего	53	
263	Покров бархатный малиновый, 3 × 2 арш.	1	
264	" " шелковый, 4 × 2 арш.	1	

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
265	Воздухов плетеных из металлич. проволоки 42 компл один, бархатных 18 шт., шелковых 16 шт., парчовых 7 шт., а всего		
266	Завес для царских врат шерстяных, 4 × 5 шт. 2 ^{1/2} арш.		
267	То же, шелковых, 4 × 2 ^{1/2} арш.	7	
268	То же, шелковых, 3 ^{1/2} × 2 ^{1/2} арш.	3	
269	То же, шерстяных, 3 ^{1/2} × 2 ^{1/2} арш.	6	

ТРОПИНКИ И КОВРЫ

270	Тропинок шерстяных серых с полосками 5/4-ых	2 куска по 18 арш.	
271	То же, красн. суконн. 6/4 -е	1 кус. в 46	
272	То же, шерстян. сер. 11/4-е	2 кус. по 20	
273	Красная суконная 4/4-ая	1 " в 14 арш.	
274	То же, ковровая 7/4	14 арш. длинной	
275	То же, плетен. из суконных кромок, ар- шинные	2 кус. в 20 и в 12 арш.	
276	То же, полосатая 5/4 -ая в 5 арш.	1 кус.	
277	Ковров шерстяных 1 ^{3/4} × 3 арш.	3	
278	То же, " 1 ^{3/4} × 4 арш.	...	
279	То же, старый, 1 ^{1/2} × 1 ^{3/4} арш.	1	
280	То же, бухарский старый, 2 ^{3/4} × 7 арш.	2	
281	То же, бухарский тоже старый, 2 ^{3/4} × 6 арш.	1	
282	То же, шерстяной, 1 ^{1/4} × 2 ^{1/2} арш.	1	
283	Красного сукна для амвона с парусинной подшивкой, 3 × 12 арш.	1	
284	То же, с такой же подшивкой 2 ^{1/2} × 7 ^{1/2} арш.	2	
285	Ковер веревочный 5/4..* 5 кусков, 1 в 34 арш. и 4 в 16 арш.	?	
286	Сукно красное с парусинной подшивкой, 3 × 4 арш.	1	
287	Фисгармония для хора, поломана	1	
288	Часы стенные одни, поломанные	2	
289	Самоваров медных	2	
290	Бак для крещенской воды	1	
291	Стульев сосновых старых	6	
292	Табуретов	6	
293	Скамеек сосновых	2	
294	Столов старых больших	2	

* Так в рукописи.

Приложение 2

№ п/п	Наименование предметов	Кол-во	Примечание
295	Конторок свечных	4	
296	Подмости с перилами	1	
297	Шкафов утварных	2	
298	Вешалок для одежды	3	
299	Шкафов ризничных	6	
300	То же, архивных	2	
301	То же, библиотечных	2	
302	Книг разного содержания по каталогу значится	1237	томов
303	Репиды медные	1 пара	
304	Лент на иконах (бархатных 4 шт., шелковых 4 шт., парчовых 2 шт.), а всего	10	
305	Каменный двухэтажный, с каменными и полукаменными флиглями по 2-й Береговой под № 34 дом	1	
306	Деревянный одноэтажный с флиглем и баней по 2-й Береговой № 43 дом	1	
307	Деревянный же одноэтажный дом по Васенцовской улице № 109 в	1	
308	Наличными деньгами на 1/14 сентября оказалось согласно с книгами тридцать тысяч триста шестьдесят девять руб. 15 коп.		

По сей описи сдали
18/IX 1920

Член УГуб Исполкома (подпись)
Члены ГорСовета (подписи)

По сей описи приняли

Председатель общин. совета (подпись)
Товарищ председателя (подпись)
за казначея (подпись)
за секретаря (подпись)

Священник (подпись)

ГАСО. Ф.575. Оп.1. Д.12. С. 1 — 14.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Материалы к биографическому словарю прихожан-активистов екатеринбургского Екатерининского собора

Волков Александр Алексеевич (ок.1839, Даниловский у. Ярославской губ. — 25.02.1895, Екатеринбург). Родился в семье крепостных крестьян, ставших впоследствии екатеринбургскими мещанами, а затем купцами. Купец 2-й гильдии. Со временем продолжил семейный бизнес (торговля винами и фруктами). Активно участвовал в общественной жизни Екатеринбурга: в 1868 г. был помощником комиссара по городскому имуществу, а в 1876 — 94 гг. — гласным Городской думы, членом учетного комитета Городского общественного банка (14.01.1881 — 18.01.1889) и его директором (24.10.1890 — 20.12.1894), действительным членом Православного миссионерского общества и совета Братства святого праведного Симеона Верхотурского, старостой Екатерининского собора. 9 июля 1880 г. за деятельность в качестве старосты Екатерининского собора получил благословение Святейшего Синода, а 9 декабря 1885 г. — признательность министерства народного просвещения за пожертвование 1-й женской гимназии. Отпевание А.А.Волкова состоялось 27 февраля 1895 г. в Екатерининском соборе. Погребен на приходском кладбище.

Лит.: Город Екатеринбург. Екатеринбург, 1889.

Гущин Михаил Никандрович (ок.1867 — ?). Из мещан. В Екатеринбурге проживал с 1874 г. Владел малярно-орнаментным заведением, основанным в 1889 г., также брал подряды на проведение строительных (в основном отделочных) работ. Принимал активное участие в общественной жизни Екатеринбурга: был гласным Городской думы (1910 — 13), членом 2-го городского по квартирному налогу присутствия, попечительного совета Александровской богадельни, членом-жертвователем Екатеринбургского вольного пожарного общества, состоял помощником казначея Общества хоругвеносцев. В 1912 г. был избран старостой Екатерининского собора. Будучи членом строительного комитета, принимал активное участие в строительстве нового здания епархиального училища, которое было освящено 1 января 1917 г. В январе 1917 г. за отличия по министерству финансов был пожалован золотой медалью “За усердие” для ношения на груди на Аннинской ленте.

Лит.: Уральская жизнь. 1917. 12 янв.

Дмитриева Мария Михайловна (10.12.1870, Екатеринбург — 1942, Свердловск). Дочь екатеринбургского купца Михаила Ивановича Дмитриева. В 1888 г. окончила женскую гимназию с золотой медалью, а в 1889 г. — 8-й дополнительный класс женской гимназии, получив звание домашней наставницы. После окончания гимназии 2 года работала в час-

тной женской профессиональной школе М.А.Алексеевой, затем преподавала в мужском классе для взрослых. В 1894 г. вместе с М.И.Шабалиной открыла при церковно-приходском попечительстве Екатеринбургского собора школу грамоты и рукоделия (существовала свыше 10 лет). После гибели во время русско-японской войны своего брата, П.М.Дмитриева, создала школу грамоты его имени (существовала до 1909 г.). В этот же период работала в качестве учительницы при детском убежище Екатеринбургского благотворительного общества, а также обучала грамоте арестанток Екатеринбургской тюрьмы. В 1907 г. благодаря ее усилиям была открыта женская профшкола (существовала до 1921 г.). В 1906 г. основала на собственные средства библиотеку-читальню им. П.М.Дмитриева. В эти же годы была активным членом Общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, а также членом правления Уральского союза борьбы с детской смертностью.

В годы первой мировой войны работала учительницей в школе при детском убежище Общества милосердия и при школе благотворительного общества, кроме того, она преподавала на курсах для солдат и на вечерних курсах для взрослых. В 1918 — 22 гг. работала в Народном университете и одновременно заведовала 4-й районной библиотекой, созданной на базе библиотеки-читальни им. П.М.Дмитриева. С 1921 г. работала учительницей в школе № 44 первой ступени, позднее — в школе № 8.

Источники: ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.1982. Л.41; Ф.Р-170. Оп.2. Д.1175. Л.5-6.

Дрозжилов Алексей Александрович (25.01.1842, Екатеринбург — 14.10.1915, Екатеринбург). Принадлежал к старинному купеческому роду. Его дед, Дрозжилов Алексей Васильевич, был ярославским купцом, в 1813 г. приписался к екатеринбургскому купечеству, активно участвовал в общественной жизни Екатеринбурга: был бургомистром (1826 — 29) и городским головой (1835 — 38). Один из сыновей, Александр Алексеевич, получил образование и служил в уральских казенных округах, прежде всего в Златоустовском горном округе, где занимался разведкой золотых промыслов. В 40-х гг. XIX в. имел звание подполковника корпуса горных инженеров, за отличную службу был возведен в потомственное дворянство.

Его сын, Алексей, получил домашнее образование. В 1860-х гг. стал золотопромышленником: разрабатывал золотые прииски в Оренбургской и Пермской (Южно-Верхотурский округ) губерниях, в Сибири, в том числе и в компании с другими предпринимателями, в частности со своей супругой Ольгой Ивановной Дрозжиловой и Алексеем Михайловичем Ивановым. Некоторое время разрабатывал в Камышловском уезде Веро-Афанасьевский каменно-угольный отвод. В начале XX в. перенес центр деловой активности в Оренбургскую губернию. Был тесно связан с Сибирским торговым банком, являясь владельцем крупного пакета его акций. Неоднократно избирался членом совета банка, а в апреле 1904 г. был избран членом екатеринбургского правления Сибирского торгового банка.

Активно участвовал в общественной жизни Екатеринбурга: был гласным Городской думы (1872 — 76, 1880 — 91), членом попечительных советов 1-й женской (1884 — 915) и мужской (с 1884 г.) гимназий (неоднократно оказывал им материальную помощь), а также почетным членом Общества вспомоществования недостаточным ученикам реального училища, действительным членом Общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, состоял действительным членом Общества для содействия русской промышленности и торговли, Благотворительного общества и общества правильной охоты (с 1908 г. почетный член).

Свыше 10 лет являлся членом церковно-приходского попечительства при Екатерининском соборе, а также старостой собора. На свои средства неоднократно ремонтировал здание церковно-приходской школы. Многие сделал для увеличения средств попечительства, которые шли на содержание школы и раздачу пособия бедным. За 10 лет его руководства попечительством было выдано пособий на 8 072 руб., а на содержание школы было израсходовано 7 498 руб. На собственные средства ремонтировал здание собора, возвел чугунную ограду. За свою деятельность получал архипастырские благословения с выдачей свидетельств в марте 1901 г. и декабре 1912 г. Отпевание А.А.Дрозжилова состоялось 16 октября 1915 г. в Екатерининском соборе. Погребен на монастырском кладбище.

В память о его благотворительной деятельности был учрежден капитал певческого фонда имени А.А.Дрозжилова, а в Стефановском приделе Екатерининского собора помещена икона св. Алексея и благ. Ольги в киоте (размер 1,4 x 0,7 м).

Лит.: Отчет о деятельности попечительного совета екатеринбургской женской гимназии за 1896 год. Екатеринбург, 1897. С.7; Материалы к совещанию углепромышленников Восточного склона Урала 15 сент. 1909. Екатеринбург, 1909. С.10.

Железнов Алексей Анфиногенович (1854, С.-Петербургская губ. — ок.1926). Из мещан. Получил домашнее образование. В 1877 — 78 гг. участвовал в русско-турецкой войне, затем стал служащим акционерного общества "Б.И.Виннер". Предложил основать филиал фирмы на Урале и в Западной Сибири, а затем возглавил его. С начала 1880-х гг. проживал в Нижнем Тагиле, поскольку там находился склад взрывчатых веществ фирмы Виннера. Со временем основал подобные склады в Миассе (1891) и Екатеринбурге. В 1895 г. приписался к екатеринбургскому купечеству (купец 2-й гильдии). Впоследствии переселился в Екатеринбург. Помимо службы в фирме Виннера, вел самостоятельные торгово-промышленные операции. В 1902 г. стал совладельцем серебросвинцового завода с рудниками, а также месторождения каменного угля в Тургайской области. В 1904 г. основал Воскресенский золотой прииск в Енисейской губернии, а в 1906 г. вошел в товарищество "Коротков и Железнов", которое занялось разработкой золотых приисков в Троицком уезде Оренбургской губернии. Также был посредником при продаже приисков, рудников и пр. В 1906 г. продал серебросвинцовый завод,

рудники и месторождения каменного угля П.Ф. фон-Штейну. В 1908 г. стал членом фирмы, созданной для разработки Егоршинского каменно-угольного месторождения.

Принимал активное участие в общественной жизни Нижнего Тагила и Екатеринбурга: являлся старостой кладбищенской Скорбященской церкви (Нижний Тагил); в 1897 г. при его материальном участии была создана приходская женская школа грамоты; в Екатеринбурге состоял действительным членом Общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, членом Общества вспомоществования недостаточным ученикам мужской гимназии, действительным членом комитета Православного миссионерского общества, членом-сотрудником православного Палестинского общества (с 1901), пожизненным членом-жертвователем Екатеринбургского вольного пожарного общества (1911), действительным членом УОЛЕ (с 1903). Для музея УОЛЕ пожертвовал 500 руб., на которые были приобретены археологические находки с Шигирского озера. Являлся зрителем 2-го городского четырехклассного училища (1910), был одним из активнейших членов Екатеринбургского общества поощрения коннозаводства, а также его вице-президентом (12.08.1905 — 1909) и пожизненным почетным членом (с 1909).

Имел награды (знаки отличия военного ордена 3-й и 4-й степени, черногорскую серебряную медаль). Получал архипастырское благословение с выдачей свидетельства: "За честную и полезную восьмилетнюю службу" старостой Нижне-Тагильской Скорбященской церкви (1903); за пожертвование Екатеринбургскому собору (сентябрь 1912). В 1919 г. эвакуировался в Сибирь и поселился в Томске, где проживал до 1926 г. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

Лит.: Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1913 год. Уфа, 1913. С.210; ЕЕВ. 1903. № 5. 1 марта.

Злоказов Алексей Матвеевич (ок.1847, Касли — 24.05.1903, Екатеринбург). Из крепостных крестьян. Получил домашнее образование. После отмены крепостного права занялся предпринимательством. В 1874 г. приписался к купеческому сословию (купец 2-й гильдии). Был известен как крупный мукомол. Помимо мельниц и имения (половина с.Метлино), имел торговое заведение в Екатеринбурге.

Участвовал в общественной жизни города: состоял членом городского сиротского суда (1896 — 1902), в 1902 г. был избран членом городской управы Екатеринбурга и заступающим место городского головы; являлся действительным членом благотворительного общества и членом его исполнительного комитета; принимал участие в деятельности церковно-приходского попечительства при Екатеринбургском соборе. Современники отмечали, что он имел "... природный ум и большой житейский опыт".

Отпевание А.М.Злоказова состоялось 27 мая 1903 г. в Екатеринбургском соборе. Погребен на монастырском кладбище.

Лит.: Уральская жизнь. 1903. 28 мая.

Михайлов Федор Алексеевич (ок.1811 — ?). Из мещан, с 1847 г. екатеринбургский купец 3-й гильдии. Получил домашнее образование. Еще будучи мещанином, занялся предпринимательством. В начале 1850-х гг. торговал железными изделиями. В этот период имел в Екатеринбурге 3 лавки. Со временем стал купцом 2-й, а затем и 1-й гильдии. Вкладывал средства в покупку золотых приисков: в начале 1860-х гг. приобрел с торгов золотой прииск в Гороблагодатском горном округе, а затем ряд приисков в Сибири. Имел в Екатеринбурге каменный двухэтажный дом с флигелем, службами и баней.

Неоднократно избирался в состав органов городского самоуправления Екатеринбурга. В частности, был ратманом (1841 — 44), кандидатом бургомистра (1854 — 57), бургомистром (1857 — 60). В 1849 — 64 гг. был церковным старостой Екатерининского собора. В 1853 г. пожертвовал 10 тыс. руб. серебром Екатерининскому собору; на его деньги был отремонтирован иконостас собора. Неоднократно жертвовал средства на церковные нужды, например, вложил 300 руб. на постройку Всех-Святской церкви (Городская дума передала их Екатерининскому собору). Точная дата смерти неизвестна, по некоторым данным, умер между 1864 и 1868 гг.

Лит.: Замарин М.И. Материалы для статистики добычи золота в России частными лицами в 1868, 1869 и 1870 годах// Горный журнал. 1871. Ч. 3. № 9. С.468; Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.

Москвич Константин Георгиевич (? , Ялта — ?). Ялтинский мещанин. Приехал в Екатеринбург по заданию РСДРП: был профессиональным революционером. Выдавал себя за предпринимателя: в 1895 г. приписался к купеческому сословию (купец 2-й гильдии). В Екатеринбурге занимался бакалейной торговлей, участвовал в общественной жизни города, в частности, был членом церковно-приходского попечительства при Екатерининском соборе и принимал участие в организации благотворительных базаров в помощь церковно-приходским школам. Одновременно вел подпольную работу, но позднее попал под подозрение полиции и был вынужден уехать из Екатеринбурга после 1902 г.

Источник: ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д.137. Л.33.

Пономарев Владимир Иванович (30.05.1842, Екатеринбург — ?). Из потомственных дворян. Был служащим екатеринбургского купца Я.П.Андреева, а также занимался разнообразной предпринимательской деятельностью. В 1881 г. купил с торгов пивоваренный завод и ряд торговых заведений разорившегося екатеринбургского купца А.И.Фадеева. После закрытия завода вложил средства в разработку каменноугольных копей. Был управляющим банкирской конторой наследников Я.П.Андреева (с момента ее открытия в 1878 г.). Под его руководством контора превратилась в солидное банковское учреждение. В 1904 г. из-за резкого падения курса купленных им процентных бумаг контора понесла крупные убытки и оказалась перед угрозой банкротства.

Пономарев пытался застрелиться, но рана оказалась несмертельной. Прекращение выдачи вкладов конторой вызвало панику не только среди ее вкладчиков, но и среди клиентов других банковских учреждений города. В результате Екатеринбург был поражен острым финансовым кризисом, а Андреевы — объявлены через суд несостоятельными должниками. Против Пономарева было возбуждено уголовное дело: ему инкриминировалась растрата денежных средств, так как следствие выяснило, что он пользовался деньгами конторы и для собственных предпринимательских нужд. Его временно заключили в тюрьму, но вскоре по состоянию здоровья освободили. В 1906 г. признан судом невиновным. Тем не менее большая часть его имущества была продана с торгов и пошла на удовлетворение претензий разоренных вкладчиков.

До разорения был активным членом Общества любителей конского бега и играл заметную роль в исполнительных органах этого общества (занимал долгое время должность казначея). В 1902 г. был старостой Екатерининского собора.

Лит.: Уральская жизнь. 1904. 30 сент. № 277

Савинов Ефим Васильевич (1846, Нижний Тагил — 12.02.1917, Екатеринбург). Верхотурский купец 2-й гильдии. Получил домашнее образование. Торговал в Нижнем Тагиле бакалейными товарами, а также кофе, чаем и сахаром, — имел довольно большие торговые обороты. В 1897 г. перекупил у екатеринбургского купца М.П.Брагина обойный магазин, а в 1899 г. приписался к екатеринбургскому купечеству (купец 2-й гильдии). В дальнейшем торговал в Новом гостином дворе российскими (московскими и петербургскими) и иностранными обоями, материалами для обивки стен и пр.

Занимался общественной деятельностью: был почетным блюстителем Верхне-Баранчинского училища (в 1898 г. выделил училищу помещение, помог при строительстве нового здания, за что получил в 1900 г. благодарность попечителя Оренбургского учебного округа), являлся действительным членом и членом совета Братства святого праведного Симеона Верхотурского (с 1909 г.), действительным членом Православного миссионерского общества, православного Палестинского общества. В 1908 г. избран старостой Екатерининского собора, а в 1897 г. пожалован серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте за заслуги по духовному ведомству. Отпевание Е.В.Савинова состоялось 15 февраля 1917 г. в Екатерининском соборе. Погребен на Ивановском кладбище.

Лит.: Циркуляр по Оренбургскому учебному округу на 1900 г. Оренбург, 1901.

Трапезников Константин Иванович (ок.1855, Мраморский завод Екатеринбургского у. — ?). Из мастеровых Мраморского завода. Со временем приписался в екатеринбургское мещанство, а в 1896 г. - в купечество (купец 2-й гильдии). Владел в Екатеринбурге мастерской по изготовлению мраморных памятников и других мраморных изделий. Участвовал в сооружении постамента для памятника Александру II, (исполнил

работ на 3,8 тыс. руб.). Был активным членом церковно-приходского попечительства при Екатерининском соборе, попечителем Екатерининской церковно-приходской школы и неоднократно давал средства на ее содержание. В 1891 г. пожертвовал деньги на устройство алтаря в северном приделе Иоанно-Предтеченского храма в Мраморском заводе. В 1905 г. выступил с инициативой сбора средств на расширение библиотеки реального училища. За заслуги по духовному ведомству был пожалован серебряными медалями для ношения на шее на Станиславской ленте и для ношения на груди на Аннинской ленте (1905). В 1912 г. получил архипастырское благословение с выдачей свидетельства за активную деятельность в Екатерининском церковно-приходском попечительстве.

Источник: ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д.137. Л.47.

Фролов Александр Васильевич (1860 — ?). Зубной врач екатеринбургской мужской гимназии. Окончил Казанский университет. С 1898 г. служил в министерстве народного просвещения, с 1904 г. — врач мужской гимназии, в 1909 г. — зубной врач 2-й женской гимназии. В 1910 г. получил чин коллежского секретаря. Был активным участником Екатерининского церковно-приходского попечительства.

Лит.: Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1913. Уфа, 1913. С.187, 205.

Чистяков Илья Федорович (? , Раменская вол. Егорьевского у. Рязанской губ. — ?). Из крестьян, затем екатеринбургский купец 2-й гильдии. Окончил начальную народную школу. В 1883 г. приехал в Екатеринбург. Некоторое время служил в качестве писаря в уездном воинском присутствии, затем занялся предпринимательством. Сначала работал в качестве приказчика в фирме своего брата Степана Федоровича Чистякова. Позднее они создали торговый дом "Братья Чистяковы". Фирма специализировалась на торговле чаем и сахаром, вела обширную торговлю в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, а также на Ирбитской и Кундровинской ярмарках. В состав торгового дома вошли не все торгово-промышленные заведения Чистяковых: так, Илья Чистяков был членом-распорядителем товарищества "И.Ф.Чистяков и К°" (эта фирма имела в Пермском у. Пермской губ. гвоздарную фабрику).

К 1900 г. торговый дом "Братья Чистяковы" попал в тяжелое финансовое положение и прекратил платежи, а на торговые заведения был наложен арест. В 1901 г. фирма на некоторое время возобновила свое действие, но по решению суда в сентябре 1901 г. Чистяковы были объявлены несостоятельными должниками с заключением под стражу. В 1902 г. Чистяковы расплатились с долгами и вернулись к предпринимательской деятельности, но Илья Федорович оставил Урал и перебрался на Дальний Восток, где полностью сосредоточился на торговле чаем: наладил закупки чая в Харбине и его сбыт в ряде центральных губерний, а также в Иркутске, заключил договор с торговым домом "Братья Агафуровы".

Проживая в Екатеринбурге, принимал участие в общественной жизни города: избирался товарищем директора городского общественного бан-

ка (06.07.1898 — 20.11.1898), был одним из создателей Екатеринбургского общества взаимного вспоможения приказчиков, принимал участие в разработке его устава, был участником благотворительного общества и старостой Екатеринбургского собора. В 1898 г. по его инициативе и при материальной поддержке были созданы Симеоновская женская и Ильинская смешанная церковно-приходские школы при соборе. Был избран почетным попечителем последней, а также членом епархиального училищного совета (с 18.10.1900). В 1904 г. оказал солидную поддержку екатеринбургскому лазарету Красного Креста, снабжая его чаем. Дальнейший период его жизни, начиная с 1910 г., практически неизвестен.

Лит.: ЕЕВ. 1898. № 21. 1 нояб.; Рудок. 1898. 5 сент.

Шабалина Мария Ивановна (19.01.1864, Екатеринбург — ?). Дочь бывшего мамадышского мещанина И. С. Шабалина, который в 1851 г. приписался к екатеринбургскому купечеству (купец 2-й гильдии, позднее — 1-й гильдии). Занимался золотодобычей. Имел золотые прииски в Оренбургской губернии. В начале 1860-х гг. приобрел с торгов золотой прииск в Гороблагодатском горном округе. К 1866 г. оказался в тяжелом финансовом положении и был объявлен несостоятельным должником, а вся его семья была переведена в мещанское сословие. Тем не менее Мария Ивановна сумела получить среднее образование, окончив в 1883 г. 1-ю женскую гимназию, а в 1884 г. — 8-й дополнительный класс при ней. Получила звание домашней учительницы. В 1894 г. участвовала в создании женской школы грамоты и рукоделия при Екатеринбургском соборе, позднее была учительницей при школе детского убежища Екатеринбургского благотворительного общества. Неоднократно участвовала в благотворительных акциях. Дальнейшая судьба неизвестна.

Лит.: ЕЕВ. 1898. № 21. 1 нояб.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Алтарь — восточная возвышенная часть христианского храма.

Амвон — возвышенное, выдвинутое в середину храма место, с которого диакон читает *ектенью*, Евангелие, а священник произносит проповеди.

Аналой — в православном храме стол, на который во время богослужения кладутся Евангелие, крест, иконы. Вокруг аналоя священник обводит новобрачных во время венчания.

Антиминс — льняной или шелковый плат с изображением Иисуса Христа во гробе и 4 евангелистов по углам, в которых зашиты частицы мощей.

Аршин — мера длины, приблизительно равная 0,7 метра (или 16 *вершкам*); в России с XVI века.

Аттик — стенка над карнизом, завершающая сооружение.

Базилика — здание прямоугольной формы, разделенное на несколько продольных нефов рядами колонн.

Благочиние — район *епархии*.

Благочинный — административно-судебное лицо в православной церкви, помощник епископа, осуществляющий надзор за церквями и духовенством *благочиния*. Должность введена Духовным регламентом 1719 года.

Вершок — русская мера длины, приблизительно равная 4,45 см.

Воздух — покрывало с изображением креста посередине; им накрывают во время *литургии священные сосуды*.

Волюта, волютка — архитектурный орнамент, скульптурное украшение в виде завитка, спирали.

Горнее место — место за *престолом* в *алтаре*, где на возвышении ставится кафедра епископа.

Дароносица — небольшой ковчежец, чаще в виде часовни, с дверцей и с крестом наверху; в ней переносят Святые Дары.

Дарохранилище — см. *Священные сосуды*.

Дискос — см. *Священные сосуды*.

Ектенья — совокупность молитв, читаемых диаконом или священником от имени верующих.

Епархиальное управление — административный церковный орган, существующий при правящем архиерее и помогающий последнему осуществлять руководство духовенством подведомственной ему *епархии*.

Епархия — церковно-административный округ во главе с епископом (епархиальным архиереем).

Епитрахиль — см. *Священные одежды*.

Жития святых — жизнеописания церковных и государственных деятелей, мучеников и аскетов, канонизированных христианской церковью.

Заказ — духовно-административный округ, во главе которого стоял заказчик или *благочинный*, назначавшийся епископом из священников данного округа. Заказчики были «глазами и ушами» преосвященного, наблюдали за поведением духовенства своего заказа, наказывали провинившихся. Такая система была одним из нововведений Петровской эпохи и создавалась согласно Духовному регламенту 1721 года.

Звезда — см. *Священные сосуды*.

Золотник — русская мера веса, приблизительно равная 4,26 грамма.

Иерей — официальное название православного священника.

Иконостас — в православном храме стена, отделяющая алтарь от храма и уставленная иконами.

Кадило — металлическая чаша, подвешенная на 3-4 цепочках; заполняется тлеющим углем, а также ладаном и другими ароматическими составами. Применяется при богослужении в христианских храмах.

Кафедра — кресло, стоящее на помосте в центре средней части православного храма. На нем сидит архиерей в установленные моменты богослужения.

Клир — в христианской церкви совокупность священно- и церковнослужителей, духовенство.

Клирос — возвышение перед иконостасом в православной церкви; на нем располагаются певчие и чтецы.

Консистория духовная — орган церковного управления при епархиальном архиерее; ведала все дела епархии, осуществляла суд над духовенством, а по делам о браке, о разводе и о богохульстве — над мирянами. Существовали с 1744 по 1918 год.

Копие — см. *Священные сосуды*.

Корец — ковш.

Купель — большая чаша на высокой подставке, используемая в таинстве крещения.

Лжица — см. *Священные сосуды*.

Литургия — обедня, главное христианское богослужение, на котором совершается таинство причащения.

Набедренник — см. *Священные одежды*.

Неф — см. *Базилика*.

Образ — икона.

Омофор — см. *Священные одежды*.

Орарь — см. *Священные одежды*.

Палица — см. *Священные одежды*.

Панагия — небольшая икона с изображением Богоматери; является знаком архиерейского достоинства, носится епископами на груди.

Паникадило — центральная люстра в православном храме со множеством свечей или лампад.

Паперть — галерея или крыльцо перед входом в храм.

Пелена — то же, что покрыва; покрывало, которым накрывают священные предметы на престоле в промежутках между богослужениями.

Пилястра — плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения, повторяющий все части и пропорции колонны.

Подризник — то же, что стихарь; см. *Священные одежды*.

Подрясник — повседневная одежда духовенства и монашества, надеваемая под рясу.

Позумент — тесьма, обычно шитая золотом или серебром.

Покров — см. *Пелена*.

Портал — архитектурно оформленный вход в здание.

Портик — архитектурное перекрытие, поддерживаемое колоннадой или аркадой, образующее выступающую часть здания, обычно перед входом в него.

Поручи — см. *Священные одежды*.

Потир — см. *Священные сосуды*.

Престол — главная принадлежность православного храма, четырехугольный стол, закрытый покрывалом, стоящий посредине алтаря. На престол помещают *антиминс*, Евангелие, напрестольный крест, *дарохранительницу*. Возле престола совершается причащение, проводятся богослужения. Престолы православных храмов освящаются в честь какого-либо святого или события, отчего храм получает свое название.

Придел — особый *алтарь* в православном храме, обращенный, как и главный *алтарь*, к востоку; располагается впереди или позади него. Приделы строили для того, чтобы в один день совершать в храме несколько *литургий*.

Приход — низшая церковно-административная единица, имеющая церковь с *причтом* и общину верующих.

Причт — священноцерковнослужители одного храма (прихода).

Риза — 1) то же, что *фелонь*; см. *Священные одежды*; 2) оклад на иконе — тонкое металлическое (медное, серебряное, золотое) покрытие, оставляющее открытым только изображение лица и рук.

Ризница — помещение в христианском храме или монастыре, где хранятся священническое облачение и церковная утварь; может находиться как внутри храма (например, при *алтаре*), так и в особой пристройке.

Рундук — мощеное возвышение перед крыльцом.

Сажень — русская мера длины, приблизительно равная 2,13 метра (или 3 *аршинам*).

Саккос — см. *Священные одежды*.

Священные одежды — облачение священнослужителей во время богослужений, имеющее особое духовное значение. К ним относятся: *стихарь* — длинная прямая одежда с широкими рукавами; *фелонь* (*риза*) — длинная одежда без рукавов с отверстием для головы; *саккос* — короткий *стихарь* с небольшими рукавами (носят лишь епископы); *орарь* — узкая длинная лента, которую носят диаконы на левом плече; *епитрахиль* — широкая лента, которую надевают на шею священники и епископы; *набедренник* — прямоугольный платок; *паница* — платок в форме ромба (их носят на поясе); *омофор* — широкая лента, которую епископы вешают через плечо.

Священные сосуды — общее название предметов церковной утвари, применяемых в богослужении. В православии к ним относятся: *дискос* — блюдо на ножке с изображением младенца Иисуса, лежащего в яслях, на нем освящают часть просфоры во время таинства причащения; *потир* — чаша, в которую вливается вино, символизирующее кровь Христову; *звездица* — две металлические дуги, соединенные в центре, ими прикрывается дискос; *копие* — нож для разрезания просфор; *лжица* — ложечка, из которой причащают мирян и церковнослужителей; *дарохранительница* —

сосуд в форме храма; внутри него хранятся святые дары. Священные сосуды освящаются, каждому из них придается символический смысл.

Согласие — мелкое формирование в старообрядчестве. На согласия делются более крупные объединения (толки).

Солея — возвышение перед иконостасом в православном храме, являющееся как бы продолжением алтаря.

Стихарь — то же, что подризник; см. *Священные одежды*.

Трапезная — просторное помещение церкви, размещающееся между папертью и храмом.

Фелонь — то же, что риза; см. *Священные одежды*.

Фронтон — архитектурное завершение фасада здания, представляющее собой треугольную плоскость, которая ограничена по бокам скатами крыши, а у основания — карнизом.

Фунт — единица массы; в системе русских мер приблизительно равнялся 409,5 грамма (или 96 золотникам).

Фурьер — поставщик фуража.

Храм — 1) церковное здание; 2) предалтарное пространство, перекрытое сводом или куполом.

Часовня — малая церковь без алтаря.

Шипец — верхняя часть торцовой стены здания, ограниченная скатами крыши; в отличие от фронтона не имеет горизонтального карниза.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- арш. — аршин
верш. — вершок
вол. — волость
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
губ. — губерния
ЕЕВ — Екатеринбургские епархиальные ведомости
ЕМИИ — Екатеринбургский музей изобразительных искусств
золот. — золотник
ИИиА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ЛАИ УрГУ — Лаборатория археографических исследований Уральского государственного университета
п. — пуд
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
саж. — сажень
св. — святой(ая)
СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
у. — уезд
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
ф. — фунт
ШФ ГАКО — Шадринский филиал Государственного архива Курганской области

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На обложке: Екатерининский собор. Вид с пруда. Фотография конца XIX—начала XX вв.

Форзац: «Пролог» (сентябрь-ноябрь). М., 1641 г.

На вклейке: План Екатеринбурга 1888 г. Обозначены улицы, относящиеся к приходу Екатерининского собора.

1—5 глава: Фрагменты общего вида Екатеринбурга. Репродукция с гравюры XVIII в.

- 1.* Великомученица Екатерина. Икона в шитом окладе и киоте. Мастерские Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря. Конец XIX — начало XX вв. ЕМИИ. Слайд И.Зиганшина.
2. План Екатеринбурга, составленный Н.Каркадиновым. 1734.
3. Проект каменной церкви И.Мюллера. 1743/ Из кн.: Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. III. Екатеринбург, 1999.
4. План Екатерининского собора, составленный А.Кичигиным в начале 1761 г.(?). ГАСО. Ф. 59. Оп.15. Д.43.
5. Дмитрий, митрополит Ростовский и Ярославский. Гравюра Е.Виноградова. XVIII в. Из кн.: *Дмитрий Ростовский. Жития святых*. Кн.1. М., 1789.
6. Екатерининский собор. Вид с северной стороны. Фотография начала XX в.
7. Лист из «Требника» Петра Могилы (изд. в тип. Киево-Печерской Лавры, 1646). Вверху — дарственная надпись: «Сию книгу благославляю сыну моему прото[иерею] Федору Лвовичю 1789 году августа [1]8 [дня] протопоп Лев Карпин[ский]» (запись обрезана при реставрации). Древлехранилище ЛАИ УрГУ.
8. Священник Г.И. Левитский с рикшей в Японии. Фотография конца XIX в. СОКМ.
- 9, 10. Титульные листы сочинений Дмитрия, митрополита Ростовского «Розыск о расколической брынской вере, о учении их, о делах их» (М., 1745) и Питирима, епископа Нижегородского «Працида духовная, новосочиненная противу вопросов расколических» (СПб., тип. Троицкого Александровского монастыря, 1721). Древлехранилище ЛАИ УрГУ. Аналогичные экземпляры были в библиотеке Екатерининского собора.
11. Молебен, посвященный закладке нового гостиного двора в Екатеринбурге. 1914 г. Фотография.

* Номер иллюстрации совпадает с номером рисунка в тексте.

12. Екатерининский собор. Вид с западной стороны. Фотография начала XX в.
- 13, 14. Малая плащаница «Положение во Гроб Господень» и покров «Несение креста на Голгофу». Начало XX в. Золотное и серебряное шитье по малиновому бархату. Мастерские Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря. Аналоги имелись в Екатерининском соборе. СОКМ. Слайд И.Зиганшина.
15. Крест напрестольный из хрусталя в серебряной оправе с накладными живописными медальонами. 1854. Предположительно из Екатерининского собора. Из кн.: Уральская икона. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998.
- 16, 17. Потир и дискос из хрусталя (?). XIX в. Екатеринбургская гранильная фабрика(?). Предположительно из Екатерининского собора (см. описание № 126 прил.2). СОКМ. Слайд И.Зиганшина.
18. Великомученица Екатерина. Икона начала XX в. На обороте надпись: «Сия Св[ятая] Икона пожертвована в память 200 летия Градо-Екатерининскому Собору от Церковно-религиозной Общины Совета и Сестричества 1/14 Октяб[ря] 1923 г.» ЕМИИ. Слайд И.Зиганшина.
19. Екатерининский собор. Фотография 1930 г. Музей истории Екатеринбурга.
20. Часовня Во Имя Св.Великомученицы Екатерины, возведенная в 1997 г. на месте Екатерининского собора. Фотография.

Оглавление

ГЛАВА 1. ЗАВОД-КРЕПОСТЬ И ЕГО ПЕРВАЯ ЦЕРКОВЬ	7
ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВОГО СОБОРА	25
ГЛАВА 3. ДУХОВЕНСТВО ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЦЕРКВИ	46
ГЛАВА 4. ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ: БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПРИХОДА.	58
ГЛАВА 5. В ЖЕРНОВАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	77
Дорога к Храму: вместо послесловия	97
ПРИМЕЧАНИЯ	100
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РОСПИСЬ ОСТАВШЕЙ ПОСЛЕ ПОЖАРУ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ И СКОЛКО ЧЕГО ЗГОРЕЛО 1748 ГОДА	106
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОПИСЬ ГРАДО-ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЕКАТЕРИНИНСКОГО СОБОРА И ЕГО ИМУЩЕСТВА 1920 ГОДА	111
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ПРИХОЖАН-АКТИВИСТОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЕКАТЕРИНИН- СКОГО СОБОРА (СОСТАВИТЕЛЬ В.П.МИКИТЮК)	129
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	137
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	141
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	142

Манькова И.Л.

М23 Храм в сердце и памяти (очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора).—Екатеринбург: Академкнига, 2000.— 144 с.

ISBN 5-93472 013-9

Книга посвящена истории первой церкви Екатеринбурга — Екатерининского горного собора, неразрывно связанного с историей города. Подробно рассказывается о строительстве храма, о соборном духовенстве и жизни Екатерининского прихода. На основе документов собора показана драматическая судьба Русской православной церкви в советское время.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Екатеринбурга и Русской православной церкви.

Научно-популярное издание

Манькова Ирина Леонидовна

ХРАМ В СЕРДЦЕ И ПАМЯТИ

Очерки истории Екатеринбургского
Екатерининского собора

Рекомендовано к изданию

Ученым советом

Института истории и археологии УрО РАН

Редактор И.Зырянова

Технический редактор Н.Гощицкий

Художественный редактор И.Цаплин

Оригинал-макет О.Аплеснина

Компьютерная верстка В.Майоров

ЛР № 071852 от 30.04.99

Подписано в печать 16.11.2000 г. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Академия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 158.

Типография УрО РАН.

Цена договорная.

Издательство «Академкнига». 620034, Екатеринбург, ул. Толедова, 43 а.